

Золотые звезды «Альфы»

Annotation

Книга посвящена легендарному антитеррористическому подразделению — группе «Альфа» и ее Героям, у каждого из которых на груди Золотая Звезда — знак высшего отличия нашей страны. Это не просто рассказ о сильных мужских характерах, о судьбах спецназа, о тяжелой доле военного человека, вынужденного каждый день чувствовать, как дышит ему в затылок смерть. Характеры и судьбы кавалеров Золотой Звезды — это еще великая и трагическая история нашей борьбы с самым страшным злом современности — терроризмом.

В 2009 году группе «А» исполнилось 35 лет, и в этом тридцатипятилетнем сражении у «Альфы» много подвигов, много побед.

Эти люди первыми преградили дорогу терроризму. Они — гордость нашего Отечества.

- [Михаил Болтунов](#)

-

- [Глава 1](#)

-

- [Заснеженный остров на границе](#)

- [Иного не дано](#)

- [Мужество пограничников](#)

- [«Служи верой и правдой...»](#)

- [Кто нужнее в группе?](#)

- [Боевое слаживание](#)

- [Люки, лючки, двери...](#)

- [На край земли советской](#)

- [Глава 2](#)

-

- [Проблемы роста](#)

- [Возглавить подразделение](#)

- [Противостояние](#)

- [Пуля, летящая в грудь](#)

- [Вооружить террористов](#)

- [Что бы ни случилось, не бойтесь](#)

- [Дети спасены](#)

- [Первый самолет — и тот с бандитами](#)

- [Глава 3](#)
 - [Бой первый...](#)
 - [Бой второй...](#)
 - [Бой третий...](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 -
 - [Братья](#)
 - [Настоящая, боевая работа](#)
 - [Его судьба, его дело](#)
 - [«Юра погиб...»](#)
 - [Глава 8](#)
-

Михаил Болтунов

Золотые звезды «Альфы»

Дорогие друзья!

Эта книга о героях. У каждого из них на груди Золотая Звезда — знак высшего отличия нашей страны. Сегодня их редко показывают по телевизору, скупое и мало вспоминают на страницах прессы. И тем не менее именно они — настоящие Звезды. Их никто не «раскручивал» на телеэкране, не вкладывал в их продюсирование миллионы долларов. Это они вкладывали свой труд, свои подвиги в дело укрепления нашего Отечества, отдавали здоровье, а порою и жизнь, чтобы жили другие.

Все, о ком говорится в книге, «родом» из «Альфы» — легендарного антитеррористического подразделения. Они — бойцы и командиры группы антитеррора России. И рассказать о них есть что, поверьте.

В «Альфе» вольно или невольно собрались люди особенные. Судьбы на редкость интересные, а порой и уникальные. На их долю выпала трудная миссия — первыми вступить в бой с терроризмом в нашей стране.

Это сейчас вам каждый школьник скажет — кто такой террорист. Но тридцать лет назад и слова-то подобного не знали. А уж как бороться с этой страшной болезнью, прозванной позже «чумой XX века», не ведали и подавно.

Бойцы и командиры группы «Альфа» стали первопроходцами.

Так уж случилось, что даже в самые мирные и спокойные для страны годы «Альфа» всегда воевала, всегда была в бою. Ибо терроризм постоянно развивался и крепчал. Он изобретал новые, невиданные способы и орудия борьбы, становился более изощренным, жестоким, бесчеловечным.

В этом тридцатипятилетнем сражении у группы «А» много подвигов, много побед. Они отмечены Золотыми Звездами Героев.

У «Альфы» их целое созвездие. Вряд ли какое другое подразделение или воинская часть может похвастаться таким количеством Героев.

Одиннадцать человек удостоены этого высшего воинского отличия. Генералы Виталий Бубенин, Геннадий Зайцев, Виктор Карпухин — Герои Советского Союза; полковник Анатолий Савельев, майоры Владимир Ульянов, Юрий Данилин, Александр Перов, младший лейтенант Геннадий

Сергеев — Герои России.

Еще о троих Героях говорить пока рано. Они — действующие сотрудники. Хотя придет такое время — расскажем и о них.

Книга о кавалерах Золотой Звезды — это не просто рассказ о сильных мужских характерах, о судьбах спецназа, о тяжелой доле военного человека, вынужденного каждый день чувствовать, как дышит ему в затылок смерть. Ибо характеры и судьбы кавалеров Золотой Звезды — это еще великая и трагическая история нашей борьбы с самым страшным злом современности — терроризмом.

Эти люди первыми преградили дорогу терроризму.

Они — гордость нашего Отечества.

Глава 1

Наш командир боевой

Самолет «Аэрофлота» коснулся бетонной полосы и зарулил на стоянку. Пассажиры стали собираться к выходу, но прозвучал голос стюардессы:

— Товарищи пассажиры, прошу всех оставаться на своих местах.

Остаться — так оставаться. Все успокоились, расселись в креслах. Майор Виталий Бубенин особого внимания на объявление бортпроводницы не обратил, мало ли зачем просят задержаться. И вдруг услышал:

— Бубенин Виталий Дмитриевич, вы где? Поднимите, пожалуйста, руку.

Жена толкнула его в бок: «Виталий, тебя, кажется, спрашивают».

Он поднял руку. Стюардесса поспешила к нему. За ее спиной Бубенин увидел двух парней. Темные костюмы, белые рубашки, галстуки. Сомнений не было, это свои, кэбешники, разумеется, столичные сотрудники.

Один из них склонился к Бубенину.

— Виталий Дмитриевич, нам приказано вас встретить и сопровождать. Машины у трапа. — Он протянул серый плащ, темные очки.

Случись подобное сейчас, Бубенин улыбнулся бы: совсем как в детективном кино. Но тогда было не до шуток. В плаще, с поднятым воротником, в темных очках, в сопровождении охраны он спустился с трапа. Здесь их ждали две черные «Волги». В первую сел он, во вторую — жена с сыном.

Машины рванули с места...

За окнами пролетала Москва — дома, улицы, прохожие. Автомобили свернули с Садового кольца, нырнули под виадук у Крымского моста и выехали на Фрунзенскую набережную. Поворот, еще один, въезд во двор какого-то дома. Первая «Волга» затормозила у подъезда.

Бубенин с семьей, двое в темных костюмах поднялись на последний этаж дома. Дверь отворилась, и они оказались в большой, светлой, меблированной квартире.

— Располагайтесь, — сказал один из сопровождающих, — здесь есть все необходимое. Просьба одна — из квартиры пока не выходить. Мы за вами заедем.

Когда «охрана» удалилась, Бубенины огляделись. Действительно, здесь было все необходимое: мебель — стулья, кровать, столы, телевизор,

телефон; на кухне — холодильник, набитый продуктами.

Бубенин понимал — это одна из оперативных квартир КГБ, но что делали здесь он и его семья, оставалось загадкой. И прежде всего для него самого — Героя Советского Союза, майора, еще вчера начальника политотдела погранотряда.

На приеме у Председателя Президиума Верховного совета СССР В. Подгорного после событий на острове Даманский. В. Бубенин — слева, спиной за столом.

Он искал и не находил ответа. Понятно, произошло нечто неординарное, что не укладывалось в обычную схему жизни, служебной деятельности офицера погранвойск. Иначе зачем эта повышенная секретность, автомобили к трапу, плащ в августовскую жару, черные очки, галантные ребята справа и слева. Он не разведчик — нелегал, не резидент, даже не генерал КГБ, а простой майор, каких в погранвойсках пруд пруди. Да, Герой Советского Союза. Но стал им не сегодня и не вчера, а пять лет назад. И даже тогда, после событий на Даманском, когда его имя не сходило со страниц газет, его не встречали у трапа, не сопровождали, не прятали, не запрещали выходить за порог.

Стоп! Даманский. Бубенин вдруг отчетливо понял, дело именно в Даманском. Все, что было с ним потом, никак не тянуло на подобный детектив. Учеба в академии, служба на границе... Буднично, обыденно, привычно.

Заснеженный остров на границе

Вечером, уложив спать уставших с дороги жену и сына, Бубенин долго пил чай на кухне. Его вновь догнал Даманский. Тот маленький заснеженный остров на границе с Китаем.

...К февралю 1968 года провокации китайцев на участках 1-й и 2-й пограничных застав 57-го погранотряда стали почти регулярными.

Три месяца назад, накануне празднования 50-летия Октябрьской революции, радиоприемник, работающий на заставе, неожиданно «поперхнулся», и замполит услышал сначала мелодию песни «Русский с китайцем — братья навек», а потом слова диктора. На весьма приличном русском языке он заявил: «Дорогие советские граждане, временно проживающие на китайской территории». Потом он будет так обращаться каждый день на протяжении нескольких месяцев.

Замполит лейтенант Кочкин сначала не поверил своим ушам, а потом, опомнившись, поспешил доложить о неизвестной радиостанции начальнику заставы.

— Стало быть, это мы с тобой, замполит, и есть те самые граждане, — резюмировал лейтенант Бубенин.

Теперь радиопередачи станут регулярными. Китайские пропагандисты будут поливать грязью Советский Союз, коммунистическую партию, обвиняя их в сговоре с империализмом. Отныне международные договоры между Пекином и Москвой толковались как неравноправные, границы — несправедливые. Хабаровский и Приморский край объявлялись территорией Китая.

Вслед за той передачей 6 ноября 1967 года группа китайцев вышла на лед реки Уссури, нарушив государственную границу. Оказавшись на советской территории, китайцы стали долбить лунки и деловито, словно у себя дома, устанавливать рыбацкие сети.

Тогда впервые перед лейтенантом Бубениным встал извечный русский вопрос — что делать? Оружие применять ни в коем случае нельзя, но нарушителей надо выдворять с советской территории. Из погранотряда получили указание: подойти на безопасное расстояние к китайцам и рукой дать отмашку. Это означало, что советская сторона требует покинуть территорию СССР.

Первый опыт оказался неудачным и смешным, несмотря на серьезность ситуации. Он махал, махал рукой, а китайцы не реагировали.

Не произвело на них впечатления и требование вернуться к себе.

После доклада Бубенина в отряд стало ясно: там тоже, судя по всему, не знают, что делать. Китайцев задерживать не разрешили, приказали мирно выдавливать с нашей территории. Однако возникал вопрос: мирно — это каким образом, если в руках у китайцев ломы, топоры, пешни?

Приказал: взявшись за руки, цепью, начать вытеснять китайцев. Однако китайцы мирно «вытесняться» не желали. В ход они пустили ломы и топоры. Завязалась драка. Противостоять нашим крепким, хорошо подготовленным, закаленным парням малорослые нарушители не смогли. Пограничники гнали их до самой границы.

Это было первое столкновение с китайцами. Утром 7 ноября они появились снова. А потом в течение ноября и декабря несколько раз нарушали границу, выходя на северную оконечность острова Киркинский. Китайцы всеми силами пытались спровоцировать советских пограничников на вооруженный конфликт — высылали военные патрули, чтобы обойти наши острова Буян и Большой, выходили на лед с плакатами, портретами Ленина, Сталина, Мао Цзэдуна, размахивали цитатниками Мао, громко кричали, скандировали. Всякий раз количество нарушителей увеличивалось. Провокации следовали одна за другой, порой по три-четыре раза в неделю. Тактика действий китайцев постоянно менялась. Чувствовалась рука хорошего закулисного режиссера.

Однажды они жестоко избили своего соотечественника и, неожиданно схватив за руки, бросили его безжизненное тело к ногам советских пограничников. Разумеется, сценарий был заранее известен китайским фотокорреспондентам и кинооператорам. Те быстро засняли избитого «мирного» рыбака, лежащего у шеренги пограничников. Назавтра этот снимок с подачи китайцев растиражируют многие мировые информационные агентства.

Советский Союз в очередной раз промолчит.

Костью в горле у китайских провокаторов стал он сам, начальник 1-й погранзаставы. Китайцы чувствовали, что ребят — пограничников, готовых сорваться в горячей драке, сдерживает хоть и молодой, но уже достаточно опытный и расчетливый лейтенант. Это он всякий раз на хитроумные китайские провокации находил умелый, адекватный ответ.

Бубенин вспомнил, как однажды, после очередного «ледового побоища», оглядывая кровоподтеки, ссадины, раны подчиненных, он мучительно думал — что противопоставить китайцам. Оружие применять нельзя. Но тогда что? Ведь отражать натиск «китайских орд» становится все труднее и труднее. Однажды его осенило. А если использовать старое,

традиционное оружие сибирских охотников на медведя — рогатину. Попробовали. Оказалось, очень эффективная штука. Когда толпа китайцев пыталась сблизиться с пограничниками, те выставляли рогатины вперед. Использование «чудо-оружия» приводило нарушителей в замешательство. А для тех, кто все-таки лез на рожон, пограничники припасли еще одно действенное средство из арсенала древних сибиряков — увесистые дубины. Кстати говоря, вскоре «бубенинские» рогатины и дубины получили свое распространение по всему погранотряду. А у Бубенина были и другие придумки для провокаторов.

Вот за это и ненавидели его китайцы. Люто ненавидели, даже устраивали охоту. Первыми это почувствовали подчиненные Бубенина. А он, когда стал замечать, что во время «ледовых побоищ» всегда рядом с ним оказывается парочка самых крепких его пограничников, так прямо и спросил:

— Вы чего меня пасете, как красну девку?

Пограничники засмущались, но потом разъяснили, мол, подкарауливают вас, товарищ лейтенант. Сначала не поверил. Но потом, когда на него бросился огромный китаец с кулаками размером почти с пудовые гири, понял: правы ребята. Они-то его и спасли от нападающего — настоящие здоровяки, бойцы-сибиряки, способные уложить самого крупного и агрессивного китайца...

В кулачных боях местного значения прошел почти весь декабрь. Но к новогодним праздникам китайцы неожиданно убрали с границы своих многочисленных провокаторов. Наступило тревожное затишье. Надолго ли? Такой вопрос задавали себе пограничники. Оказалось, ненадолго.

Иного не дано

Уже 3 января на участке его заставы государственную границу нарушили около 500 человек. Поначалу он не поверил этой цифре, поскольку сам находился в отрыве от заставы, уехал в Иман, чтобы зарегистрировать брак. Жене вскоре предстояло рожать, а жених все никак не мог выбрать время отвести любимую женщину под венец. Когда после регистрации «молодые» возвратились в отрядную гостиницу, у дежурной Бубенина уже ждала записка — явиться к начальнику отряда полковнику Леонову. Вот он и обрадовал — краткосрочный отпуск у лейтенанта, не начавшись, закончен, а на Каркинский вышло 500 человек.

В. Бубенин на отдыхе

Через 35 лет в своей книге «Кровавый снег Даманского» он так опишет то страшное побоище: *«Несколько сот разъяренных провокаторов пытались с ходу атаковать нас еще при подходе к острову и не дать нам*

развернуться. Пользуясь многократным превосходством, они старались окружить нас. Но опытные офицеры и солдаты мангруппы не дали им этого сделать и продолжали теснить китайцев.

Завязалась жестокая рукопашная схватка.

Мы выставили все автомобили посередине реки и включили все фары, ослепляя китайцев. Это здорово нам помогло.

До глубокой ночи шло ожесточенное сражение. Треск дубин и прикладов, крики ярости и просьбы о помощи, стоны, мат — все слилось в сплошной рев.

Вскоре обе стороны стали вытаскивать из этой схватки раненых и изувеченных. Картина жуткая. И никто никого не мог выбить с острова... Далеко за полночь схватка стала потихоньку затухать.

... Китайцы целенаправленно поднимали уровень напряженности с каждым разом все выше и выше, стремясь спровоцировать нас на открытие огня».

И этот раз пришел, но, к счастью, применил он тогда не оружие, а бронетехнику. Иного выхода просто не было. Даже теперь, через пять лет, сидя на кухне оперативной квартиры в Москве, отхлебывая холодный, горький чай, он чувствовал, как возвращается к нему то состояние — дрожь во всем теле, тошнота, липкий пот, заливающий лицо.

Случилось это в феврале 1968 года. Один из секретов доложил на заставу, что огромная колонна китайцев с плакатами и лозунгами движется в сторону острова. Старший наряда терялся в примерном подсчете количества нарушителей, называл человек восемьсот. Позже выяснилось, в тот день на лед вышла тысяча китайцев.

От многосотенной китайской толпы исходила зловещая опасность. Это чувствовал он, лейтенант Бубенин, это чувствовала горстка его пограничников, растянувшаяся в две шеренги, в две тонкие ниточки.

А на импровизированной трибуне, которую соорудили китайцы, один оратор-горлопан сменял другого. Их криками приветствовала толпа. Звучали цитаты Мао, которые хором повторяли китайцы. Гремели барабаны оркестра. По команде толпа развернулась и бросилась на шеренги советских пограничников.

«Тысяча отборных, крепких, разъяренных бойцов схватились в смертельной схватке. Мощный, дикий рев, стоны, вопли, крики о помощи далеко разносились над великой рекой Уссури.

Треск кольев, прикладов, черепов и костей дополнял картину боя. На многих автоматах уже не было прикладов. Солдаты, намотав ремни на руки, бились тем, что у них осталось...

А громкоговорители продолжали вдохновлять бандитов. Оркестр ни на минуту не умолкал.

Напряжение достигло предела. В какой-то момент я вдруг четко осознал, что может произойти что-то непоправимое. Решение пришло неожиданно...»

...Бубенин встал, подошел к окну. Он не раз возвращался в мыслях к тому страшному побоищу и к своему неожиданному решению. Может, и не прав был, как считал кто-то в отряде. Может, и в самом деле не по чину-должности много взял на себя.

А если бы не взял? Если бы не вскочил в БТР и не приказал механику-водителю направить машину на толпу китайцев? Они просто смели бы его пограничников, раздавили, затоптали. Китайцы обвинили его тогда, что он задавил четырех «мирных рыбаков».

В погранотряде его поступок тоже был воспринят неоднозначно. Оживились особисты, уголовное дело завела военная прокуратура. На заставу прилетел сам начальник разведки погранвойск генерал Киженцев с группой офицеров.

Начальник разведки внимательно выслушал его, пограничников, задавал наводящие вопросы и все больше хмурился, мрачнел.

В конце беседы он долго молчал, потом глухо, тяжело спросил:

— Вы понимаете, лейтенант, что подписали себе приговор?

Да, он это прекрасно понимал. Там, на «ледовом побоище», у него не было выбора — не останови он китайцев, потеряй своих солдат — приговор. Остановил нарушителей границы — сбил или не сбил, надо еще доказать — опять приговор.

Трудно сказать, почему тогда закрыли уголовное дело, не состоялся «приговор», о котором говорил генерал. Ходили слухи, что когда об этом происшествии доложили Генеральному секретарю Леониду Брежневу, он ответил: действия пограничников следует одобрить. А может мартовские события 1969 года «помогли». Получилось на войне как на войне — после Даманского выходило не под приговор подводить надо, а награждать. Наградили.

Мужество пограничников

На следующее утро за ним приехали те же сотрудники, что встречали в аэропорту. Куда теперь лежал его путь? Может, в прокуратуру? Оказалось на площадь Дзержинского, нынешнюю Лубянку, в управление пограничных войск КГБ СССР.

Началось хождение по высоким кабинетам. Сопровождающий провожал его в приемную какого-то начальника и докладывал дежурному офицеру.

— Майор Бубенин...

Офицер понимающе кивал и заходил к шефу. Через минуту— другую майора приглашали в кабинет. Виталий Дмитриевич чувствовал, что это какие-то большие начальники Комитета госбезопасности, но кто эти люди — оставалось загадкой.

Сами они не представлялись, одеты были не в форму, а в штатские костюмы, так что об их званиях можно было только догадываться. Майор с границы, для которого начальником является командир погранотряда, а командующий округом — заоблачная высота, разумеется, не знал и не мог знать высший эшелон руководителей Комитета госбезопасности. А это были именно они. Позже Бубенин узнает, что водили его по кабинетам членов коллегии КГБ, и те самые штатские, интеллигентные, негромкие собеседники майора носили звания генерал-полковников и возглавляли ведущие главные управления.

Поразительно, но первый день собеседований для прояснения его судьбы ровным счетом ничего не дал. Высокие начальники, как казалось ему, говорили обо всем, только не о том, зачем его вызвали в Москву...

Так в беседах прошло несколько дней. Вечером он был у первого заместителя председателя КГБ Семена Кузьмича Цвигуна.

— Завтра идем к Юрию Владимировичу Андропову, — сказал Цвигун.

«Служи верой и правдой...»

Ровно в десять их пригласили к председателю КГБ. Первым вошел генерал Цвигун, за ним начальник погранвойск генерал Матросов, потом руководитель 7-го управления генерал Бесчастнов и он, майор Бубенин.

Юрий Владимирович встал из-за стола, пожал всем руки, предложил сесть. Принесли чай с лимоном — стаканы в тяжелых, массивных подстаканниках.

Андропов все больше спрашивал, слушал. Вопросы были обращены чаще к Бубенину, который вновь рассказывал о себе, о службе на границе, о Даманском.

В конце разговора председатель КГБ сказал:

— Вы нам подходите.

Пожал руку и пожелал удачи.

Так неожиданно для себя Герой Советского Союза майор погранвойск Виталий Бубенин получил новое назначение. Он возглавил легендарную ныне «Альфу».

Это теперь она такая известная и легендарная. А тогда никто бы и не взялся предположить, что из всего этого получится.

Когда будущий начальник штаба «Альфы» полковник Анатолий Савельев еще молодым прапорщиком уходил в группу из своего подразделения, ему говорили: «Зачем это тебе нужно? Сколько таких групп создавалось под конкретные задачи. И где они теперь?»

Говорившие по-своему были правы. Действительно, в КГБ нередко формировались временные подразделения для выполнения конкретных задач. Но после решения этих задач они расформировывались. Кто о них знал, помнил? Многие считали, что и «Альфу» постигнет подобная судьба.

Однако был человек, который думал иначе. Не знаю, обладал ли он даром предвидения, но даром мудрого руководителя владел точно. Речь идет, конечно же, о председателе КГБ Юрии Владимировиче Андропове.

Этот человек не сомневался: путь «Альфы» окажется длинным и трудным. У нее будет много работы.

В 1974 году, когда Юрий Владимирович собственной рукой написал приказ о создании группы «А» № 0089/ОВ (что означает «совершенно секретно» и «особой важности»), американец Чарльз Беквит, ветеран войны во Вьетнаме, еще ходил по кабинетам Пентагона и доказывал, что такое подразделение очень нужно. Однако его никто не хотел слушать. В

бесплодной борьбе прошло несколько лет.

«Я пришел к выводу, — признался Беквит, — что армия США не считает нужным иметь подобное подразделение. У меня голова шла кругом от тирании бюрократов».

Майор Виталий Бубенин, к счастью, был избавлен от необходимости кому-либо что-то доказывать. Все, кто занимался созданием группы, думается, осознали государственную важность этого предприятия. Для тех, кто не осознал, добрым стимулом в работе стал андроповский приказ. Однако на этом преимущества Бубенина перед Бевитом, пожалуй, заканчивались.

В чем была главная сложность?

Прежде всего в том, что в нашей стране, как, впрочем, и во всем остальном мире, не существовало опыта создания подобных подразделений. Поэтому и произошла печально известная трагедия мюнхенской Олимпиады-72, когда власти были в растерянности, а полиция бессильна. Однако именно после Мюнхена правительство Западной Германии создает специальное подразделение по борьбе с терроризмом, названное ГСГ-9. В эти же годы сформированы подобные подразделения во Франции — группа национальной жандармерии (ГИГН), у нас, в Советском Союзе, — группа «А».

Тремя годами позднее, в 1977-м, США в Форт-Брагге, в штате Северная Каролина, развернут группу «Дельта».

Кто нужнее в группе?

Как только эти спецподразделения появятся на свет, они обратятся за помощью к израильтянам. К середине 70-х годов спецназ Израиля накопит достаточно знаний и опыта в борьбе с террористами. В Израиле пройдут стажировку бойцы британской САС, западногерманской ГСГ-9, американской «Дельты».

Однако ни о чем подобном не мог мечтать только что назначенный командир советской группы «А» майор Бубенин. Да он, собственно, и не мечтал. У него были другие заботы. Для начала надо просто собрать воедино подразделение из отдельных личностей. О том, что они должны быть личностями, командир группы не сомневался. Личностями, которые дополняют друг друга, помогают, создают единое, крепкое, слаженное подразделение.

Сложность была еще в одном — легче набирать бойцов под определенные, ясные задачи. Нельзя сказать, что Бубенин не помнил приказа Андропова. Он выучил его наизусть: пресекать преступные акции на аэродромах, вокзалах, в морских и речных портах. Все вроде предельно ясно. Однако не ясно главное: как это делать? Какие бойцы для этого нужны, какими качествами физическими, психологическими, моральными они должны обладать?

Однако критерии все-таки были нужны. Поэтому решили формировать группу только на добровольной основе. Это во-первых.

Во-вторых, попасть в «Альфу» могли офицеры, прослужившие в КГБ не менее двух лет.

В-третьих, кандидаты должны иметь высшее образование или учиться в вузе.

В-четвертых, выдерживать большие физические и психологические нагрузки. Требования предъявлялись самые жесткие. Поэтому в первой тридцатке группы «А» оказались в основном спортсмены — чемпионы страны, республики, общества «Динамо» Комитета госбезопасности.

Были, конечно, и объективные положительные условия. В ту пору в КГБ из трудовых, воинских, студенческих коллективов рекомендовали и отбирали только лучших. А Юрий Владимирович Андропов разрешил Бубенину выбирать свою «тридцатку» из всего Комитета госбезопасности, из тысяч сотрудников, то есть лучших из лучших.

В «Альфу» шли люди смелые и мужественные, готовые не за деньги, а

ради спасения других пожертвовать собой. Потом с годами мысль о самопожертвовании при спасении заложников станет одной из основных. Примером тому многие спецоперации «Альфы» и, в первую очередь, освобождение захваченной школы в г. Беслане в сентябре 2004 года.

С тех пор прошло уже три с половиной десятка лет, но первая «бубенинская» тридцатка и поныне считается лучшей. Почему?

Возможно, на этот вопрос ответят сами сотрудники группы «А». И в первую очередь из того первого набора.

Вот мнение полковника Анатолия Савельева, погибшего при освобождении заложников у шведского посольства 20 декабря 1997 года. Интервью у меня с ним состоялось в марте 1992 года.

Корреспондент: «Как вы думаете, первый набор группы «А», первая тридцатка, был удачным?»

Савельев: «Да, очень удачным. Этот первый призыв и еще набор 1978 года — самые лучшие. Без сомнения. Хотя и позже выбор был большой...»

Корреспондент: «А почему так?? От чего зависит??»

Савельев: «Мне кажется, это было совсем другое поколение людей. Иное отношение к делу. Ведь многое из того, что мы делали, нам никто не говорил, в шею не гнал, мол, делай добросовестно. Это как разумеющееся само собой...

...В первой тридцатке ребята были здоровые от природы, занимались спортом, имели голову на плечах.

Очень важно, что большинство сотрудников первого набора пришло из «наружки». Там работа очень самостоятельная. Ты остаешься один на один. Надо думать».

Первый призыв группы «А». В центре в военной форме Герой Советского Союза В. Бубенин.

Такой видел «бубенинскую» тридцатку изнутри Савельев, которому было посмертно присвоено звание Героя России.

Валентин Шергин, начальник охраны Бабрака Кармаля, не раз закрывавший собой афганского руководителя, по поводу бубенинской тридцатки имеет следующее мнение:

«Первый набор — 30 человек — оказался на редкость сильным во всех отношениях.

Работали за идею, никаких дополнительных выплат. Часто сидели «на казарме», разъезды, выезды. Бывали моменты, когда ко мне гости в дом, а я — из дому. На службу. Хорош хозяин...»

Случалось, уже зачисленные сотрудники приводили с собой своих знакомых, товарищей, друзей. Бубенин внимательно относился к таким рекомендациям. Ведь каждый, кто желал «порадеть родному человечку», как выражался известный литературный герой, понимал, что ему лично придется идти под пули террористов, плечом к плечу с этим самым «родным человечком». А кому не дорога собственная жизнь?

Да и к тому же группу антитеррора вряд ли можно назвать теплым местечком. Огромные физические нагрузки, постоянный тяжкий труд, мобилизация всех сил организма. Так что порочный метод протезирования

в данном случае пришелся как нельзя кстати.

Интересно, что этот метод комплектования прижился в «Альфе». И сегодня, через 35 лет после того, как Бубенин принимал в свои ряды первых «протеже», в подразделения приходят по рекомендации действующих сотрудников их друзья, сыновья друзей, братья, зятья. Разумеется, они подвергаются строгой проверке. И тут уж никакие рекомендации не помогут. Но если ребята выдерживают экзамен, как говорится, милости просим к нашему шалашу.

Конечно, речь не идет о том, что по такому принципу формируется вся группа, однако и этот подход опробован практикой и вполне применим.

Словом, примерно через месяц проблема комплектования подразделения была решена. Группа создана, укомплектована в соответствии со штатом — командир, заместитель и 28 сотрудников. Теперь не только Бубенин, заместитель Ивон, но и все бойцы задавались вопросом — что делать дальше? Там, на прежних местах службы, они были лучшими, передовыми, и о службе знали все или почти все. Здесь они о службе не знали ровным счетом ничего.

Однако неспроста говорят, командир — всему голова. Потому все смотрели на командира.

Боевое слаживание

Майор Бубенин помнил о задаче, поставленной председателем КГБ: создать подразделение антитеррора, способное защитить наших граждан от особо опасных преступных акций на аэродромах, вокзалах, морских портах.

Однако прежде чем создать специальное подразделение для выполнения таких сложных задач, как освобождение самолетов, кораблей, иностранных представительств, надо было, как говорят в войсках, «сколотить» обычный воинский коллектив, решить проблему слаженности боевого подразделения. Чтобы они чувствовали себя единой семьей, не только за праздничным столом, но, прежде всего, на поле боя. А для этого следовало отработать тактику, организовать взаимодействие, связь.

Герой Советского Союза старший лейтенант В. Бубенин на встрече с пионерами.

Начались выезды в учебные центры Тульской воздушно-десантной дивизии и Московского высшего военного пограничного училища в Ярославскую область.

Почти одновременно с боевым слаживанием возникла проблема

вооружения и снаряжения группы. Какое оружие, броне в головы пришла мысль — сравнить его с иностранными образцами. Обратились к руководству. К их предложению отнеслись с пониманием. Вскоре в группу доставили оружие и бронежилеты иностранного производства. Это были образцы английских и немецких фирм.

Первым делом опробовали бронежилеты. Западные фирмы делали их, конечно, изящнее, легче, но наши АКМ пробивали их запросто. Отечественные «броники» хоть и тяжелее, но надежнее. На том и порешили — оружие и бронежилеты использовать отечественные.

Не последнее дело и экипировка. Она должна быть удобной, функциональной, не стеснять движения. Пересмотрели все, во что одеты военнослужащие Министерства обороны, внутренних войск, Комитета госбезопасности. Лучше других показалась форма ВВС — кожаные куртки, сапоги, комбинезоны летных техников. Ее и приняли.

В 1975 году Бубенин почувствовал — пора начинать тренировки на самолетах. Сначала надо было понять: как будут действовать террористы. В ту пору террористические акты в нашей стране были крайне редки. А уж захваты самолетов — и тем более.

Бубенин с Ивоном перелопатили кэзбешные архивы. Оказалось, первая попытка угона самолета за границу в послевоенный период (в довоенный их вообще не было) пришлось на далекий 1954 год. Самолет «Ли-2» угоняли из Эстонии. Угон сорвал бортмеханик Тимофей Ромашкин, вступивший в борьбу с бандитами. Он погиб. Посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза.

В 1970 году отец и сын Бразинскасы захватили самолет «Ан-24», убили бортпроводницу Надежду Курченко и приказали лететь в Турцию. Самолет совершил посадку на аэродроме турецкого города Трабзон. С тех пор об угонщиках ничего не слышно. МИД СССР потребовал выдачи убийц. Только кто же их выдаст.

И, наконец, в 1973 году четверо вооруженных преступников захватили самолет «Як-40», следовавший по маршруту Москва — Минск, и потребовали вылета за рубеж. Спецоперацию по освобождению заложников проводили московские милиционеры и сотрудники УКГБ по Москве и Московской области. Эту операцию «альфовцы» разобрали по косточкам.

А дело происходило так. После захвата экипажу удалось убедить бандитов сделать посадку в Москве, якобы для дозаправки топливом. Посадку сделали в аэропорту «Внуково-2».

Первыми в переговоры с бандитами вступили Министр внутренних

дел Николай Щелоков и первый заместитель председателя КГБ Семен Цвигун. Они оказались в аэропорту после завершения межгосударственного визита. А тут и «Як-40» с террористами подружил.

Высокие начальники начали переговоры. Вскоре в аэропорт прибыл шеф управления КГБ по Москве и Московской области генерал Виктор Алидин. Террористы требовали дозаправку самолета, передачу полутора миллионов долларов и вылет в Швецию. Если их требования не будут выполнены, угрожали взорвать самолет с пассажирами и экипажем. Щелоков и Цвигун решили удовлетворить требования угонщиков и выпустить самолет за границу, но поставили условие — вылет только после передачи раненых. Террористы приняли условие.

К самолету был направлен заправщик и машины «скорой помощи». Когда машины возвратились, сотрудникам КГБ удалось узнать со слов эвакуированных пассажиров, что в салоне находятся четверо захватчиков, вооруженных ружьями. Относительно взрывного устройства раненые отвечали отрицательно. Никто из них не видел у террористов бомбу, взрывчатку или что-нибудь подобное.

Было принято решение провести спецоперацию по нейтрализации террористов и освобождению заложников.

Группу захвата возглавил начальник Московского уголовного розыска. Штурмующих одели в бронежилеты, вооружили табельными Макаровыми, и они, выстроившись в цепочку, незаметно для террористов расположились под фюзеляжем самолета.

Когда сотрудник с чемоданом в руке, в котором были приготовлены деньги для передачи, подошел к лайнеру, бандиты открыли двери. Прозвучали выстрелы. Двое террористов упали замертво у двери, а группа захвата быстро проникла в самолет и арестовала угонщиков. Никто из пассажиров во время штурма не пострадал. Старший лейтенант милиции Попрядухин за умелые действия в ходе операции был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

На первый взгляд спецоперация прошла успешно. Однако когда Бубенин и его сотрудники стали тщательно анализировать все этапы, оказалось, что успеха добиться помогла цепь счастливых случайностей. Но полагаться только на удачу, везение в борьбе с террористами нельзя.

Первый срыв мог произойти, когда чекисты не смогли собрать нужной суммы денег. Тогда генерал Алидин приказал сделать «куклу».

Следующая незадача — отсутствие у группы захвата багра и штурмовой лестницы. К счастью, рядом оказалось пожарное депо, а штурмовую лестницу нашел опытный шеф московского КГБ — он вырвал

несколько звеньев из металлической ограды аэродрома. А если бы ограда была деревянная или бетонная, а пожарных не оказалось поблизости? Что тогда? Вот об этом и размышлял командир группы «А».

Люки, лючки, двери...

И все-таки Бубенин кое-что взял из опыта «алидинской» штурмовой группы. Он и его заместитель Ивон попытались мысленно поставить себя на место террористов.

Захват. Бандиты должны выдвинуть требования. Каким образом? Варианта три. По радио с самолета, в форточку кабины, в открытую дверь, как летом 1973-го во «Внукове-2». Аккумуляторные батареи быстро сядут, дверь в кабину заблокирована, и пилоты ее не откроют, значит остается дверь лайнера. Нужно использовать, к примеру, багор или нечто подобное, чтобы угонщики не могли ее захлопнуть. А если это будет не просто багор, а своего рода газовое оружие? Одним ударом двух зайцев — и дверь блокируется, и террористы падают, сраженные струей газа.

Обратились в техническое управление КГБ, в один из научно-исследовательских институтов. Через несколько дней в распоряжение группы доставили это «чудо-оружие», как шутили бойцы, — «газовый багор»...

Возможно, сегодня с высоты тридцатилетнего опыта борьбы с терроризмом «газовый багор» кажется смешным и наивным приспособлением, но без него не было бы многого, чем ныне владеет и гордится легендарная «Альфа».

Самолеты, которые предстояло штурмовать, бойцы первой тридцатки излазали «от» и «до» — где какие люки, лючки, двери, как они открываются, закрываются, куда падают — в проход или на кресла. Изучали и наиболее уязвимые места воздушных лайнеров, ознакомились с порядком заправки горючим, смены экипажей, загрузки и выгрузки багажа, посадки пассажиров.

А вскоре провели и свои первые учения по освобождению захваченного «террористами» самолета. Посмотреть, чему научились сотрудники группы «А», приехал заместитель председателя КГБ.

Противостояли «альфовцам» опытные оперативники Комитета. Им была поставлена задача — обнаружить бойцов штурмовой группы еще на подходе, до проникновения в самолет. Оперативники глядели в иллюминаторы во все глаза. Они понимали: «альфовцы» где-то здесь, рядом. Чувствовали даже покачивание самолета, какие-то едва различимые шорохи, но ничего не видели. Вокруг лайнера никаких людей, плоскости крыльев пусты.

И вдруг, в мгновение ока, в полупустом самолете — толпа людей. В униформе, в касках, с пистолетами. Ослепляющий взрыв, резкие крики: «Руки за голову! Голову на колени!»

Оперативников, играющих роль террористов, быстро скрутили, спустили вниз, положили носом на бетонку у самолета.

Зампред КГБ остался доволен.

Но чего это стоило «альфовцам»? Например, найти «мертвое» пространство на крыле самолета — считай, целое открытие. Оказывается, есть такое, и бойцы группы антитеррора вполне успешно используют его для скрытного выдвижения к люку лайнера.

Тогда же, в ходе тренировок на самолете, сотрудники подразделения поняли, что при проникновении в салон главное — скорость, быстрота броска. Неожиданное появление бойцов, с применением светозумовых гранат и других спецсредств парализует волю захватчиков, дает выигрыш во времени, а значит, возможность завершить операцию успешно.

Отработав самолет, Бубенин, Ивон и их подчиненные шли дальше. Они понимали, что захват самолета — лишь одно из звеньев террористического акта. В любом случае при поездке в аэропорт или обратно террористы потребуют транспорт. При этом у них, скорее всего, будет свой водитель. Значит, вставала проблема — как нейтрализовать террористов на маршруте движения.

Это потом, позже «альфовцы» придут к выводу, что штурм транспортного средства во время движения по маршруту — и есть самый действенный прием. А пока творческая мысль работала в другом направлении. Например, создать специальный автобус, погрузившись в который террористы просто бы засыпали.

Бубенин опять встретился с учеными. Можно ли создать автомобиль, в котором террористы усыпляются газом? В принципе можно, ответили ему. Но что станет с пассажирами этого автомобиля, среди которых будут не только бандиты, но и заложники? Ведь уснет и водитель, а машина просто разобьется. А надо сделать так, чтобы не разбилась.

Задача ясна — ученые стали думать. Вскоре прозвучал телефонный звонок из НИИ КГБ — забирайте «изделие» и испытывайте. «Рафик» был полностью готов к испытаниям, в кузове машины даже сидели подопытные кролики.

Выехали на полигон. За руль сел сам Бубенин. По ходу движения оглянулся через плексигласовую прозрачную перегородку — кролики, опустив уши, уже засыпали. Вскоре и сам он не заметил, как «вырубился» и уткнулся лицом в баранку. Автомобиль в ту же секунду резко затормозил.

Ехавшие сзади ученые с бойцами подбежали, вытащили командира, привели в чувство.

Оказывается, из второй машины, идущей следом за его «рафиком», была подана команда на специальное устройство, пускающее газ, а также включался тормоз.

Впоследствии эта идея не прижилась. Возникло много проблем — как технического свойства, так и медицинского, биологического. Усыпить сидящих в автобусе удавалось на 5–7 минут. А если группа захвата застрянет, остановится по каким-либо причинам и не успеет арестовать террористов? Что сделают они с заложниками, когда придут в себя и поймут в чем дело? Или если бандиты заподозрят что-то неладное и просто отвергнут предложенное транспортное средство? Значит, это ложный путь. Предстояло найти другой. И он был найден и в будущем показал свою эффективность. Таким способом «взяли» захваченный террористом автобус с корейскими туристами в Москве на Васильевском спуске в 1995 году. Бандит был уничтожен, заложники — освобождены.

На край земли советской

...В апреле 1977 года командир группы «А» Виталий Бубенин был на докладе у председателя КГБ Андропова. Каждые полгода вызывал его к себе Юрий Владимирович. Внимательно слушал, задавал вопросы, спрашивал о проблемах, о нуждах. Так было и в этот раз. Судя по всему, руководитель Комитета госбезопасности остался доволен докладом командира группы антитеррора, поблагодарил за службу.

Тут Бубенин преподнес ему сюрприз.

— Юрий Владимирович, хочу вернуться в пограничные войска.

Андропов внимательно посмотрел на майора, снял очки, отложил их в сторону.

— Ну, что ж, дело вы свое сделали, группу на ноги поставили, — сказал он. — В конце концов, вы не в тыл проситесь, а на передовую. Пишите рапорт, найдем вам достойную должность в погранвойсках.

И Бубенин написал. Председатель КГБ наложил резолюцию: «Тов. В. А. Матросову. Прошу очень внимательно отнестись к просьбе тов.

Бубенина и, по возможности, положительно ее решить. Андропов».

С трижды Героем Советского Союза И. Кожедубом.

В погранвойсках «внимательно отнеслись и решили». В конце апреля

вышел приказ — назначить майора Бубенина на должность начальника политотдела погранотряда на Камчатку. Словно и не было этих двух с лишним лет службы в центральном аппарате КГБ. Его вновь вернули на прежнюю должность, только отправили еще дальше — на край земли советской.

Как складывалась дальше судьба первого командира группы «А»?

Он воевал в Афганистане, в 1981 году был назначен заместителем начальника оперативно-войскового отдела Среднеазиатского пограничного округа.

Учился в Академии общественных наук при ЦК КПСС, закончил ее, служил в Политуправлении погранвойск. С 1987 года — начальник Политического управления — член Военного совета Прибалтийского пограничного округа, позже — заместитель командующего Северо-Восточным пограничным округом.

После развала Советского Союза направляется в г. Хабаровск на должность заместителя командующего Дальневосточным пограничным округом.

В 1993 году ему предлагают сформировать Хабаровский военный пограничный институт. Он создает это учебное заведение и становится его первым начальником.

Примеру Бубенина-пограничника последовали два его сына, три племянника. Все они стали офицерами погранвойск.

Глава 2

Без права на ошибку

Старшина Геннадий Зайцев, отслужив срочную службу в кремлевском полку, собирался уехать к себе на Урал и поступить в институт. Но перед отъездом его вызвал к себе секретарь партбюро батальона.

— Что ж вы, товарищ Зайцев? Вас недавно приняли в партию. В своем заявлении как писали — готов выполнить любое поручение партии? Вот партия и поручает — остаться на сверхсрочную, послужить Родине.

Откровенно говоря, он подумал тогда — ладно, останусь на два года. Оказалось, на всю жизнь.

Начинал он старшиной сверхсрочной службы в Управлении коменданта Московского Кремля. Потом, несмотря на свое старшинское звание, попал в так называемый офицерский батальон. Службу в этом подразделении несли только офицеры на наиболее ответственных постах.

В 1959 году, когда произошло слияние 9-го управления КГБ и Управления коменданта Московского Кремля, старшина Зайцев угодил под сокращение. Однако, недолго думая, подал документы и был принят в 7-е управление КГБ. С тех пор там и служил.

Геннадий Зайцев был первым, кто возглавил группу чекистов, которым поручили охранять председателя КГБ Андропова. До этого личной охраны у Юрия Владимировича не было.

Потом были другие подразделения, иные задачи. В звании старшего лейтенанта Зайцева назначили начальником отделения. Как сказал его куратор: «Впервые встречаю, чтобы в Комитете госбезопасности старшего лейтенанта назначили на подполковничью должность». На этой должности он прослужил пять лет, затем стал заместителем начальника отдела.

Старшина Г. Зайцев.

А в ноябре 1977 года его вызвал к себе начальник 7-го управления. Тогда во главе «семерки» стоял генерал-лейтенант Алексей Бесчастнов. Он неожиданно предложил подполковнику Зайцеву возглавить группу «А».

Зайцев был хорошо знаком с Бубениным, их подразделения находились рядом. Однако Геннадий Николаевич и не подозревал, что именно его кандидатура рассматривается на должность командира группы. Тем более что в апреле подразделение возглавил Роберт Ивон, заместитель Бубенина.

В том же ноябре, когда Зайцев возглавил подразделение, статус группы «А» стал иным. Если раньше она занимала некую промежуточную позицию между отделением и отделом, то теперь численный состав был

увеличен с 30 до 56 человек. А статус ей повысил лично Юрий Владимирович Андропов. Своей рукой написал: «Группа действует на правах оперативного отдела». Соответственно должность у командира тоже повысилась, стала полковничьей...

Те годы были тихими и спокойными для нашей страны. Никаких взрывов, захватов. Однако за рубежом происходили громкие террористические акты. О них новый командир группы «А» знал. Правда, знал немного. Все материалы, которые из-за рубежа поставляли сотрудники Первого главного управления КГБ, переводились и самым тщательным образом анализировались в группе «А».

Проблемы роста

Ясно было, что террористы направляют свои атаки на самолеты, автобусы и даже на такой весьма не маневренный вид транспорта, как поезд. Однако самолет, автобус, поезд — это разные транспортные средства. И освобождение каждого из них требует своего, индивидуального подхода.

Как, к примеру, проникнуть незамеченными в автобус? У террористов круговой обзор. Значит, будь в группе даже самые сильные бегуны-спринтеры, в экипировке, с оружием, они не успеют выйти к автобусу — террористы расстреляют заложников и откроют огонь по бойцам спецназа.

Самолет, наоборот, если он на земле, не столь удобен для обзора окружающей территории. Но тут возникает другая трудность — как проникнуть в авиалайнер, если практически все двери и люки могут находиться под контролем террористов.

И это только проблемы подхода к захваченному транспорту и проникновения в него. Представим, бойцы группы «А» чудесным образом уже оказались на борту самолета, либо в вагоне поезда, в автобусе. Как отличить террориста от заложника, как применять оружие и применять ли его вообще — ведь рядом с боевиком сидит или стоит ни в чем не повинный человек.

Командир группы «А» Г. Зайцев на специальных занятиях.

Вот такие непростые вопросы стояли перед вновь назначенным командиром группы «А» подполковником Геннадием Зайцевым. И ответов на них не было.

Чарльз Беквит, создатель и первый командир американской группы «Дельта», мог поехать в Тель-Авив и перенять опыт у израильских бойцов, а король Саудовской Аравии Халед — попросить помощь у президента Франции Валери Жискар д'Эстена, как это случилось в 1979 году, когда исламские фундаменталисты захватили шесть тысяч заложников в Мекке. И французы прислали трех сотрудников ГИГН, участие которых, кстати, сыграло решающее значение в победе над террористами. Ничего этого не мог сделать Советский Союз, а значит и командир советского антитеррористического подразделения. До всего предстояло дойти своим умом, путем проб и ошибок.

Зайцев все это понимал и вместе со своими заместителями напряженно работал. При отборе в группу изучались тысячи дел кандидатов.

Подверглась серьезному экзамену и первая тридцатка бойцов. Штат группы «А» пересматривался ежегодно. Если в 1977 году, как мы уже говорили, она выросла с 30 до 56 человек, то в следующем году — до 71 сотрудника, потом до 100. А в мае 1980 года в ее рядах насчитывалось более двух сотен бойцов.

Такой стремительный рост был обусловлен увеличением числа террористических актов — как в мире, так и в Советском Союзе.

Возглавить подразделение

В августе 1979 года впервые в нашей стране и в истории существования «Альфы» произошел террористический захват посольства. Им оказалось американское посольство. Потом был штурм дворца Амина в Афганистане, и... пошло, поехало, покатилося колесо терроризма по нашей стране. 1981 год — Сарапул. Захват террористами 25 учеников 10-го класса; 1983 год — Тбилиси. Кровавый теракт в небе над Батуми; 1986 год — Уфа, позже Минводы.

Каждый из этих терактов был особенный, отличный от другого. И террористы разные.

И вот все это позади. Одиннадцать лет он командовал «Альфой», теперь предстояло передать дела. Уходить было тяжело. За эти годы полковник Зайцев сроднился с подразделением. Но служба есть служба.

4 ноября 1988 года председатель КГБ СССР подписал приказ: назначить полковника Зайцева Геннадия Николаевича заместителем начальника 7-го управления.

Менее чем через месяц после назначения, 1 декабря 1988 года, первый заместитель председателя КГБ СССР генерал Филипп Бобков вызвал к себе двух замов начальника 7-го управления — генерала Колобашкина и полковника Зайцева. Коротко ввел в обстановку и приказал сотрудникам «Альфы» вылететь в Минеральные Воды, а Зайцеву — возглавить подразделение.

А обстановка была такова. В городе Орджоникидзе (ныне Владикавказ) террористы захватили автобус с детьми, учительницей и водителем. В автобусе находилось 32 ученика 4 «Г» класса 42-й школы.

Бандиты угрожали детям охотничьим ножом. Они приказали водителю выехать в центр города, на площадь перед зданием Северо-Осетинского обкома КПСС.

Когда милиционеры пытались приблизиться к автобусу, бандиты остановили их окриком.

— Стой, не подходить! Стреляем.

И потребовали рацию для переговоров.

Радию им передали. Начались переговоры. Террористы настаивали на выдаче оружия, большой суммы денег в валюте и самолета, а также освобождении своих подельников, один из которых находился в местной тюрьме, другой — в Ташкенте. Ну и потом, разумеется, обеспечить вылет

за рубеж. На размышление дали сорок минут, потом пообещали каждые полчаса убивать по одному заложнику.

В обкоме партии срочно создали штаб. О террористах известно было немного, по сути, только то, что сообщили они сами: их восемь человек, все вооружены. Под сиденьями в автобусе расставлены трехлитровые банки с бензином. Так ли это было, трудно сказать. Однако никто не собирался рисковать жизнями детей.

Это значило, что штурм с применением оружия исключен. Следовало тянуть, выигрывать время.

Бандиты требовали самолет. Им нужен был тяжелый лайнер, чтобы загнать внутрь автобус с детьми. Но взлетно-посадочная полоса в аэропорту Орджоникидзе не могла принять тяжелый «Ил-76». И тогда террористы приказали следовать в Минеральные Воды.

Требование их выполнили. Вечером, после 20 часов, автобус с заложниками в сопровождении милицеских машин и «скорой помощи» двинулся в сторону Минеральных Вод.

Сначала «ЛАЗ» подъехал к воротам местного изолятора временного содержания. Здесь находился «друган» преступников — Кривоносов.

Его вывели к автобусу. Главарь террористов Якшиянц рассказал Кривоносову, как они захватили автобус с детьми и теперь следуют в аэропорт, чтобы «отчалить» с мешком долларов в «теплые страны». Но тут вышла неувязка. Перспектива оказаться в подобной стране почему-то не прельстила Кривоносова. Он отказался присоединиться к банде.

Злобно выругавшись, Якшиянц приказал было двигаться дальше. Но тут замминистра МВД республики Батагов, который вел переговоры, напомнил, что за организацию встречи бандит должен отдать ребенка.

Покуражившись некоторое время, Якшиянц все-таки дал добро. Освободили самую маленькую девочку — Ивелину Чебакаури.

Автобус с эскортом вновь двинулся в дорогу. Пока он ехал в Минеральные Воды, из аэропорта «Внуково» вылетел самолет с сотрудниками группы «А». Вместе с ними на Северный Кавказ отправились представители прокуратуры, МВД и КГБ.

«Ту-134» из Москвы приземлился в аэропорту Минеральных Вод в 22 часа 53 минуты. Террористы еще были в пути, и это дало возможность оперативному штабу, оценив обстановку, разработать варианты действий: остановку автобуса на третьей рулежной дорожке или на платформе аэропорта Минеральные Воды.

Сюда должны были прибыть два самолета «Ил-76», а также иностранная валюта, которую требовали террористы.

В подразделении «А» полковник Геннадий Зайцев сделал боевой расчет — выделены две штурмовые группы, выставлены снайперы и наблюдатели, а также определен резерв. Провели рекогносцировку на тех точках, где мог остановиться автобус, выбрали места для укрытия групп, организовали тренировку по штурму самолета «Ту-154» на тот случай, если террористы согласятся пересесть в этот лайнер.

Поскольку бандиты выдвигали требование забрать своего сообщника из Ташкента, туда была направлена группа захвата. Она вылетела в столицу Узбекистана.

Около четырех часов ночи автобус с террористами и заложниками въехал на летное поле аэродрома Минеральных Вод.

Полковник Геннадий Зайцев взял рацию, которую он не выпустит из рук долгих восемь часов.

Противостояние

Началась тяжелейшая, многочасовая психологическая дуэль руководителя «Альфы» Геннадия Зайцева и главаря террористов Павла Якшиянца.

Не знаю, вошла ли эта борьба умов и характеров в учебники по антитерроризму, но, на мой взгляд, она достойна того. Те события — классика антитеррора. Полковник Зайцев показал себя тонким психологом, умелым тактиком, стремительно реагирующим на изменение обстановки и настроений террористов, стратегом, просчитывающим следующий шаг бандитов.

Позже об этой истории много писали. На экраны страны вышло два фильма: документальный «Заложники из 4-го «Г» и художественный «Взбесившийся автобус». В них был хорошо передан весь драматизм обстановки, психологическое напряжение, но за кадром осталась фигура человека, который непосредственно руководил спецоперацией, — полковника Зайцева.

Разумеется, в аэропорту находились и более высокие начальники (например заместитель председателя КГБ генерал Пономарев), о событиях в Минеральных Водах доложили Генеральному секретарю Горбачеву, второй секретарь ЦК Лигачев несколько раз звонил в штаб спецоперации.

Однако основная ответственность лежала на плечах группы «А». Тут каждый выполнял свои нелегкие обязанности, при этом постоянно рискуя жизнью, как, например, боец группы «А» Валерий Бочков или сотрудник Ставропольского УКГБ Евгений Шереметьев.

Но мне хотелось бы сказать о роли Зайцева. Смее утверждать: она была самой важной, ключевой.

Начнем с того, что Геннадий Николаевич вел переговоры с главарем банды восемь часов. Задумайтесь над этой цифрой. Павел Якшиянц, рецидивист, неоднократно судимый, сколотил банду и решил угнать самолет за рубеж. Потом, на суде, он признается, что готовился долго и тщательно. Собирал книги, газетные и журнальные вырезки, различные кино— и фотоматериалы. И не только наши, но и зарубежные.

Он продумал все до мелочей. Например, захват автобуса не с взрослыми пассажирами, а с детьми. Это гарантия того, что спецслужбы на штурм не пойдут, да и требования будут выполнять намного активнее. Кто же станет рисковать детьми?

Террористы плотно зашторили окна автобуса и в салоне расставили банки с бензином. Одна искра — и гибель тридцати детей неминуема.

Якшиянц постоянно менял свои условия, то требовал деньги, то оружие, то доставить к нему жену. И все время был настороже — не верил, сомневался, выторговывал гарантии. А сам обманывал, угрожал, хамил.

Вот такой соперник попался Геннадию Зайцеву.

Первое, что хотел знать Зайцев, — каково состояние детей. С этого он и начал. Выяснив, нужна ли медицинская помощь детям, полковник сказал учительнице: «Я очень прошу вас: держитесь изо всех сил. Что бы ни произошло, знайте — все о вас беспокоятся. Подчеркиваю, вашей жизни, если все пойдет нормально, ничего не угрожает».

Что знал полковник, что знали в штабе на этот час о главаре банды? К их прилету в Минводы местные комитетчики уже получили кое-какую информацию.

Павел Якшиянц, 38 лет, уроженец Ташкента, работал водителем в Орджоникидзе. Трижды судим. Хитер, изощрен, жесток.

Да... Одиннадцать лет руководил Зайцев группой «А», всякого навидался, но такое — держать под ружьем автобус с двенадцатилетними детишками — встречает впервые. Он сам отец и дед. Представляет сейчас испуганные глазенки мальчишек и девчонок. Эх, если б не дети, «Альфе» на все про все хватило бы считанных секунд — и лежать бы бандитам мордами на грязном полу...

Полковник нажал тангенту микрофона.

— Куда вы хотите вылететь?

— В любое иностранное государство, — ответил Якшиянц, — которое нас не выдаст. Уверены в лояльности Пакистана, Израиля, ЮАР.

Они уверены в лояльности, но так и не решили, куда лететь.

Итак, Пакистан, Израиль или ЮАР. Согласовывать с МИДом выбор времени не было.

Заместитель председателя КГБ генерал Пономарев выжидающе смотрел на Зайцева. Полковник опустил микрофон.

— Пакистан...

— Добро, — ответил Пономарев и направился в противоположный конец комнаты, в которой располагался штаб, к телефону правительственной связи.

... А тем временем в аэропорту «Шереметьево» экипаж Александра Божкова готовится к полету в Дели. Они только недавно вернулись оттуда, увозили после гастролей цирк. Веселые пассажиры попались: медведи, лошади, орлы. В полете вели себя смирно, только орлы все помахивали

крыльями, беспокоились.

Однако очередной рейс в Индию был неожиданно отменен. Самолет полетел в Минеральные Воды. Когда приземлились, поразило безлюдье в аэропорту. Пока выруливали на дальнюю стоянку, «Земля» ввела в обстановку. У трапа их встречал сотрудник КГБ, рассказал подробнее о случившемся, уточнил: «Дело добровольное. Кто чувствует себя неуверенно, может отказаться». Ни один из пилотов не дрогнул.

Зайцев снова включил микрофон:

— Мы готовы предоставить вам возможность вылететь в Пакистан.

2 декабря 1988 года советские полномочные представители в Афганистане и Пакистане получили срочное сообщение о захвате детей в Минеральных Водах и требовании террористов предоставить им самолет до Пакистана. Несмотря на глубокую ночь, послы СССР настойчиво выходили на связь с местными представителями власти.

Однако к тому часу бандиты уже изменили свое решение. Они решили лететь в Израиль.

Пуля, летящая в грудь

Зайцеву надо было принять непростое решение. И главное — не ошибиться. С одной стороны, с Израилем отношения у СССР далеко не простые, с другой — эта страна беспощадно борется с террористами. Но если сразу дать добро на Израиль, Якшиянц может насторожиться. И тогда Зайцев проводит обходной маневр. Он говорит о том, что у Советского Союза нет дипломатических отношений с Израилем. Бандитам как раз это и нужно. И тут же предлагает главарию Финляндию:

— Павел, а Финляндия вас устроит?

Якшиянц чувствует свое превосходство. Ему собираются «впарить» Финляндию... Но он не дурак.

— Я даже улыбнулся — Финляндия! Боже мой! Это ж наши шлепанцы в Балтике!

И тут же он твердо заявляет: летим в Израиль. Собственно, что и требовалось получить.

Но как себя поведет Израиль? Не ошибся ли в своих расчетах командир «Альфы»? Однако уже через несколько часов станет ясно: интуиция Зайцева не подвела.

Руководитель консульской группы Г. И. Мартиросов в Тель—Авиве был поднят с постели ночным телефонным звонком из Москвы. Сообщив о происшествии, его предупредили, что самолет, скорее всего, направится в Израиль.

Заместитель министра иностранных дел СССР попросил выйти на руководство страны. Он намеренно воспользовался открытой связью в надежде, что Тель-Авив «услышит» беседу МИДа со своим посланником и как-то отреагирует. Так, по существу, и случилось.

Через час после разговора с Москвой Мартиросову позвонил исполняющий обязанности генерального директора МИД Израиля Ануг и дал понять, что им известно о захвате самолета.

Израильтяне практически сразу выразили согласие принять самолет. А в Минводах продолжалась борьба. Теперь бандиты требовали денег.

— О какой сумме идет речь? — спросил Зайцев.

— Ну, тысяч по пятьсот на брата, — ответил Якшиянц.

Зайцев отреагировал сразу, ведь для «Альфы» было очень важно определить, сколько в автобусе террористов:

— А сколько вас братьев?

Но главарь был далеко не простак. Он промолчал и вновь завел речь о деньгах:

— Я сказал еще в Орджоникидзе — мы требуем миллион в долларах, миллион в фунтах стерлингов и миллион золотом. Золотом с пробами. Мы все это проверим.

Им были обещаны два миллиона, а условие одно: они освобождают детей.

В это время в комнате штаба полковник Зайцев увидел сотрудника группы «Альфа» Валерия Бочкова, окликнул:

— Как с деньгами, Валерий Александрович?

— Все нормально, Геннадий Николаевич, деньги уже в Минводах.

А было так: сотрудники 4-го управления КГБ, приехав во Внешторгбанк, выгребли из сейфов всю наличность. Работники банка только руками развели: с чем работать завтра? Сотрудники безопасности промолчали. Только один, увязывая мешок с валютой, угрюмо сказал: «До завтра еще дожить надо...»

...Самолет с мешками денег улетел в Минводы.

Теперь, когда с будущей безбедной жизнью все было решено, террористы потребовали гарантий безопасного вылета в Израиль.

— У нас все идет отлично, — говорил по рации Якшиянц, — не жалею. Единственно, у меня была минута слабости, когда жену с ребенком выпустил. Она мне сказала: «Павел, нас всех уничтожат! Пожалей ребенка». Действительно, я посмотрел, у нас такая зарядка техбензином, непременно сгорим, — и выпустил. Теперь передумал и говорю: подготовьте их к возвращению. Это будет одно из требований. Они должны вернуться в автобус. Вот так — Тамару Михайловну и дочь. Она не против, просто не верит, что все пройдет благополучно.

Но жена террориста — Тамара Михайловна Фотаки возвращаться наотрез отказалась.

Ее уговаривали заместитель председателя КГБ генерал Пономарев, полковник Зайцев, местные партийные работники. Просили как женщину, как мать. Тамара Михайловна боялась.

После проведенной оперативной работы стали известны имена сообщников Якшиянца.

В. Муравлев, 26 лет. Шофер, электрик. Последние месяцы нигде не работал. Дважды судим.

Г. Вишняков, 22 года. Работал в автобусном парке, потом на заводе.

Однако пока никто не знал: трое их, четверо или пятеро? Главарь банды говорил о семерых сообщниках, но хотел получить восемь

бронежилетов. И вот впервые прозвучало грозное требование выдать оружие. Требование — одно из самых опасных и тупиковых. В мировой практике не было случаев выдачи оружия террористам. В отечественной тоже.

Что означал бы такой шаг? По существу, самоубийство. Все понимали каждая пуля бандитов — это пуля, летящая в грудь бойцов «Альфы».

Вооружить террористов

Якшиянц требовал семь автоматов.

Автоматы уже встречались в практике командира «Альфы». Это, конечно, не охотничьи обрезы и не ножи, а мощное современное стрелковое оружие. Зайцев понимал: противостояние по оружию надо выиграть во что бы то ни стало. Кто знает, как дальше станут развиваться события, а семь АКМ в руках террористов — это кошмар.

Бойцы «Альфы», которым предстояло штурмовать самолет, осознавали, что пулемет и автомат — сокрушающее оружие. Ни один бронежилет в ту пору не способен был выдержать автоматной очереди, а уж пулеметной — тем более.

Когда читаешь магнитофонную запись переговоров, порою кажется, что там, в автобусе, находится благоразумный человек, со своими мыслями, чувствами. Он не лишен сострадания, то и дело говорит, что ему жаль детей, пытается философствовать о добре и зле, даже шутит! Но вот лишь один непредвиденный случай — в радиостанции террористов село питание. Штаб послал к автобусу женщину, работника аэропорта, с новыми батареями.

А кого было послать? Мужчину? Бандиты могут решиться на отчаянный шаг. Увидев в окно женщину, Якшиянц пригрозил: «Если еще кто-нибудь подойдет, как эта женщина, без предупреждения, — уничтожим автобус».

— Не было другого выхода, — говорит Зайцев. — У вас село питание.

— Питание у нас нормальное, — бросает Якшиянц. — Просто вам трудно кнопку нажать.

Полковник Зайцев «нажимал кнопку» и вел переговоры много часов без перерыва. Уговаривал, увещевал, лавировал, уходил от вопроса об оружии. Упорно работали местные комитетчики: они выявили сообщников Якшиянца, доставили в аэропорт отца одного из бандитов — Муравлева. Он стал уговаривать сына.

На это вскоре отреагировал Якшиянц:

— Не надо мучить парня. Он волнуется. На протяжении двух месяцев каждый из нас все обдумывал. В любой момент мог отказаться. Для меня не имеет значения, сколько нас человек. Здесь достаточно одного с зажигалкой. Даже если вы заберете всех, со мной вопрос не решите. Если кто будет подходить, я водителю и этой бабе-училке уши или что-нибудь

еще отрежу и выброшу прямо в лицо...

Зайцев несколько не сомневался, что это не просто слова. Допусти они оплошность, и Якшиянц с подельниками будут резать, издеваться, убивать.

И потому полковник Зайцев и его бойцы были начеку.

А захваченные дети который час сидели в душном, пропахшем бензином автобусе.

Тогда штаб бросает в бой последний «резерв» — переговоры с женой. Но и они ничего не дали. Бандит был непреклонен. У этого человека и вправду не осталось ничего святого.

Прошло 16 часов со времени захвата автобуса. Якшиянц по-прежнему требовал оружия. Переговоры зашли в тупик.

На связь вышла Москва. Центр давал добро на выдачу оружия террористам. Трудно было поверить в это, но другого выхода не было.

И вот наступил час экипажа самолета. Заместитель начальника шереметьевской эскадрильи Вячеслав Балашов оглядел пилотов.

Командир Александр Божков. Летчик что надо, и в личном деле запись «первый класс», и в работе — первоклассный пилот. Работал в ледовой разведке, в широко-высотных арктических экспедициях, летал в Афганистан.

Второй пилот — Александр Гончаров. Сибиряк, красноярец. Молчун, слова не вытянешь, надежен в полете и на земле. Пилотировал «Аннушку», «Як-40», «Ил-86».

Штурман Сергей Грибалев. Работал штурманом вертолетного отряда в Тюменской области. Летал на «точки» — к нефтяникам, геологам, охотникам. Позже облетел всю Европу, Юго-Восточную Азию.

Старший бортинженер авиаотряда Юрий Ермилов. Опытен. Знавал еще «Ту-114». Попадал в переделки — садился со сломанным шасси, однажды заклинило тягу руля, а за спиной — двести пассажиров. Но нашел выход из критической ситуации.

Радист Александр Горлов. Прошел три антарктических экспедиции. Самая сложная — на корабле «Сомов». За тот героический рейс получил орден.

Бортоператор-инструктор Борис Ходусов и его молодой коллега Виктор Алпатов. Борис начинал еще бортпроводником, потом участвовал в первом полете «Ил-76» в Антарктиду. Виктор — самый молодой в экипаже. Окончил авиационно-техническое училище, работал в конструкторском бюро. И вот потянуло в небо.

«Что ж, ребята как на подбор», — подумал Балашов и кивнул экипажу: — Вперед, пилоты! Отступить некуда.

Перед выходом на летное поле задержался:

— Только вот что, мужики, разное увидим. Но с бандитами — ни-ни, предельная вежливость. От нашей выдержки зависит жизнь детей.

Они шагнули за порог. Поле аэродрома лизал колючий зимний ветер, низкие облака, казалось, зависли над самыми самолетами. Автобус стоял невдалеке. Тихий, мрачный, с зашторенными окнами.

Что бы ни случилось, не бойтесь

К первой встрече с бандитами приготовились начальник отдела Ставропольского УКГБ Евгений Шереметьев и сотрудник «Альфы» Валерий Бочков.

Первым понес бронежилеты Шереметьев. Ни одна шторка не шевельнулась на окнах.словно вымер автобус. Приоткрылась дверь. В темноте салона никого не было видно. Шереметьев приподнял руки — вот, мол, принес.

На пороге появился небольшой мужчина — скуластое, заросшее черной щетиной лицо, впалые, с хищным наркотическим блеском глаза.

— Я принес бронежилеты, Павел, освобождай, как обещал, детей.

Ядовитая усмешка скривила лицо бандита:

— Я не Павел, я Геннадий.

— Геннадий так Геннадий. Восемь комплектов будут, а пока два. За один раз не утащить.

Муравлев, стоявший сзади Якшиянца, передал тому обрез, спустился с подножки, стал слева, вплотную к Шереметьеву. Подстраховал главаря.

— Пропусти в автобус, — попросил сотрудник КГБ, — надо на детей глянуть.

Важно было и другое: до сих пор неизвестно, сколько бандитов? Просил-то восемь бронежилетов.

Оказывается, темнил. Четверо их всего было.

Заглянул Шереметьев в салон, и сердце сжалось от боли: в духоте, в грязи, среди банок с горючим, изнуренные, уставшие, с потухшим взглядом сидели детишки. Но, слава Богу, все живы. Молоденькая учительница полными слез глазами глядела на Шереметьева. Подмигнул ей ободряюще: держись, Наташа!

Потом начался торг. За бронежилет — ребенка.

Следующим пришел Бочков. Бандиты глянули на него, угрюмо кивнули:

— Сложи у колес.

Чем-то не понравился им Валерий. Комплекцией, что ли. Очень уж могучий мужик.

Снова у автобуса Шереметьев: в одной руке автомат, в другой — снаряженный патронами магазин.

Опять очередь Бочкова. Передал Якшиянцу пистолет, тот повертел его,

вставил магазин. Вернул Валерию: попробуй. Тот передернул затвор, нажал на спусковой крючок. Выстрела нет. Бандит насторожился: никак подвох? Но Бочков уже понял, в чем дело.

— Что ж ты магазин толком не дослал?

Прогремел выстрел.

Потом следователь долго будет пытаться Валерия: зачем, мол, стрелял? Затем и стрелял, что нельзя было не стрелять.

Протянул пистолет, заглянул в автобус:

— Слушай, Павел, я свое слово сдержал, оружие принес. Отдай мне девочку. Не мучай их.

Девочки стояли на площадке у дверей, Муравлев прикрывался ими, пока Бочков внизу с Якшиянцем вел переговоры. Сотрудник группы «А» стал снимать с площадки детей. Заглянул в салон: есть еще девочки?

Взял четверых, а когда отошли от автобуса на несколько шагов, еще две выпрыгнули. Всего шестеро. Обнял за плечи, повел, а сам шепчет:

— Чтобы ни случилось, не бойтесь и не бегите. Только не бегите.

Вдруг за спиной выстрел. Валерий крепче прижал к себе девочек, скомандовал:

— Не бежать!

Хотя у самого внутри все похолодело.

Оказывается, бандиты проверяли автомат, выстрелили вверх, в люк автобуса.

Каждая ходка Бочкова и Шереметьева — вызволенные дети, всего десять человек... Заложниками оставались одиннадцать мальчишек вместе с учительницей Натальей Ефимовой.

Долго обсуждалась процедура пересадки из автобуса в самолет. Наконец, казалось бы, решение принято... Но Якшиянц задумал иное.

Зайцев выходит с ним на связь:

— Мы же договорились, что будем поступать таким образом. Дети выстроятся у самолета, вы пройдете, а дети уйдут к нам.

— Так и будет. Только часть детей останется в автобусе.

— Повтори, я тебя не понял.

— Часть детей останется в автобусе.

Бандит обманул. За время переговоров он не раз клялся в честности, вспоминал Родину, жену, дочь, но обманул нагло и спокойно. Вместе с экипажем заложниками вновь оставались дети.

Террористы проводили детей в самолет, прикрываясь ими на случай нападения. В самолет заходили так: сначала летчик, потом ребенок, а уж за ним — бандит. Не забыли Шереметьева.

Последним поднялся на борт Муравлев. Произвел салют из обреза в воздух и дико захохотал от радости.

Бандит Герман Вишняков, по-хозяйски оглядев самолет, сказал, что знаком с машиной, в прошлом служил в десанте, прыгал с парашютом.

Еще один, не говоря ни слова, прошел в хвост самолета и занял там боевую позицию.

И тут новое требование Якшиянца: Шереметьев должен остаться в самолете заложником вместо детей.

Зачем это нужно было бандитам, остается только гадать, ведь в заложниках у них недостатка не было. Может, ждали, что сорвется офицер КГБ. За время их общения Якшиянц без конца тыкал Шереметьеву в грудь оружием, грубил, дерзил. Но Евгений Григорьевич молча делал свое дело, старался казаться спокойным, сдержанным, невозмутимым. И на сей раз он только до боли сжал зубы, сказал, мол, сходит в штаб, доложит, и назад с ответом.

В штабе, услышав об этом, дали прямой провод на Москву, на комитет. Оттуда передали: в данном случае приказать не могут. Что ж, пришлось идти без приказа. Понимал, что иначе бандиты не отпустят детей.

Когда он поднимался на борт, у входа стоял вооруженный Муравлев. Не оборачиваясь, быстро зашептал:

— Как отец, а? Как? Что еще говорит?

— Одумайся, пока не поздно. Не позорь фамилию.

— Поздно. Передайте, пусть простит, если сможет.

Шереметьев прошел в салон, кивнул Якшиянцу на детей, которые, словно стайка испуганных воробьев, жались к учительнице:

— Финтишь, Паша. Обещал же пацанов на земле оставить. Отпусти!..

— Ты Тамару приведи, тогда отпущу. Без нее взлета не будет, и дети тут останутся.

Что ответить бандиту? Даже если бы и можно было высказать все в лицо, где найти такие слова? Как определить глубину человеческого падения? Да и человек ли перед ним? По виду вроде смахивает: голова, ноги, руки, а по нутру — монстр, исчадие ада.

Но кто бы он ни был — надо идти уговаривать Тамару Фотаки, жену Якшиянца. Вновь Тамару просили Пономарев, Зайцев, Шереметьев. Не соглашалась, отказывалась.

— Я не хочу к нему возвращаться. Ненавижу.

Больше часа прошло с тех пор, как покинул борт Евгений Григорьевич. И вот, наконец, жена Якшиянца возвращается с ним в самолет. Павел отводит ее в конец салона, что-то возбужденно говорит, объясняет. Тамара

тоже не молчит, просит отпустить детей.

— Черт с тобой! — орет бандит и подбегает к Шереметьеву: —
Молись, твоя взяла. Выгружай детей.

Дети спасены

Наташа с Тамарой начинают спускаться на землю вконец измученных ребятишек. Внизу их принимает Бочков, другие сотрудники группы. Подходить чекистам к трапу опасно, поэтому они стояли с другой стороны самолета, так и считали спускающихся детишек. Один, два... пять... одиннадцать. Последней сошла учительница.

Наступило временное облегчение. За много часов тяжелой психологической дуэли — первая победа. Все дети живы, вырваны из рук мясника. На борту в качестве заложников остались экипаж и Женя Шереметьев. Но они — взрослые, закаленные люди, бывавшие не раз в переделках, они выдюжат. Теперь с бандитами говорить проще.

«Альфа» была готова к штурму. Группа захвата, засевшая в пожарном депо, находилась там уже почти сутки. Ребята были в любую минуту готовы пожертвовать собой, чтобы уничтожить бандитов и освободить заложников. Однако пока не пришло их время.

Бочков принес к трапу самолета три мешка денег. Якшиянц все больше нервничал, грозил, тыкал пистолетом в лицо Шереметьеву. Он никак не мог поверить, что операция удалась, их выпустят, они взлетят.

Запущены двигатели. Якшиянц мечется по салону. Шереметьев опускается на пол самолета. Пистолет в грудь, команда: «Руки за голову!» Евгений Григорьевич повинуется. Но вот в проем двери влетает мешок с деньгами. Бочков кричит снизу:

— Павел, отдай Шереметьева!

— Гони «бабки»!

— Еще мешок! — требует бандит.

Когда на борту оказываются все три мешка, он выглядывает в дверь:

— Не хочет Шереметьев выходить, понял!

— Ах ты подонок! — взрывается Бочков. — Да тебе, сволочи, вообще верить нельзя. Веди мне Шереметьева, я с ним поговорю.

Бандит растерялся. За долгие часы увещаний так с ним никто не разговаривал. Шереметьева вытолкнули к дверям, Бочков и Кирсанов приняли его внизу.

Все ушли, у самолета остался один Бочков.

Присутствие его у трапа нервировало бандитов, они боялись штурма. На этом Бочков и сыграл. Через члена экипажа передал требование: соблюдать договоренность, вернуть автомат.

На сей раз они подчинились быстро — выбросили на полосу автомат. Бочков подобрал его, стер снег с приклада: «Так-то легче с вами разговаривать...»

Он до последнего был уверен — сейчас группа захвата пойдет на штурм. Самолет знакомый: успеют они выстрелить, не успеют — это уж не столь важно. Скрутят их ребята, сомнений нет.

Поразило, когда лайнер стал выруливать на старт.

Бочков еще не знал, что по дипломатическим каналам Израиль дал добро на выдачу бандитов. Так стоило ли рисковать экипажем, бойцами группы, самолетом?

Маршрут был непростой. В Тель-Авиве никто из пилотов не был. Трасса незнакомая, проходит через Турцию, Кипр. Где-то за Сухуми с экипажем попрощался советский, родной диспетчер. Пожелал доброго пути. Да уж, на «доброту» бандитов грех жаловаться: с летчиков перед рейсом сняли наручники, а над Анкарой «Павлуша», как окрестили пилоты главного головореза, забежал в кабину, стал совать деньги. Говорил, что в знак благодарности, за работу. Пришлось взять, чтоб не обидеть «хозяина».

Опять же, валюта государственная, у командира экипажа будет сохраннее.

Бандиты, раскрыв мешки, распихивали по карманам доллары, франки, фунты стерлингов. Вишняков, приняв очередную порцию наркотиков, матерился от досады, что надел узкие джинсы: беда, деньги в карманы не лезут.

Радист Александр Горлов держал связь с диспетчером на Кипре, когда «Павлуша» дернул его за рукав:

— Слушай, а вы нас правильно везете? Не по кругу катаете, как иркутян?

Хотелось врезать бандиту хорошенько, да нельзя. Горлов кивнул:

— Иди к штурману, он все покажет...

Штурман ткнул пальцем вниз: смотри, мол, под крылом Кипр. Якшиянц вроде успокоился, ушел в салон. Там рабочие места бортоператоров — Бориса Ходусова и Виктора Алпатова. Бандита потянуло на откровения. Поведал биографию. Крутая жизнь, ничего не скажешь: из 38 лет 16 Якшиянц провел в тюрьмах и лагерях. Имеет две семьи. От первой жены двое детей и от второй, Тамары, ребенок.

Под крылом был Израиль, самолет заходил на посадку. Якшиянц вновь забеспокоился, заглянул в кабину, поигрывал пистолетом.

— Смотрите, мужики, Сирия нам не годится...

Не годилась она и экипажу.

Божков посадил самолет на одной из военных баз под Тель—Авивом. База уже была окружена войсками.

Заглохли двигатели, и бортинженер Борис Ходусов открыл правую дверь.

— Всем оставаться на местах! — заорал Якшиянц и оттолкнул Ходусова от двери.

Встречающих было трое. Бандит приветствовал их пачками стодолларовых купюр.

— Презент! — широко улыбнулся «Павлуша».

Однако хозяева от денег отказались. Страшная догадка пронзила Якшиянца: эти сволочи не туда посадили самолет. Разве могут в Израиле отказаться от долларов!

Оказывается, могут.

— Переводчика! — закричал террорист.

Потребовал у встречающих удостоверения личности. Израильский солдат вынул удостоверение. Что там прочел бандит — сложно сказать. С ним пытались объясниться по-французски, по—английски, по-немецки...

— Боже мой, — горько усмехнулась жена, — он и по-русски-то с трудом говорит.

Свои услуги израильтянам предложили пилоты.

Но Якшиянц высокомерно отказался — на иностранной территории он не верил соотечественникам.

Наконец прибыл переводчик, и представители властей потребовали освободить экипаж и немедленно сдаться. У бандитов отобрали четыре пистолета, охотничье ружье, мешки с деньгами. Такой прием террористам не понравился, и они тут же предложили израильтянам миллион долларов за возможность улететь в Южную Африку. Увы, и от этого миллиона встречающие отказались. Единственное, что разрешили террористам — «отдохнуть» в камере тюрьмы Абу-Кебир...

...2 декабря 1988 года в Москве произвел посадку самолет «Ту-134». На нем прилетели сотрудники группы «А», освободившие детей из лап террористов. Позже в аэропорт «Внуково» прибыла команда «альфовцев», вылетавшая в Ташкент.

Теперь можно и отдохнуть. Однако не тут-то было. Уже утром следующего дня заместитель председателя КГБ генерал Агеев приказал полковнику Зайцеву вылететь в Израиль и доставить террористов обратно на Родину.

Были подняты по тревоге сотрудники группы «А», вооружены пистолетами Макарова. Подразделение возглавлял подполковник Сергей

Гончаров.

Первый самолет — и тот с бандитами

Группу сотрудников «Альфы», прилетевшую в Израиль, встречали руководитель советской консульской группы Мартиросов и второй секретарь МИДа Израиля Кэдми. Сразу уточнили детали операции — когда и как будет осуществляться передача террористов, оружия и денег.

Мартиросов пояснил, что могут быть осложнения, скорее всего, террористов сегодня забрать не удастся. Как раз была суббота, да еще и еврейский праздник Ханука. Кэдми выразил опасение: если деньги уже переданы в банк, то их тоже сегодня не получить.

В это время у здания аэропорта собралась огромная толпа журналистов. Пришлось членов советской делегации вывозить другой дорогой.

Побывав в офисе консульской группы, «альфовцы» заехали в отель, где находился экипаж самолета «Ил-76», забрали их и отправились вновь в аэропорт, но уже в его военную часть. Именно там находился угнанный террористами самолет.

За это время Кэдми сообщил, что деньги еще находятся в тюрьме, а не сданы в банк.

По прибытии на военно-воздушную базу переговоры продолжились в помещении офицерского клуба. Представители израильской стороны требовали гарантий, что террористы после возвращения в СССР не будут приговорены судом к смертной казни.

Это была принципиальная позиция израильтян. Советская сторона подготовила текст, в котором террористам гарантировалось строгое соблюдение всех правовых норм в ходе судебного разбирательства. Однако израильтяне отвергли этот текст и потребовали четких и ясных заверений.

Пришлось дать такое письменное обязательство, тем более что обстановка в Израиле менялась каждый час и не в нашу пользу.

Оппозиция оказывала сильное давление на правительство. Многие депутаты Кнессета считали, что с выдачей Советскому Союзу террористов не надо спешить, следует разобраться во всех обстоятельствах дела.

Это заставило спешить Мартиросова, Зайцева и других членов делегации.

Зашевелились и американцы. У аэропорта уже находились американские представители. Пока их, правда, на территорию базы не пустили, но, судя по всему, это было делом времени.

Вскоре началась процедура передачи. Пока ждали доставки террористов на автобазу, израильтяне показали, как они празднуют Хануку — зажгли свечи, приготовили хрустящие булочки, угостили советских представителей. Словом, отнеслись тепло, по-доброму, гостеприимно. Пошутили, мол, ну надо же такому случиться, за 20 лет после разрыва дипломатических отношений между нашими странами первый прилетевший из Советского Союза самолет оказался с бандитами.

Геннадий Николаевич решил сделать комплимент второму секретарю МИДа Якову Кэдми и сказал, что тот здорово говорит по— русски.

— Господин Зайцев, — дипломатично усмехнулся Кэдми, — я родился в Советском Союзе, и мой родной язык — русский, а идиш учил здесь.

Первыми на летное поле доставили Якшиянца и Вишнякова. Зайцеву понравилось, как их «упаковали» израильские полицейские — на глазах плотные, суконные повязки, непривычные для нас наручники с жестким креплением кистей рук.

Израильтяне только что закончили заправку нашего «Ил-76». Кстати, начальник авиабазы поверил на слово Зайцеву и залил в баки самолета пять тонн горючего, да еще погрузил в салон несколько коробок с фруктами.

Во второй самолет посадили жену Якшиянца — Фотаки и оставшихся двух террористов, передали оружие, личные вещи, документы. Все с описями, по акту. Потом принесли деньги, предложили пересчитать их. Зайцев отказался сделать это, чем вызвал возмущение израильских чиновников.

Наконец все формальности были соблюдены, самолет заправлен, бандиты находились в салоне. Полковник Зайцев поблагодарил Кэдми, начальника полиции, командира авиабазы за содействие. И в четверть двенадцатого ночи самолет оторвался от взлетно-посадочной полосы.

Через несколько часов авиалайнеры были на московской земле. Первым сел «Ил-76».

В холодной декабрьской ночи над козырьком аэропорта нестерпимо ярко горели страшные для Якшиянца слова: «Москва. Шереметьево».

Подкосились ноги, поплыли ненавистные неоновые буквы. Сознание отказывалось воспринимать реальность. Тело Якшиянца обмякло, повисло на чьих-то сильных руках.

Когда он пришел в себя, то спросил:

— Что со мной будет? Расстреляют?

— Пряников дадут, — сказал кто-то за спиной.

Суд приговорил Якшиянца к 15 годам лишения свободы, с отбыванием всего срока в тюрьме.

Это была последняя операция, которую провела «Альфа» под руководством полковника Зайцева. Теперь у него были другие заботы, другие хлопоты на посту заместителя начальника 7-го управления. На этой должности он стал генералом.

А в июле 1992 года его вновь вернули на прежнее место.

— Президент ознакомился с вашим личным делом, — сказали ему, — и принял решение назначить вас командиром спецподразделения «А». Каково ваше мнение?

— Если Президент принял такое решение, то спрашивать мое мнение не имеет смысла. Я человек военный и обязан подчиниться воле Президента.

После этого перед Зайцевым положили папку.

— Вынуждены были назначить комиссию. Она долго работала в подразделении. Здесь материалы комиссии. Можете ознакомиться с ними.

— Спасибо. Но я знакомиться с состоянием дел буду уже на месте.

Действительно, за те четыре года, пока он отсутствовал, подразделение стало несколько иным. В стране полным ходом шла приватизация, первичный этап накопления капитала. Зарождался новый класс богатых людей. Этот класс уже всю делил государственную собственность.

Все зарождающиеся богачи хотели иметь хорошую охрану, телохранителей. А где их было взять в ту пору? Охранное дело знали только профессионалы. К таким относились и бойцы «Альфы». Надо прямо сказать, спрос на них был велик. Разумеется, и оплата труда не малая.

Однако генерал Зайцев к тому времени прожил большую и далеко не простую жизнь. В 1992 году ему было уже 58 лет. Он видел всю опасность такого положения.

Как мог, боролся. Вскоре жизнь подтвердила правильность его опасений. Погиб, охраняя банкира, молодой сотрудник группы «А».

Однажды Зайцев скажет: «В те годы я не мало нажил себе врагов». Однако через несколько лет, когда генерал Зайцев будет уходить в отставку, многие скажут ему спасибо за то, что образумил, удержал.

Но это будет позже. А через три недели после его назначения подразделение посетит Президент России Борис Ельцин. «Альфовцы» покажут ему преодоление штурмовой полосы, рукопашный бой, штурм здания, самолета и автобуса.

Президент останется доволен. Он вручит бойцам группы трое памятных часов, а для генерала Зайцева снимет часы с собственной руки.

Вместе со своим подразделением генерал-майор Геннадий Зайцев

переживает трагические события октября 1993 года, когда группа «А» без сомнения совершит свой гражданский подвиг — удержит ситуацию в своих руках, спасет страну от развязывания гражданской войны.

Правда, за все это генерала Зайцева чуть не уволят в запас. Но справедливости ради надо сказать — не уволят.

В марте 1995 года он сам уйдет в отставку.

Глава 3

Три боя Виктора Карпухина

Бой первый...

Зазвонил телефон. Заместитель начальника отделения группы «А» капитан Виктор Карпухин поднял трубку.

— Дежурный слушает...

— Это генерал Бесчастнов, — услышал капитан на том конце провода голос начальника управления, — группе объявляется срочный сбор.

Командир подразделения подполковник Зайцев находился в госпитале, его обязанности исполнял заместитель Роберт Ивон.

Карпухин доложил о вводной генерала Бесчастнова и занялся вызовом сотрудников.

Через полтора часа и сам генерал пожаловал в распоряжение подразделения. У машины его встречали заместители командира группы «А» Романов и Ивон.

— Значит так, Романов, тебе поручается сформировать группу сотрудников. Дело предстоит тяжелое и опасное. Едут добровольцы, малосемейные, лучше не женатые.

Генерал как-то грустно и по-отцовски посмотрел на майора.

— В общем, лучшие из лучших. Но учти: там не только вы, но и в вас стрелять будут.

Бесчастнов умолк, а Романов уже ждал приказа. Ну, все как положено, экипировка, оружие, боеприпасы, время убытия. Но вместо этого начальник управления сказал совсем другое:

— Часика через два-три отпусти ребят домой, к семьям. Легенда такая — едем на учения в Ярославль, возможно, и новый год прихватим.

Романов кого смог — отпустил. А вот дежурному подразделению не повезло — дел невпроворот. Каждому нашлось занятие. Карпухина, как бывшего «погранца», отправили в пограничное училище — получать полевую форму. Когда выдали какие-то тропические куртки и штаны песчаного цвета, Виктор даже переспросил — не перепутали?

Прапорщик на складе только рукой махнул:

— Получай, капитан, не бойсь. Все точно. Какую форму приказали, такую выдаем. Видать в горах или в пустыне потеть придется.

Карпухин промолчал, но подумал про себя, что прапор не далек от истины, уж не на Северный полюс в такой «песчанке» высадят. Это факт.

Курсант В. Карпухин.

По боевому расчету к вылету готовились 22 человека. В ночь перед отправкой проверяли оружие, подгоняли форму, снаряжение. Геннадий Зудин как главный оружейник группы готовил списки, ведомости на получение боеприпасов.

Утром 22 декабря 1979 года группа сотрудников уже была на аэродроме «Чкаловский». Теперь их подразделение получило временное наименование «Гром». На взлетной полосе, готовый к полету, стоял личный самолет председателя КГБ Юрия Андропова, снаряженный для переброски «альфовцев» в Афганистан.

Карпухин слышал краем уха, что несколько человек из их подразделения уже находились в Афганистане. Однако об этом знали не многие, да и те не ведали о цели командировки товарищей.

Виктор в группе «А» был всего три месяца, но потихоньку привыкал к здешним порядкам. А закон тут был один — что необходимо знать, скажут командиры, что не скажут, того и знать не надо. Это старый чекистский принцип, проверенный временем.

Вылет задерживался. Дул сильный боковой ветер. Прошел час, другой томительного ожидания. Но вот поступила команда на посадку, и сотрудники стали подниматься по трапу. Снизу кто-то из своих крикнул:

— Эй, ребята, замрите! — и щелкнул затвором фотоаппарата.

Виктор оказался на середине трапа, слева от него — Глеб Толстиков, справа — Володя Филимонов. Все ребята молодые, здоровые, веселые. Еще жив Дима Волков, еще не потерял в бою руку Валерий Емышев. Еще никто в мире не знает, не ведает, какой бой им предстоит. Первый бой долгой, кровавой афганской войны. Для многих он станет переломным в судьбе. В

том числе и для Виктора Карпухина.

Полковник Ф. Карпухин с сыном Виктором.

А фотопленку с этим кадром, где они стоят на трапе андроповского самолета, несмотря на горячее желание «особиста» уничтожить ее, все-таки уберегли, сохранили. По прилету из командировки сделали фотографии и раздали своим. Так они и хранились, эти секретные фото, в семейных альбомах двадцать с лишним лет.

Позже о полете он будет вспоминать так.

«Летели с двумя посадками — в Актюбинске и в Ташкенте, где нас догрузили одеялами и матрацами. Тут мы вспомнили, что у одного из нас день рождения. Выпили по чуть-чуть, закусили... В это время явился представитель КГБ Узбекистана, который сообщил:

— Вы летите в Афганистан, где вам предстоит выполнить серьезное боевое задание.

Какое именно — он не сказал... Границу пересекли поздно ночью: кто-то уже подремывал, кто-то дожевывал сухой паек. Неожиданно в салоне погас свет, отключились все бортовые огни. Какое-то время летели в темноте на максимальной высоте. Наш командир тихо сказал:

— Давайте, ребята, приготовьте оружие...

Никто не знал, что ждет нас при посадке, как встретят. Во всяком случае догадывались — не хлебом-солью».

По прилету разместились в капонирах и палатках прямо здесь, на

аэродроме. Приютили своих товарищей «альфовцы» из группы Шергина, которые улетели раньше и теперь охраняли Бабрака Кармаля и его соратников, будущих руководителей Афганистана.

Здесь впервые с бойцами группы «А» были сотрудники подразделения «Зенит».

Отвели им казарму, которую казармой даже и назвать было нельзя. Здание без окон и дверей. Прошли — пыль поднялась, будто после стада овец. Спать почти на улице, на декабрьском холоде, большого желания не было. Поэтому благоустроили казарму, как могли, — завесили плащ-палатками окно, проемы, собрали все, что могло согреть: матрацы, одеяла, куртки.

Утром на завтрак накормили верблюжатиной. Вкусно, хотя и не доварено, да что поделаешь, высокогорье, мясо долго упревает.

Выдали афганскую форму: мягкие куртки и брюки из шинельного сукна, такие же мягкие кепочки с козырьками. Долго подбирали куртку на Алексея Баева. Шутили: мол, на таких мощных мужиков афганцы не рассчитывали. Пришлось разрезать форму на спине, иначе Баев не влезал.

Сразу же стали «обживать» форму: укрепляли карманы для гранат, автоматных магазинов, ушивали, подгоняли. Взяли у десантников удобные ранцы, определились, где будут лежать боеприпасы, а где перевязочные средства. Не глядя, запустил в ранец руку, достал бинт — мелочь, но в горячке боя это очень важно.

Группа «Альфа» перед штурмом дворца Амина в Афганистане.

После полной комплектации учли все: от автоматов до бронежилетов — прикинули по весу. Оказалось 46 килограммов! В таких доспехах и стоять-то тяжело, не то что бегать, прыгать, вести огонь, метать гранаты. Да еще в горах, не на учебном центре в Балашихе.

Именно потому что не учебный центр и от каждого «пустяка» могла зависеть собственная жизнь и жизнь товарищей, навьючились до предела.

К тому времени была доведена боевая задача — штурмовать дворец Хафизуллы Амина, нынешнего руководителя Афганистана.

План предстоящей операции был таков: следовало захватить важнейшие объекты Кабула — дворец Амина, Генеральный штаб и Министерство обороны, штабы ВВС, ПВО, Центрального армейского корпуса, военной контрразведки, МИД, Царандой, здание ЦК НДПА, Центральный телеграф, тюрьму Пули-Чархи, радио— и телецентр.

А также надо было провести блокирование воинских частей, дислоцированных в столице.

Однако главным, ключевым пунктом операции становится штурм дворца Амина.

Советские подразделения, которым предстояло совершить переворот в афганской столице, были немногочисленны — «мусульманский» батальон, 9-я рота 345-го парашютно-десантного полка под командованием старшего лейтенанта Валерия Востротина и две спецгруппы КГБ — «Зенит» и «Гром».

Днем всех, кто бы определен на штурм дворца, собрали, распределили по экипажам. Пять экипажей на БМП — старшие Балашов, Голов, Емышев, Карпухин. Общее руководство осуществлял Романов. С ним в БМП находились Репин, Мазаев и представитель Первого главного управления Козлов.

Колонна БМП с бойцами «Грома» должна была выходить к дворцу по круговому серпантину, а «зенитовцы» на БТРах — подъехать к пешеходной лестнице и, спешившись, бежать вверх. У фасада здания обе группы соединяются.

Но, как говорят, гладко было на бумаге. А на войне — как на войне.

Сигналом к штурму послужил взрыв «колодца» связи. После 19 часов, когда наступил комендантский час и центральная площадь опустела, группа спецназовцев выехала в город.

Две машины «УАЗ» остановились у ресторана, а еще один автомобиль подъехал вплотную к люку, который вел в «колодец» связи. Прозвучал

условный сигнал — хлопнула закрываемая дверь автомобиля. Сотрудник группы Хаятов, владеющий языком, ушел, чтобы отвлечь постовых Царандоя. Три человека заслонили главного исполнителя взрыва, «зенитовца» Бориса Плешкунова. Специальными щипцами, которые изготовили сами, подняли люк, и Борис Андреевич опустил в колодец вещмешок с зарядами. Взрыватель был установлен на пятнадцатиминутный режим. Быстро сели в машину, подали сигнал Хаятову, и вскоре уже «УАЗы» мчались на виллу.

Ровно в 19.15, как и планировали, прозвучал мощный взрыв. Столица Афганистана была отключена от внешнего мира. Группы спецназовцев, офицеры и солдаты «мусульманского» батальона, десантники пошли на штурм.

«Наша колонна — четыре БТР, — вспоминает Яков Семенов, командир группы «Зенит». — Когда заговорила «Шилка», ее поддержали пулеметы, стало ясно: игры кончились, началась война.

Я шел на первой машине. Мы успели проскочить. Вторым бронетранспортер подожгли, остальные уцелели. Десантировались. А тут ад кромешный! Наша «Шилка» бьет по дворцу, снаряды скачут от стен как резиновые. Из окон поливают... В общем, прижали нас, пришлось залечь. И поднялись лишь, когда «Шилка» подавила пулемет в одном из окон дворца».

Афганистан. Дворец Амина. Его предстояло штурмовать бойцам

группы «А».

Самому Виктору Карпухину начало боя запомнилось таким.

«Как только наша БМП оказалась в поле зрения охраны дворца, они стали поливать нас из всех видов оружия. Пули молотили так по броне, что казалось — пошел град.

Так началось кровавое столкновение профессионалов.

Признаюсь, у нас не было должной психологической устойчивости. Да и откуда она? Наверное, воевать можно научиться только на войне, как бы это жестоко ни звучало. А мы привыкли видеть войну в кино, «покиношному» она и воспринималась.

Но все пришлось разглядеть наяву. Вот падает твой товарищ, взрывом ему отрывает руку, ногу, вот ранен сам, а надо действовать, расслабиться нельзя ни на секунду. Убьют.

В первые минуты боевого соприкосновения было очень тяжело. Охрана резиденции — сильная, хорошо обученная, отлично вооруженная. И главное, почти в четыре раза превышающая нас в живой силе. По всем воинским наукам, силы обороняющихся во сколько-то раз могут быть меньше, но никак не наступающих. Иначе атака обречена. Выходит, опрокинули мы теорию. Помогли нам мощный напор и, как ни странно, безысходность. Нас выручить уже никто не мог, тыла никакого.

Ранены были практически все. Гвардейцы отчаянно защищали дворец, мы отчаянно рвались вперед».

Однако надо уточнить: благодаря умелому командованию в группе Карпухина ранило только двоих, и то легко. Остальные же подгруппы пострадали значительно больше.

«Наблюдал я момент, — скажет потом Сергей Коломеец, — когда наш механик-водитель дрогнул. Тогда Карпухин дал ему команду: «Вперед или застрелю!» Героя Виктору Федоровичу дали достойно».

Да, действительно механик-водитель БМП, молодой солдат, попав в такое пекло боя, растерялся, запаниковал. Машина затормозила. Еще мгновение-другое — и она бы вспыхнула свечой, как подбитый уже бронетранспортер. Но командир не растерялся. Окрик отрезвил механика-водителя, и БМП рванулась вперед.

Механик-водитель подогнал боевую машину почти вплотную к главному входу, и только теперь Карпухин подал команду: «К машине!». И сам выскочил первым. Рядом с ним оказался Александр Плюснин. В два ствола открыли прицельный огонь по гвардейцам, которые стреляли из окон дворца.

Под прикрытием огня Карпухина и Плюснина из БМП благополучно десантировались Берлев, Коломеец, Гришин.

Всей группой проскочили под стены и ворвались во дворец. Каково было состояние нападавших и их впечатления повествует Виктор Карпухин.

«Пытаемся зачистить первый этаж. Гранаты сыплются, как огурцы. Кругом пальба. Ничего не видно и не слышно. Черное небо все исчеркано трассирующими пулями, непонятно откуда и куда летящими.

Наши «Шилки» знай себе палят по дворцу, по своим. Сигнал «отбой» до них не дошел.

Буквально каждый метр мы брали приступом».

Дворец Амина взят!..

Бой был тяжелый, ожесточенный: Емышеву оторвало руку, у Баева прострелена шея, Кузнецов получил серьезное ранение в ногу, Швачко осколок попал в зрачок глаза. У Сергея Голова девять осколочных ранений.

А вот капитану Виктору Карпухину повезло. Находясь в самом пекле боя, он не получил и царапины.

Хотя был в сантиметре от смерти в буквальном смысле этого слова. Дело в том, что вражеская пуля застряла в триплексе его спецназовской каски. Улыбнулась, стало быть, судьба. Только вот улыбка ли это была или гримаса? Виктор под пулями в далеком Афганистане выжил, а его старший брат именно в этот день, в мирной, спокойной Москве, — умер. Попал в больницу с обычным аппендицитом, но неудачная операция — и 27 декабря он угас.

Как призналась автору этой книги жена Карпухина, Валентина Владимировна, о Викторе в декабре 1979-го особо и не думали, не беспокоились. Ну, уехал на учения — и уехал. А вот его старший брат находился между жизнью и смертью, и потому родители, родственники беспокоились в первую очередь о нем. И только потом, позже, после возвращения из Афганистана, когда он рассказал, в каком пекле побывал, отец и мать поняли — они могли в один день потерять двух сыновей.

Таким был первый бой Виктора Карпухина.

28 апреля 1980 года Указом Президиума Верховного совета СССР за успешное выполнение специального задания Советского правительства и проявленные при этом мужество и героизм звание Героя Советского Союза было присвоено Бояринову Григорию Ивановичу (посмертно), Карпухину Виктору Федоровичу и Козлову Эвальду Григорьевичу.

Вместе с Козловым они получают свои Звезды в Кремле 21 мая 1980 года из рук первого заместителя председателя Президиума Верховного совета СССР В. В. Кузнецова. С ними ордена Ленина будут вручены Романову, Голову и Полякову.

Вручение наград в Кремле — дело хлопотное. В первую очередь для тех, кому вручают. Как шутили в «Альфе», ребята волновались не меньше, чем при штурме дворца. А уж инструктировали их «до посинения»: руку не жать, вопросов не задавать, не обнимать, не целовать. Спасибо, что дышать разрешили. Отчего же такие страсти?

Оказывается, награды вручать собирался сам генеральный секретарь Брежнев.

Дату награждения несколько раз переносили и, наконец, сообщили: Брежнева не будет. Его заменит Кузнецов. Опять новый инструктаж, ведь

Василий Васильевич древнее своего шефа. Главная задача — не переборщить с рукопожатием, чтоб не рассыпалась древность.

Наступило 21 мая. Великолепная пятерка собралась в Кремле. В гардеробе сдали плащи. В холле женщина средних лет приветливо, по-хозяйски улыбнулась. Огляделись. Тихо. Торжественно. На столах — фруктовая вода, сигареты. Заглянули в зал — там ни души.

Томились недолго. Ровно в назначенный час их пригласили в зал, который по-прежнему выглядел пустым: прибавилось несколько стульев да массивный стол с золочеными резными ножками. Рядом со столом микрофон. Кузнецов поздравил с наградой, вручил ордена, Золотые Звезды. Награжденные, как принято, благодарили партию и правительство. Виктор Федорович Карпухин от волнения забыл сказать заготовленные заранее слова, ему разрешили еще раз подойти к микрофону. Пока он шел, кто-то пошутил, мол, воевать хорошо умеет, а говорить не очень.

И это была истинная правда.

Бой второй...

Когда командир группы «А» полковник Виктор Карпухин получил сообщение, что в Сухуми взбунтовавшиеся преступники захватили следственный изолятор, он только выругался в сердцах. Что-то неладно в наших исполнительных учреждениях. Однако сокрушаться бесполезно. Ясно было как божий день, что расхлебывать эту кашу придется его подразделению.

Потому он как командир первым делом должен был оценить обстановку. Что известно на этот час? Откровенно говоря, не так много, как хотелось бы...

11 августа 1990 года в г. Сухуми семь арестованных преступников, находящихся в изоляторе временного содержания (ИВС) МВД Абхазской АССР, захватили в качестве заложников трех работников охраны. Завладев ключами, они выпустили из камер 68 подсудимых и осужденных. Среди 75 человек, содержащихся в изоляторе, 73 совершили уголовные преступления, 15 из них арестованы за убийство, 8 — за разбой, 1 — за угон самолета.

Зачинщик этой акции — трижды судимый матерый преступник П. Прунчак, взятый под стражу за убийство трех человек, двое из которых — сотрудники милиции.

Как же сложилась эта ситуация в изоляторе? Очень просто. Утром постовой, в нарушение инструкции, сам пошел открывать дверь седьмой камеры. А должен был это делать дежурный офицер. Но постовой поступал так уже не впервые. Открывал камеру, протягивал ведро и веник. Уборка помещения по утрам — дело обычное. Он делал это сотни раз, и все было хорошо. До поры до времени, разумеется. Теперь он получил удар по голове и оказался на каменном полу.

Дежурный офицер не заметил, когда постовой забрал ключи. Опомился, увидев на пульте охранной сигнализации тревожное мигание желтого глазка: в седьмой камере открыта дверь. Лейтенант помчался в камерный блок. А в дверь уже протискиваются заключенные Дзидзария и Бигвава. Офицер попытался затолкнуть их обратно в камеру. К нему на помощь прибежал постовой Нижерадзе со второго этажа. Но было поздно — семеро преступников вырвались из камеры и набросились на охранников, отобрали ключи, поспешно открыли другие камеры.

Четвертый охранник смены, постовой сержант Векуа, видя, что ничем

не может помочь товарищам, захлопнул на перегородке, преграждающей выход из камерного блока, дужку замка. Затем выбежал во двор, запер дверь изолятора и кинулся в дежурную часть МВД рассказать о нападении. Бежал и клял все на свете: из— за блокады железной дороги ломался график спецэтапов, вагоны с заключенными простаивали на путях вместе с десятками замерших поездов. Недели три не было поступлений, потом сразу привалило — 42 заключенных. Требовалась усиленная охрана, да где ее взять. Ее и по обычному штатному расписанию не хватало: постовых в изоляторе 18 человек, а должно быть 24.

По камерам распихивали кого куда — судимых с несудимыми, совершеннолетних с несовершеннолетними.

Когда Векуа докладывал о нападении, заключенные успели повалить стальную перегородку и открывали камеры второго этажа.

Казалось бы, все главные события произошли. В руках преступников изолятор, заложники... Но это, оказывается, была лишь прелюдия.

Через несколько часов после захвата изолятора, когда прокурор республики и руководство МВД Абхазии совещались, ломая голову, что предпринять в такой ситуации, подследственные преподнесли им еще один подарок. Из окна второго этажа, из-за решетки, на землю посыпались патроны, потом вылетел... наган.

Генералы потеряли дар речи.

— Откуда у них оружие? — растерянно произнес первый замминистра МВД Абхазии.

Оказалось, что в изоляторе, в одной из подсобок, хранилось более трех тысяч стволов нарезного и гладкоствольного оружия: винтовок, пистолетов, охотничьих ружей, и тысячи боеприпасов, изъятых у населения, а также у преступников.

Верно сказал на следствии один из зачинщиков бунта, осужденный за убийство Петухов: «Какой же дурак держит в переполненной тюрьме боеприпасы и оружие? Для нас это был приятный сюрприз».

Теперь представим себе преступников, которым уже нечего терять, и в их распоряжении вот такой арсенал. Представим, что они вырываются на улицы города. Думаю, Абхазия в августе 1990 года стояла на пороге страшной трагедии.

14 августа с одного из московских аэродромов стартовал самолет, следующий в Сухуми. На его борту было 22 сотрудника группы «А» и 31 боец учебного батальона специального назначения — в будущем «Витязя». Руководил операцией начальник группы «А» Герой Советского Союза полковник Виктор Карпухин.

Экипировка по максимуму — тяжелые бронежилеты, электрошоковые дубинки, щиты, спецгранаты, приборы ночного видения.

В полете прокурор Абхазии ввел группу в обстановку. Три дня в руках вооруженных преступников томились заложники. Требования бандитов постоянно менялись. Они хотели, чтобы перед ними для безопасности выстроили жителей — женщин и детей, потом требовали бронетранспортер, чтобы уехать из города, ставили и такое условие: посадить невдалеке от изолятора вертолет.

Карпухин слушал прокурора и прикидывал план действий. Пожалуй, такой сложной, тяжелой операции, которая предстояла группе, еще не было. Конечно, всякая спецоперация тяжела и опасна, но тут все против них.

Бандитов много, они опытные, некоторые имеют по несколько отсидок. Есть среди них и убийцы, рецидивисты. К тому же все вооружены. И оружия хватит на маленькую войну — боевые пистолеты Макарова, ТТ, Марголина, винтовки, ружья, патроны. Это значит, что в городе их брать нельзя, могут пострадать ни в чем неповинные люди.

Бандиты требовали БТР, чтобы уйти в горы. Значит, не исключено, придется в горной местности атаковать бронетранспортер. Но ведь до гор надо дойти. А пойдут они по улицам Сухуми. Стало быть, в город их выпускать нельзя. Тогда где брать, в изоляторе? Однако это уже не изолятор, а вооруженная крепость. Они там, укрывшись за стенами, полк положат и заложников перебьют.

Карпухин вновь и вновь просчитывал действия бандитов, чтобы выстроить свою тактику. Прокурор говорит, что требования террористов все время меняются. То они едут, то не едут. Называют разное количество людей. Сначала требовали автобус, потом бронетранспортер, дальше — больше — вертолет. Что они потребуют в следующий раз — космический корабль? И тебе, Карпухин, придется искать этот корабль, если не разработаешь свой план действий, свой алгоритм борьбы. И никакой опыт не поможет.

Думай, командир, думай.

После посадки в аэропорту Сухуми бойцы подразделений спецназа прибыли в город.

Сразу после проведенной рекогносцировки «Альфа» стала прорабатывать варианты штурма изолятора и освобождения заложников. Думали, ломали головы, чертили схемы. Когда нашли интересные варианты, предложили план операции на утверждение руководству.

Но прокурора нигде не удавалось найти. Как сквозь землю провалился.

А милицкий генерал Стариков план попросту «зарубил».

— Нет, вы что? У нас народу в двух группах — полсотни человек. Там тюрьма, камера. Это ж явно жертвы будут. А как поведет себя улица, толпа?

В бесплодных переговорах прошло еще двое суток. Бандиты бесчинствовали, стреляли из окон изолятора, выбрасывали на улицу оружие. Круглые сутки у ворот изолятора стояла огромная толпа людей.

Больше тянуть было нельзя, оглядываясь на трусливых прокуроров и милицких генералов. Виктор Федорович берет всю ответственность на себя. Из кабинета руководителя абхазского Комитета госбезопасности он выходит на председателя КГБ СССР Владимира Крючкова и докладывает, что обстановка накалена, в любой момент может выйти из-под контроля.

В заключение разговора добавляет:

— Считаю штурм единственным выходом из сложившейся ситуации.

Как стало известно позже, Крючков созвонился с Горбачевым. Тот ответил: «На ваше усмотрение». Такое сообщение из Москвы вскоре получил и Карпукhin. А большего и не требовалось.

Однако генерал Стариков опять взбунтовался. Он запретил учебному батальону спецназа внутренних войск МВД участвовать, по его выражению, «в этой авантюре». Комбат Лысюк ответил «есть», но действовал по-своему, вместе с бойцами «Альфы».

А план был следующий. В центре Сухуми, на площади Ленина, приземляется вертолет. Таково требование террористов. Правда, поначалу они хотели, чтобы борт сел прямо на крышу следственного изолятора. Однако их удалось отговорить, мол, крыша не выдержит такого веса.

Взрывотехники в свою очередь готовят два «рафика», которые при движении «взрываются». Разумеется, взрыв будет таков, что не нанесет ущерба здоровью сидящих внутри. Ведь можно было со стопроцентной уверенностью предположить — преступники «прикроются» заложниками.

После подрыва «рафика» бойцы одной из штурмовых групп должны были обезоружить террористов. Это следовало сделать сотрудникам во главе с Михаилом Картофельниковым.

Второй группе под командованием Михаила Максимова, взорвав люк на четвертом этаже изолятора, предстояло ворваться в здание и блокировать нижние этажи.

Третья группа находилась рядом со стальной дверью изолятора, откуда заключенных выводили на прогулку.

До начала штурма решили провести акцию — уничтожить главарей бандитов снайперским огнем. Для этого Прунчака вызвали на переговоры. Однако рецидивист оказался хитер. Он выдвинул к окну «шестерок», и те

«ретранслировали» его ответы.

Снайперы оказались бессильны.

«Считаю, что самое удачное изобретение «Альфа» сделала в Сухуми, — рассказывает Михаил Максимов, сотрудник группы «А». — Буквально за один день наши ребята разработали новый тактический прием. На одном из этапов переговоров бандиты отказались от БТРа. Значит, передвигаться они будут в автобусе или «рафике».

На этот случай есть хорошо отработанный прием, во всем мире его называют «прием лопатки». Разбиваются окна автобуса, ставится трап и по нему бойцы спецподразделения врываются в салон. Но тут была иная обстановка: пока мы схватим террористов, они убьют заложников. Значит, надежный, проверенный вариант не годится.

У «омздоновцев» есть прием, когда в машине прячут специальную взрывчатку и, к примеру, в момент остановки у нее направленным взрывом отрывает колеса. Для нас этот прием не подходил, но натолкнул на мысль: начинить пиротехникой автомобиль, который будет предложен бандитам. Снаряжали его всю ночь.

Дополнительное отвлекающее взрывное устройство было заложено во дворе изолятора».

М. Картофельникову этот момент запомнился так: «Подогнали «рафик». Бандиты долго выясняли отношения, орали, ругались. Вспыхнула драка. Видимо, решали — кому ехать. Потом внутри помещения началась стрельба. Как выяснилось позже, они опробовали оружие, приводили его в боевое состояние.

Выпустили «шестерку». Тот внимательно осмотрел «РАФ». Не понравилось, что нет шторок. Ладно, повесили шторки.

И вот, наконец, десять отъявленных преступников, большинство убийцы, — Прунчак, Дзидзария, Петухов, Ахведиани, Малов, Бигвава и другие, натянув на головы чулки с прорезями для глаз, прихватив с собой заложников Козмаву и Нижерадзе (тоже в масках), с рюкзаками и с оружием вышли из дверей изолятора.

Снайперы оказались парализованными: в кого стрелять, где бандиты, а где заложники? Однако на них особенно и не рассчитывали — достаточно того, что они вели наблюдение за террористами и были готовы в любую минуту открыть огонь».

Тут вышла небольшая накладка. Взрыв в «рафике» был должен произойти, как только бандиты его заведут, но вот он катится уже метров десять на выезд из ворот, а взрыва нет.

«По расчету мы начинали одновременно, — вспоминает

М. Максимов. — Нас было три группы — первая действовала на «рафике», вторая проникала через люк с четвертого на третий этаж, еще одна — взрывала боковую дверь изолятора.

Для нашей группы сложность состояла в том, что люк, через который предстояло спуститься на «оккупированный» этаж, мы не видели. Он находился под паркетом. Определили примерное его месторасположение, но вскрывать паркет не могли: боялись выдать себя шумом.

Что касается двери, то там возникли свои проблемы. Рядом с дверью, метрах в двух-трех, — цементный забор. Дверь взорвать не проблема, опасна ударная волна. Надо было так рассчитать силу взрыва, чтобы и дверь убрать с дороги, и самим остаться в живых».

«Рафик» подогнали почти вплотную к дверям. Бойцам, которые брали его, надо было бежать примерно одинаковое расстояние. Но он выкатился вперед. Стали стрелять по колесам. По салону вести огонь нельзя — террористы сидели с заложниками вперемешку.

Подгруппа Картофельникова штурмовала машину сзади. Пока преодолевали расстояние из засады, бандиты успели выпустить в штурмующих 20 пуль.

Бойцы выбили заднее стекло. Рукояткой пистолета Картофельников «вырубил» ближнего бандита, второго схватил за шиворот и вытащил. А преступник оказался мощный, ростом под метр восемьдесят. Потом ребята удивлялись: как смог такого борова выволочь?

Где у него только не было оружия: за пазухой, в карманах, за поясом...

При штурме ранили бойца группы «А» Игоря Орехова. Когда он навалился на бандита, Прунчак, сидевший на переднем сиденье, выстрелил. Пуля попала в незащищенную часть шеи между каской и бронежилетом, пробила шею. Счастье, что террорист стрелял из малокалиберного пистолета Марголина, а не из Макарова или ТТ.

Ну и как всегда рядом не оказалось врача. Как снять боль? Ребята из местного КГБ бутылку коньяку притащили. Принял Игорь, тут и «Скорая» подоспела. Так Орехов отпраздновал свой день рождения.

Когда у ворот «взорвался» микроавтобус, группа Максимова внутри здания тут же подорвала люк. Снизу он, оказывается, был еще закрыт на засов. Крыша люка вылетела, но засов остался, разделяя люк на две части.

Солдат батальона все рвался к люку. Максимов его удерживал, так как преступники снизу стреляли. Выстрелом боец был легко ранен в ногу. Максимов отвел его в сторону, бросил в люк шумовую гранату и спустился вниз по канату. Оказался в комнате, где прежде хранилось оружие. Бандиты

уже сбежали отсюда, дверь заперли. Пришлось взрывать дверь, чтобы двигаться дальше.

На пути ребят, которые штурмовали этаж через дверь, уголовники устроили баррикаду и открыли огонь. Штурмующие на огонь не отвечали. Они применили так называемое «психологическое оружие». Достаточно было одно выстрела, чтобы бандиты сдались.

Так завершилась операция по взятию Сухумского изолятора. Она по праву считается классикой антитеррористической борьбы. Но такой она будет признана со временем. Поначалу за пределами нашей страны мало кто поверил в такое. Даже специалисты.

В подтверждение этого — история, случившаяся с непосредственным участником тех событий Михаилом Максимовым.

Через несколько месяцев после сухумских событий к нам в страну из США прилетел Ричард Никсон. В помощь личной охране Никсона выделили двух «альфовцев». Максимов разговорился с одним из охранников. Тот, оказывается, немало был наслышан об «Альфе».

Максимов рассказал ему и о недавней операции в Сухуми. Выслушав Михаила, американец смущенно улыбнулся:

— Майкл! Это готовый сценарий для Голливуда. Но мы не в Голливуде. Сколько, там, говоришь, — сотни стволов? Да вас бы перестреляли, как куропаток.

И американец рассмеялся:

— Приврал ты, Майкл!

Максимову оставалось только развести руками: не поверил.

Что ж, американца можно понять, действительно, все эти события выглядят фантастическими...

За умело проведенную спецоперацию, проявленное при этом мужество и героизм командиру группы «А» полковнику Виктору Карпухину было присвоено звание генерал-майора. Это на ступень выше занимаемой им должности. И, думается, по праву.

Бой третий...

Герой Советского Союза, командир группы «А» генерал-майор Виктор Карпухин ехал по Москве — от Парка культуры по Садовому кольцу гнал в центр, на Дзержинку, к зданию Комитета госбезопасности. Машин было немного: суббота, лето, время отпусков. Пытался угадать, зачем он понадобился начальнику управления. В группе все в порядке, если эти бесконечные командировки в «горячие точки» можно назвать порядком. Стоп! А вот и возможный ответ на вызов генерал-лейтенанта Расщепова. Во вчерашней сводке — информация о захвате заложников в Закавказье. Значит, опять Закавказье. Он попытался вспомнить подробности захвата, но подробностей в сводке вроде бы не было. Просто одна строчка в оперативке.

...Он оставил машину в переулке и вошел в серое здание.

Расщепов поинтересовался боеготовностью группы, количественным составом, нашел на карте Московской области аэродром «Чкаловский». Спросил, знает ли Карпухин расположение зданий и помещений аэродрома.

Признаться, Виктор Федорович таким вопросам не удивился. Президент России возвращался из поездки, и сотрудников группы вполне могли привлечь к охране Ельцина.

Расщепов подтвердил догадку: оказывается, намечалась встреча руководителей Союза с Президентом России. Следовало усилить охрану.

Усилить — так усилить, Карпухин по приказу начальника управления отправился в Министерство обороны, правда, предупредив Расщепова, что сегодня собирается за город. Расщепов не возражал, просил только постоянно быть на связи. Это еще раз утвердило Карпухина, что ничего серьезного не намечается. Иначе его никак не отпустили бы из Москвы.

В Министерстве обороны поставили задачу подготовить группу в тридцать человек «для охраны предстоящего мероприятия». Уточнили: адрес встречи может измениться, не исключается, что переговоры пройдут либо во Внукове, либо в «Архангельском». Какая это будет встреча, кто участвует в ней, имена, фамилии не назывались. Карпухин не спрашивал: за время работы в КГБ привык знать ровно столько, сколько положено.

Во второй половине дня он уехал за город, к отцу. Они встретились, поговорили. В воскресенье генерал возвратился, проверил готовность группы, выделенной для охраны. Встревожило то, что все руководство КГБ находилось на своих рабочих местах.

В 2 часа ночи Карпухина и начальника управления Расщепова вызвал к себе первый заместитель председателя Комитета Грушко. Вновь была подтверждена поставленная задача.

Ночью с 18 на 19 августа 1991 года действовали по заранее намеченному плану, который, кстати, не вызывал ни у кого особых подозрений. В 4 часа утра от Крючкова поступила команда: выдвинуться в район дачного комплекса «Архангельское», при необходимости усилить посты охраны. Карпухин отобрал 60 человек и выехал в «Архангельское». Остановились километрах в трех от поселка, ждали указаний.

Так началась история несостоявшегося ареста Президента России Бориса Ельцина на заре августовского путча. И с этих пор начинаются легенды и выдумки о подразделении «А», которые сегодня можно собрать в удивительную в своем роде книгу под названием «Сплетни о группе «Альфа».

Первая из этих сплетен была поистине сенсационной, она перетекала из газеты в газету, ее подтверждали весьма уважаемые люди, якобы сами бывшие очевидцами этого исторического события. Состояла она в том, что, оказывается, спецназовцы опоздали арестовать Ельцина и его соратников на даче. Назывались даже драматические минуты, когда Борису Николаевичу удалось ускользнуть из лап КГБ.

Вот свидетельство Анатолия Собчака: *«Едем быстро, слава Богу, десантников уже нет. То ли поехали нас брать, то ли эта другая группа захвата опоздала на «усовскую» дачу (как потом узнали мы, на 10 минут)».*

Попытаемся выяснить истину. Сигнал «Сбор!» прозвучал на базе «Альфы» в четыре часа утра, группа «А» — подразделение сверхмобильное, хорошо оснащенное, имеющее в своем составе высокопрофессиональных водителей. Они в городе, при загруженности дорог, способны передвигаться быстро и уверенно, а тут раннее утро, трассы практически пусты, до дачи Ельцина рукой подать — всего 30 километров. Еще не было и пяти часов, когда подразделение заняло свой пост.

Видели они, как съезжались на дачу Хасбулатов, Силаев, Руцкой, Полторанин, Собчак, Лужков и другие. Могли бы задержать по одному? Вне всякого сомнения. Не задержали.

«В половине десятого, — говорил в одном из последующих интервью генерал Карпухин, — я выпустил из поселка кавалькаду российских правительственных машин: два «ЗИЛа» и две «Волги» охраны».

Значит, у командира «Альфы» на выполнение задачи было как

минимум 4–4,5 часа. И он все-таки умудрился опоздать на 10 минут? Сначала выпустил, а потом поехал арестовывать? Странно, не правда ли?

Интересна еще одна деталь. Уже упомянутый Анатолий Собчак говорит, что когда он в то утро вошел на дачу к Ельцину, то обмер: *«В комнате все российское руководство. Хватит одного взвода спецназа на всю государственность»*.

Собчак это понял, а профессионал Карпухин с шестью десятками своих ребят так и не догадался «прихлопнуть российскую государственность». Можно ли в это верить?

Словом, «Альфа» покинула «Архангельское» следом за двумя «ЗИЛами» и «Волгами», оставив в подкрепление ельцинской охране 15 человек.

Что было дальше? Даже если представить невероятное — будто, простояв у ворот дачи не один час, Карпухин прозевал выезд «российской государственности», то «Альфа» могла бы арестовать их, как говорил популярный киногерой, без шума и пыли, на дороге к шоссе, под мостом, где сделать это особенно удобно, да и прямо на автостраде к Москве...

Бойцы группы натренированы так, что никто ничего бы и не заметил, невольные свидетели просто подумали бы, что какая-то машина сломалась, а пассажиров пересадили в другую.

Но правда такова: правительственные «ЗИЛы» по дороге не ломались, и, как известно, Президент благополучно добрался до Белого дома.

У Александра Коржакова, начальника Службы безопасности Президента, своя версия на этот счет. В книге «Борис Ельцин: от рассвета до заката», выпущенной после отставки автора, Коржаков так описывает утро 19 августа 1991 года.

«У меня же главная забота была одна — обеспечить безопасность Президента России. Я понимал: только переступив порог толстых стен Белого дома, можно было обеспечить хоть какие-то меры предосторожности. А на даче в «Архангельском» об обороне даже думать смешно.

...Я немного успокоился, когда в «Архангельское» прибыла персональная «Чайка» Президента России. После короткого совещания решили ехать открыто — с российским флагом...

...Заранее договорились, что поедem на большой скорости. Самый опасный участок пути — от ворот «Архангельского» до выезда на шоссе. Это километра три. Кругом густой, высокий лес. За деревьями, как потом выяснилось, прятались сотрудники «Альфы». Они должны были выполнить приказ руководства ГКЧП — арестовать Ельцина. На случай

сопротивления с нашей стороны Президент просто бы погиб в перестрелке. Вроде бы случайно, но «Альфа» ничего не сделала — бойцы молча наблюдали за пронесшимся кортежем. «Альфисты» потом рассказывали, что только Карпухин — начальник спецгруппы — по рации кричал, требовал остановить машины.

...19 августа «Альфа» сама не подчинилась командиру. Он по рации кричал: «Почему не арестовали Ельцина?!» — и слышал в ответ банальные отговорки.

После нашего отъезда, около одиннадцати часов, к воротам «Архангельского» подъехал автобус, в котором сидели люди в камуфляжной форме. Мои ребята стали выяснять — кто такие. Старший представился подполковником ВДВ. Действительно, во время утреннего разговора с Грачевым Борис Николаевич попросил его прислать помощь, хотя бы для охраны дачного поселка. Павел Сергеевич пообещал направить роту из своего личного резерва. Поскольку разговор прослушивали, то под видом «охраны от Грачева» подослали этот автобус. Мой сотрудник Саша Кулеш, дежуривший у ворот, узнал подполковника: тот иногда преподавал на курсах КГБ и служил в «Альфе». А представился обычным десантником, показал новенькое удостоверение офицера, выписанное, наверное, всего лишь час назад.

Саша схитрил.

— Подождите, — говорит, — надо все выяснить. — И позвонил мне в Белый дом. А я с утра, как вызвал своих ребят на машинах, заказал на всякий случай в столовой «Архангельского» обед человек на пятьдесят. Вспомнив об этом, предложил:

— Мы сегодня уже не вернемся, а обед заказан. Сделай так: отведи этих «десантников» в столовую, накорми досыта, чтобы они съели по две-три порции. Мужики ведь здоровые. Сытый человек — добрый, он воевать не будет.

В столовой их действительно закармлили. Ребята ели с аппетитом — оказывается, с ночи голодные. После обеда они просидели в автобусе несколько часов с печальными сонными физиономиями, а потом уехали. Мои же сделали вид, будто поверили в их легенду. Приходилось играть друг перед другом.

Пока «альфисты» набивали желудки, мы думали: как эвакуировать семью Президента».

Оставляю этот отрывок из воспоминаний генерала Коржакова без собственных комментариев. Предоставлю слово непосредственному участнику тех событий, сотруднику группы «А», ныне полковнику запаса

Сергею Гончарову.

В одном из своих интервью после выхода в свет книги Коржакова он скажет:

«18 августа наше подразделение выезжало на проведение операции по задержанию Бориса Николаевича Ельцина. Если верить Коржакову, то он, опасаясь штурма дачи, как всегда, всех «перехитрил» — налил нам, бедным, щей, горячего супчика... и вывез Президента в Москву. Ну что за ерунда! Мы продежурили вокруг «Архангельского» всю ночь, все время переговаривались с охраной. Мы же все друг друга знали. Никакого штурма не потребовалось бы. И Карпухин не кричал: «Почему не арестовали Ельцина?», так как не было приказа от ГКЧП. Просто никто не решился дать «добро» на задержание Бориса Николаевича, вот и все дела... Потом по приказу вернулись на базу, где находились на боевом дежурстве почти пять суток. Поймите, мы — офицеры. Был бы приказ — арестовали бы и Президента, но при этом с головы Ельцина волос бы не упал...»

...А в Москву уже вошли танки. Город, по существу, находился на военном положении. На Краснопресненской набережной собирались люди, начинали строить баррикады. По радио и телевидению звучали заявления ГКЧП: «Горбачев болен, временно исполнение его обязанностей возложено на вице-президента Янаева».

Но у «Альфы» понедельник 19 августа и последующая ночь прошли спокойно.

Утром следующего дня командира группы вызвал к себе Расщепов, и они вместе прибыли к зампреду КГБ генералу Агееву. На совещании присутствовали начальники всех управлений Комитета. Здесь впервые прозвучал приказ: вместе с частями Советской армии и МВД осуществить штурм здания российского парламента, интернировать Российское правительство, Президента в специально оборудованные точки под Москвой.

Командиру «Альфы» дополнительно придавались другие спецподразделения КГБ и МВД, московский ОМОН, дивизия ОМЗДОНа. Приказы, как и прежде, отдавались устно. Карпухину вспомнился Вильнюс. Тогда «Альфа» тоже оказалась крайней.

Генерал Агеев, закрывая совещание, предупредил: следующий сбор в 14 часов в Министерстве обороны.

О том совещании в интервью «Известиям» командующий ВДВ, а потом министр обороны России генерал армии П. С. Грачев, вспоминает так:

«20 августа между четырнадцатью и пятнадцатью часами в

кабинете заместителя МО СССР по экстремальным ситуациям генерала Ачалова состоялось совещание. Там были генералы Варенников, Калинин, Карпухин, много гражданских, которых я не знал. Обстановка была напряженной... Говорили: правительство России выступило против ГКЧП, переговоры с ними ни к чему не привели... Надо сделать так, чтобы признание состоялось. Была поставлена задача: оценить здание парламента. Мне было сказано: десантников разместить в районе американского посольства, МВД размещалось на Кутузовском проспекте, а спецподразделение «Альфа» — на набережной. План был такой: МВД оттесняет людей от здания парламента, а в проход входит «Альфа» и штурмует здание».

Далее приводится весьма любопытный вопрос корреспондента:

«— Как вел себя во время совещания генерал Карпухин?

— Активности с его стороны не было, — ответил Грачев. — На мой взгляд, он был даже пассивен и подавлен. Ночью перед штурмом парламента позвонил мне. До штурма оставалось два часа. И говорит: «Звоню своему начальству, но никто не отвечает». «Где находишься?» — спросил я его. «В двух километрах от здания парламента России. Оценил обстановку и принял решение... — Карпухин помолчал, я тоже его не торопил. Потом он сказал: — Участвовать в штурме не буду». «Спасибо, — сказал я, — моих тоже уже нет на территории Москвы. И я больше шагу не сделаю...»

Итак, за два часа до времени «Ч» 21 августа командир «Альфы» принял решение: в штурме не участвовать. Между совещанием у Ачалова и звонком Грачеву прошло почти двенадцать часов. Возможно, самых драматичных часов в жизни «Альфы».

Человеку, далекому от армии или спецслужб, трудно представить, что такое приказ. В ту пору в уставах не существовало понятия «преступный приказ», но существовали сами приказы. Отказ же от выполнения даже такого приказа — воинское преступление.

Да, защитники Белого дома, люди сугубо гражданские, собравшиеся отстоять любой ценой своего Президента и правительство, проявили мужество. Но у каждого из них был выбор — остаться или уйти. У людей с погонями в августе 1991 года такого выбора не было. Выполни приказ, пойдешь на штурм — преступник, откажись выполнить — тоже преступник. Представим на минутку: «гэкачеписты» продержались не три дня, а три недели. Трудно сказать, в каком положении оказались бы Шапошников и Грачев, а также десятки других офицеров армии и КГБ, не поддержавших путч. Возможно, им остался бы единственный выбор: или погибнуть от

руки палача, или застрелиться.

Говорю об этом не для того, чтобы просто возвратиться к страшным минутам тех дней, но дабы понял читатель состояние души командира «Альфы» генерала Карпухина.

Сразу после августовских событий много писали о том, что «головорезы Крючкова», без сомнения, готовы были пойти на штурм и потопить в крови зарождающуюся российскую демократию. И только непонятное чудо спасло Белый дом.

Потом же стали появляться публикации противоположного толка: мол, «Альфа», когда ей был дан приказ о штурме, категорически отказалась идти. Называются фамилии тех, кто поднял «бунт на корабле», приводятся слова, на едином выдохе произнесенные сотрудниками подразделения: «Мы туда не пойдём!» — и якобы ответ «бунтарей», офицеров Михаила Головатова и Сергея Гончарова: «А мы вас туда и не поведем!»

Совсем как в художественном фильме «Человек из команды «Альфа», когда несколько десятков одетых в камуфляж парней смеются над приказом, а потом «сплываются» вокруг авторитетного подполковника и дают отпор консерватору-генералу. Дивизия, окружившая их, берет под козырек, отдавая высокие почести героям.

Если бы все было так просто! Все было значительно сложнее и, я бы сказал, трагичнее.

Действительно, никогда прежде ни один из сотрудников спецподразделения не мог даже в кошмарном сне представить, будто он не выполнил приказ. Появились такие люди не сразу, не ранним утром 19-го, а потом, в те трагические часы между 15.00 20 августа и 01.00 ночи 21 августа.

Что же произошло за это время в подразделении?

Если бы кто-то следил за базой «Альфы» в тот период, он, конечно, ничего бы не заметил. Из ворот не выходила военная техника, никуда не спешили вооруженные, закованные в современные латы бронежилетов бойцы. Разве что радиоэлектронная аппаратура группы «пахала» с полной нагрузкой.

Шла напряженная работа — подразделение собирало подробную информацию обо всем, что творится в Москве, оценивало ситуацию.

Ситуация же была крайне запутанной.

Сотрудники изучали заявления и документы ГКЧП и указы Президента России, видели трясущиеся руки Янаева на прессконференции, видели и Ельцина, выступающего с танка. Оперативные работники, действующие в Белом доме, докладывали о скоплении людей у стен здания

парламента России, строительстве баррикад, прибытии грузовика с оружием.

Возникали вопросы, на которые, увы, не было ответов. Карпухин простоял со своими ребятами четыре часа у ворот ельцинской дачи, но приказ арестовать Президента так и не поступил. Теперь же, когда Ельцин и Белый дом стали символами демократии, их заставляли идти на штурм. Зачем? Позже напишут, что перед «Альфой» стояла главная проблема — как войти в Белый дом. Сложность была как раз в другом — как выйти оттуда. Ведь за спиной остались бы десятки трупов.

Разные были мнения. Но никто не кричал с воодушевлением: «Мы туда не пойдем!» Как, впрочем, не кричали и обратное. «Альфа» делала выбор между жизнью и смертью не только каждого из бойцов, но всего подразделения как такового.

Возьми они Белый дом — как бы назывался этот акт? Антитеррористический? Но в парламенте России находились не террористы, а законно избранный Президент и депутаты. Хотя и те, кто посылал их на кровавую бойню, — тоже законно назначенные министры. И председатель КГБ Крючков не был самозванцем, вполне законно сидел в своем кресле.

Кому в «Альфе» оказалось сложнее в те роковые двенадцать часов? Всем было нелегко, но командиру — особенно. Командир — всему голова. Кто знает, какие угрозы и проклятия сыпались на эту голову?

Долго еще можно искать правых и виноватых, рассуждать о нравственных позициях той или другой стороны, но факт остается фактом: «Альфа» на штурм не пошла. Спасла ли она демократию или наоборот — партократию, нарядившуюся в новую, демократическую тогу? Сложно сказать. Важно иное. «Альфа» спасла просто жизни людей, вне их званий и должностей.

Произошло это не случайно, и в этом нет никакого чуда. Подразделение антитеррора всегда защищало людей. Защитило оно их и на сей раз. Не подняв против них оружие, несмотря ни на какие приказы. Это еще один веский аргумент в споре с теми, кто считает сотрудников группы «А» «головорезами» и «убийцами».

...После путча Карпухину позвонил начальник Первого главного управления генерал-лейтенант Шебаршин:

— Крепись, Виктор, ты снят с должности. Группой теперь командует Головатов.

Большого удара генерал Карпухин ожидать не мог. Двенадцать лет в группе, четыре года — ее командиром. Специальные операции в

Афганистане, освобождение захваченных самолетов, изолятора в Сухуми, «горячие точки» страны — все это он, Виктор Карпухин. Звание Героя Советского Союза и генеральские лампасы, и вдруг — снят с должности.

За что? За то, что он не арестовал Ельцина, за то, что не взял Белый дом? Нет, тут какая-то ошибка.

Карпухин поехал на Лубянку, теперь уже к новому, только что назначенному председателю КГБ Бакатину. Уж он-то поймет.

Надежды оказались напрасными. Прошел час, другой... Генерал ждал. Опять вспомнился Андропов. В первый раз Карпухин переступил порог этого кабинета не известным никому майором, рядовым бойцом группы «А». Неужели теперь боевому генералу, Герою не откроют дверь? Пусть не восстановят в должности, пусть уволят из Комитета, но хоть выслушают. Не выслушали.

Ветеран «Альфы» Сергей Гончаров рассказывает об этом так:

«Сразу после «кончины» ГКЧП Виктора Федоровича вызвали в КГБ СССР, во главе которого уже стоял небезызвестный Бакатин. Не знаю, как его назвать... Бакатин поступил по-скотски, он даже не принял Карпухина. С офицером такого уровня никто никогда не позволял себе вести подобным образом, Карпухин — это вам не «паркетный» генерал: Героя Советского Союза получил за штурм дворца Амина, освобождал заложников в Сухуми, провел массу боевых операций. В 42 года стал полковником, командиром группы. А его сорок минут продержали в приемной. Потом вышел молоденький капитан, адъютант Бакатина, и начал отчитывать его, как нашкодившего пацана. Карпухин не выдержал: «Ты с кем разговариваешь? Малёк, ты что, опух от сидения в высоких кабинетах??» И ушел. Вернулся к себе и сразу написал рапорт об отставке».

Так закончился его третий бой. Карпухин ушел. Но «Альфа» осталась жить. Ее взял под свое крыло Президент СССР Михаил Горбачев. Взял, чтобы тут же забыть. Не был определен правовой статус группы, не ясно, чем ей предстояло заниматься. Охранять Президента? У него и своей охраны достаточно.

4 июля к руководству группой вернулся ее бывший начальник — Герой Советского Союза генерал-майор Геннадий Зайцев. Он командовал подразделением с 1977 по 1988 год.

«Альфу» посетил Президент России Борис Ельцин.

А что же Карпухин? Виктор Федорович очень тяжело переживал свой уход. Нет, он не пал духом, не пропал. Вскоре его пригласил к себе советником по безопасности Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев.

После возвращения домой Карпухин возглавил крупное транспортное предприятие, занимался бизнесом. И достаточно успешно. Руководил структурой под названием «Росфонд».

«Тяжела ты шапка... спецназовца». Президент России Б. Ельцин посетил «Альфу» в 1994 году

Виктор Федорович вел активную жизнь. Казалось бы, все хорошо. Но однажды он мне с горечью сказал: «Есть работа, есть дело, но не мое это. Вот там, в «Альфе», было мое».

...Ночью 24 марта 2003 года у пятого вагона скорого поезда Минск — Москва в городе Орша резко затормозила машина «Скорой помощи». Но врачи уже были бес сильны. Сердце пассажира остановилось.

В своем заключении доктор написал: «Гражданин России, 55 лет, скончался предположительно от ишемической болезни сердца».

Это был Герой Советского Союза, командир легендарной «Альфы» генерал-майор Виктор Федорович Карпухин.

Глава 4

Прощай, мой муж...

Прапорщик Геннадий Сергеев пришел в группу «А» в конце января 1992 года. До трагических октябрьских событий 1993-го оставалось немногим более полутора лет.

Страна переживала трудное время. Вместе с ней тот кризисный этап пыталась преодолеть и «Альфа». Этому этапу предшествовали многочисленные командировки в горячие точки — в Баку, Ереван, Степанакерт, Тбилиси, Душанбе. Бойцы спецподразделения видели, как разваливалась некогда могущественная страна, набирал силу махровый национализм, как экстремисты раздували пламя гражданской войны.

«И стали мы солдатами». Слева — рядовой Г. Сергеев.

Тяжкий труд, огромные усилия, сложная оперативная работа нередко сводилась на нет бездумными действиями политиков.

«Альфой» попросту затыкали дыры, использовали, как пожарную команду. Полыхнуло в Азербайджане — мчались в Азербайджан, загорелось в Грузии — их бросали туда. Сотрудники устали, издергались. А главное — они не понимали смысла отдаваемых сверху приказов. Вскоре каждому бойцу стало ясно — этот пожар с помощью спецназа не погасить.

В январе 1991 года группу сотрудников «Альфы» посылают в Литву, в Вильнюс. Там вокруг телецентра круглосуточное дежурство несут тысячи агрессивно настроенных людей, дороги перекрыты грузовиками,

автобусами.

Задача подразделений МВД и десантников — оттеснить людей от объектов, обеспечить коридор «Альфе» для штурма телецентра. Но этого не случилось: танки и десантники опоздали и 25 бойцов группы «А» пробивались через многотысячную толпу самостоятельно, без поддержки.

В ходе штурма был смертельно ранен и вскоре скончался сотрудник подразделения лейтенант Виктор Шатских.

Наутро после событий в Вильнюсе «Альф» предал Президент Михаил Горбачев. Он сказал, что узнал о случившемся только рано утром.

А потом был август 1991-го в Москве. И задачка — врагу не пожелаешь. «Альф» предписывалось вместе с подразделениями Минобороны и МВД провести захват российского парламента, интернировать российское руководство. Президента Бориса Ельцина доставить в определенный пункт под Москвой.

Командиру группы «А» придавались московский ОМОН, другие подразделения КГБ и МВД. Такой приказ генерал Виктор Карпухин получил на совещании у зампреда КГБ генерала Агеева.

Приказ отдавался устно. Как тут было не вспомнить Вильнюс, когда «Альфа» оказалась крайней!

Все что произошло дальше — известно. Но что происходило в «Альф»?

Уволили в запас совсем еще молодого командира группы «А» Виктора Карпухина — Героя Советского Союза, генерала. Пресса — что левая, что правая — называла бойцов группы не иначе, как «головорезами Крючкова». В подразделении не платили зарплату. В декабре 1991 года газета «Правда» написала: «Группа «А» как таковая прекратила свое существование».

Вот в такую пору и пришел в группу «А» двадцатисемилетний прапорщик Геннадий Сергеев. В делах спецслужб он был уже не новичок — почти четыре года отслужил в 15-м Главном управлении КГБ, полтора года — в спецподразделении «Вымпел». Человек ищущий, беспокойный.

«Когда в «Вымпел» перевелся, — вспоминает вдова Геннадия — Елена, — я его спросила: «Ген, ну как тебе в «Вымпеле»?» А он с рюкзаком или спортивной сумкой спешит утром на службу. Мы жили тогда у метро «Шоссе Энтузиастов», оттуда автобусы до Балашихи ходили. На мой вопрос он ответил: «Нравится, Лена. Лучше чем в 15-м Главке, но все равно не то».

А его товарищ по подразделению Анатолий Данилин сказал так: «Человек ищет — где лучше. Всегда верим — там лучше. Начинаем искать, выбирать. Это вполне естественно. Геннадию, например,

нравилось больше антитеррористическое направление — освобождение самолетов, поездов, пароходов. А в «Вымпеле» все-таки больше диверсионный уклон был».

Говорят, придя в «Альфу», Сергеев нашел себя. Все соответствовало его духу и устремлениям — обстановка в подразделении, уровень и направленность боевой подготовки, отношения между бойцами, взаимовыручка.

Многое оперуполномоченный Геннадий Сергеев уже знал и умел.

Помогла серьезная физическая, спортивная подготовка. Он хорошо бежал кроссы, ходил на лыжах, отменно стрелял.

Сотрудники «Вымпела» на полевых занятиях. Справа — Г. Сергеев.

Да иначе, наверное, и быть не могло. С детства его приучали к спорту, сначала отец, в прошлом боксер, позже классный руководитель — преподаватель физкультуры Владимир Каштуров. Потом в армии Геннадий попал служить в спортивную роту. Будучи в «Альфе» Сергеев поступил в академию ФСБ, стал офицером — младшим лейтенантом. Однако судьба не отвела ему для службы в группе «А» и двух лет.

Откровенно говоря, скажи кто-нибудь за год до октябрьских событий 1993-го, что «Альфу» вновь бросят на Белый дом, прикажут штурмовать, счел бы за бред сумасшедшего. Но бред, к несчастью, оказался страшной реальностью.

В это время военная судьба забросила меня в Германию. Я проходил службу в составе Западной группы войск за три границы от России. Увидев на экране телевизора знакомые лица ветеранов «Альфы», понял: дело худо.

Не знаю, Политковский ли пригласил их в свое вечернее «Политбюро», или сами они, жестоко ученые горьким опытом, постучались в дверь его «кухни», суть не в этом. К миллионам зрителей, а главное, к власть предержащим обращались ветераны группы антитеррора и просили об одном — не вмешивать их в политические игры, в дележ высоких кресел.

Прапорщик Г. Сергеев.

Как тут не вспомнить еще раз незабвенного полковника Чарльза Беквита, создателя и командира американской «Дельты», который с первых шагов своего подразделения добивался четкого юридического статуса группы.

Этого хотели и руководители «Альфы» — генералы Геннадий Зайцев и

Виктор Карпухин.

Увы, статус «Альфы», мощнейшего, мобильного, высокопрофессионального подразделения, в те годы не был определен, хотя существовало положение о группе антитеррора, утвержденное Президентом России. Однако многие главы его столь широко трактовали обязанности борцов с терроризмом, что вполне могли стать опасным оружием в руках политиков. А искушение, как известно, велико. На крутом изломе политической борьбы «всяк мнящий себя стратегом» готов направить клинок этого оружия в грудь противника.

Противник ненавистен, желание истребить его — безгранично. Но вот противник повержен, а что делать с оружием? Как не хочется вспоминать о нем! Кровавый клинок не причислить к орудию демократии. Он — вечный упрек в глазах либеральной общественности. Его бы поскорее спрятать подальше, зарыть, сломать, переплавить, одним словом — уничтожить. Но что делать с оружием, если оно многоголосо, имеет сотни глаз, душ, сердец? Оно научилось думать, анализировать и даже принимать решения, единственно верные, но, к несчастью, не всегда совпадающие с волей политиков.

Какие мучительные вопросы, какая неразрешимая дилемма! Впору пожалеть тех, кто задает себе подобные вопросы.

Да, как ни горько это осознавать, но нелегкий опыт нашей страны доказывает — в горячке политических боев политики не задумываются о постпобоищных синдромах. Не до того им. Но о том всегда обостренно помнит «Альфа». Афганистан, Баку, Вильнюс, августовская Москва 1991 года. В эти точки, о которых и сегодня с содроганием вспоминает страна, бойцов группы бросали политики. Были, всегда были конкретные люди на политическом Олимпе, отдававшие приказы. Кто они такие? Имена их неизвестны. Они и сейчас вещают о своей приверженности демократии. Но не по вине ли этих «демократов» бойцов «Альфы» приговаривали к смертной казни в Литве, называли «убийцами», «головорезами КГБ», плели о них небылицы, выдумывали леденящие кровь истории.

«Так не достаточно ли?» — спрашивали с экранов телевизоров в тот поздний вечер ветераны «Альфы».

Нет, не достаточно. «Альфа» была брошена на штурм, прозвучал приказ «вести огонь на поражение». Один из журналистов написал в «Известиях», что долго пытался разобраться в формулировке приказа. И вправду, для штатского человека не все в нем понятно, но для военного эти слова ясны как белый день — войти в Белый дом и «поражать». Кого? Да того, кто попадется на мушку автомата. Страшно это. И говорить-то

страшно, не только делать. Как отделить ярого защитника Белого дома от водопроводчика? Тем более если ты появился перед ним с оружием, в каске и бронежилете.

Вот вам и гражданская война.

Однако, к великому счастью, «Альфа» научилась думать. И что очень важно — служат там ребятам не из пугливых. Умеют подчиняться, но умеют, как бы это поделикатнее выразиться, творчески выполнять приказ.

Ведь что, в конечном счете, было главным 4 октября 1993 года? Прекратить бессмысленную бойню и кровопролитие. Иного было не дано...

...В тот день боец группы «А» Геннадий Сергеев никак не должен был попасть к Белому дому. Он находился в законном отпуске, сидел дома, возился с пятилетним сынишкой. Настроение хорошее.

Единственное, что огорчало, — воспоминание о недавней смерти командира-наставника Евгения Первушина. Умер он неожиданно, от язвы желудка, спасти не удалось. Они были на выезде, на парашютных прыжках, а когда вернулись — Евгения Серафимовича уже не было в живых.

Приближалось сорок дней со дня его смерти. Геннадий вспомнил: кто-то из ребят в отделе, говоря о наставнике, мрачно произнес, мол, есть такое поверие, что на «сороковины» покойник забирает кого-нибудь с собой из знакомых, друзей, близких. «Какая ерунда», — подумал он тогда. А вот сейчас почему-то вспомнил этот разговор — и на душе тяжело стало. Чтобы отвлечься, Геннадий предложил жене взять сынишку Сашку и прогуляться в Измайловском парке.

Дальше даем слово Елене Сергеевой. В те дни она вела дневник, при встрече вручила его нам и согласилась на публикацию.

«3 октября 1993 года. Воскресенье. Утро.

Геннадий побегал в лес делать зарядку. Пришел где-то часов в двенадцать. Мы всей семьей решили прогуляться в Измайловском парке. Погода чудесная, светило солнышко, сухие листья шуршали под ногами. Мы сидели с мужем на лавочке и наблюдали за пятилетним сынишкой Сашкой, который бросал в озеро камушки. Геннадия что-то беспокоило, он торопился домой — интуиция?

Дома Гена сразу же включил телевизор. Примерно около половины третьего выступил Александр Руцкой с призывами: «Все на Моссовет! Все в Останкино! В Кремль!» Геннадий занервничал, говорит: «Я на работу. Дела плохие». Собрался и сказал мне: «Давай попрощаемся...»

3 октября. Воскресенье. Вечер.

«По телевизору то и дело раздаются призывы Руцкого, Макашова.

Генка поцеловал меня, надел свою старую кожанку, теплый свитер, кроссовки. Уходя, сказал так: «Если меня убьют, все мои вещи отдашь сыну». Я разволновалась не на шутку, еле сдерживаюсь, чтобы не расстраивать его.

И потянулись тревожные сутки».

Чего она только не передумала за эти сутки. Вспоминала и хорошее и плохое. Как встретились они через два года после окончания школы. Ведь в девятом — десятом классах учились вместе. Однако как-то друг друга не замечали, а тут на встрече выпускников пообщались, повспоминали школьное прошлое — и Геннадий позвонил назавтра. Стали встречаться, а вскоре он предложил ей выйти замуж. Был 1986 год, Гена работал монтажником электромеханических приборов в НИИ «Импульс», но уже оформлялся в Комитет госбезопасности.

Сыграли свадьбу. Через год родился сын Саша.

«4 октября. Понедельник. Утро.

Заснула лишь ненадолго. Телевизор работал всю ночь. Я металась между телевизором и кухней, не находя себе места. Искала утешения или спасения — не знаю.

Около одиннадцати зазвонил телефон. Это был муж. «Лена, как у вас дела??» Я отвечаю, что все в порядке. «Вечером на улицу не выходите, к окнам не подходите, берегите себя». Я еще спросила, где он сейчас находится. Гена: «Не могу сказать и когда вернусь, не знаю». Это были последние слова, которые я слышала от мужа.

Около трех часов дня сообщили, что группа «Альфа» пошла на штурм Белого дома. Один ранен, один убит.

4 октября. Понедельник. Вечер.

Услышав сообщение по телевидению: «Один ранен, один убит», я замерла от ужаса. «Не дай Бог — Генка...» Потом успокаиваю себя, что он обязательно придет, расскажет, что же там случилось. Не пришел. Подумала, что он задерживается на задании, что вот-вот должен вернуться. Сашок тянет меня к бабушке Рае, а я не могу идти, говорю, что папа сейчас придет с работы, ему надо отдохнуть.

Прошла ночь».

Лена пишет и еще ничего не знает о произошедшей трагедии, но какое напряжение в каждой строчке. И оно все нарастает. Кажется, вот-вот что-то случится — страшное, непоправимое.

Через много лет, когда мы беседовали с Еленой, она рассказала, что в тот день, 4 октября, и раньше ей снились странные сны: то черный шар летит на нее с подсолнечной стороны, то появляется черная роза прямо на ковре над их кроватью. И розу эту она видит столь явственно и зримо, что протягивает руку, стараясь взять ее.

Но самый неприятный сон рассказал ей Геннадий за несколько дней до гибели. Рассказал он это с шуткой, со смехом, но у нее мурашки по телу побежали.

Гена редко видел сны, а тут утром обрадовал, мол, снилось, что в комнате моет пол, а на диване сидят сотрудники, товарищи по подразделению Репин, Михайлов и Торшин. Она тогда испугалась не на шутку, сказала: «Ген, не дай, Бог, обмывать кого будете...»

Так оно и вышло. Только этим кем-то стал ее муж.

«5 октября. Вторник.

С утра увела сына гулять, но домой тянет невыносимо. В половине третьего кто-то позвонил в дверь. Ноги не идут, открывать совершенно не хочется. Открыла. Стоят друзья Гены, коллеги — Толик Данилин, Алексей Кузин, Александр Голембевский. В глаза не смотрят, молчат. Гены среди них не было. Помню, я подумала: «Что же случилось??» Толик: «Лена, крепись». Больше ни слова. Сначала до меня не дошло, что нечто ужасное случилось именно со мной, именно в моей семье. «Вы сразу скажите, ранен или убит??» В ответ только одно слово: «Крепись». Руки сразу задрожали, стало холодно и невыносимо тоскливо. «Он раненого спасал??» — «Да». Слез не было. Поначалу.

Ребята очень переживали, особенно Толик. Геннадий вместе с ним в Академии ФСБ учился.

Потом все было как в страшном сне. Звонки родственникам, родителям, ожидание чьего-то приезда. Сестра меня не покидала три дня. За это я ей очень благодарна.

6 октября. Среда.

Приехали Александр Репин, Александр Михайлов и Юрий Торшин — старший офицер, который выносил Гену из-под огня. Он и рассказал, как погиб муж».

Боец группы «А» Юрий Торшин действительно был рядом с Геннадием Сергеевым, когда в бок тому ударила предательская пуля. Почему предательская? Послушайте рассказ Торшина и поймете.

«Геннадий Сергеев был лучшим в нашем отделении. Он проработал в группе несколько лет, накопил опыт. Физические данные у него хорошие — рост метр восемьдесят пять, каратист, прекрасно стрелял.

Так вот, втроем — я, Финогенов и Сергеев — выехали на БМП к Белому дому. Вокруг была неразбериха, и нам хотелось разобраться в обстановке самим, понять что происходит.

Наша БМП вышла в тыл Белого дома. Картина предстала ужасная: стоят какие-то шалашики, палаточки, люди обросшие — человек сорок. Кто они??

В общем, приехали, осмотрелись. Из ближайшего подъезда Белого дома выбежала женщина в милицмейской форме, в кителе без погон, с девочкой на руках. Мы ее посадили в свою БМП, пытались что-то расспросить, но напрасно. Она была так напугана, что не могла говорить.

Из Белого дома не стреляли. Огонь вели из соседних домов. Мы вышли с Геннадием из БМП, чтобы помочь раненым. По дороге — один мертвый, второй... Наткнулись на солдата в бушлате, каска рядом валяется. У него ранение в бедро. Берем его, несем. Я подхватил под мышки, Сергеев за ноги.

Попадаем под огонь снайперов. Сначала мы и не поняли, что «пристреливают» нас, но потом пули цок-цок рядом. Только успел сказать: «Гена, пригибаемся и делаем бросок», как он ойкнул, выпустил ноги солдата, сначала сел, потом упал на спину.

— По-моему меня зацепило, — простонал он, а я вижу — в паховой части на брюках растекается кровь.

Невдалеке стояло БМП, солдатам кричу, зову на помощь. С двумя мне не управиться. Прибежали, забрали солдата. А я, как в кино, попытался Геннадия на плечо взвалить. Оказывается, это не так просто. Взвалить-то взвалил, а подняться не могу. В нем весу под девяносто килограммов, да бронежилет, амуниция, оружие. В общем, опустил, взял под мышки, потащил, а он просит: «Сделай мне укол».

Уколот его, тут мне солдаты помогли. Загрузили Гену в БМП, рванули туда, где стояли машины «Скорой помощи». Пока ехали, Геннадий стал холодеть. Я уши ему растирал, а у него взгляд уже туманный, не разговаривал, не стонал.

Выехали к магазину «Олимп», к машинам «Скорой помощи», они его на носилки, раздели, стали осматривать. Спрашиваю: «Вы в какой госпиталь

его повезете??» А врач посмотрел на меня и тихо так отвечает: «В морг...»

Скажу сразу, выстрел был не из Белого дома. Если бы стреляли оттуда, пуля бы попала в спину, а не в левый бок. Откуда стреляли, думаю, теперь вряд ли удастся узнать. Ясно только, что выстрел оказался прицельный.

Президент в своей книге пишет: «После того как бойцы «Альфы» узнали, что погиб их товарищ, никого уже не надо было уговаривать. Почти вся команда пошла на освобождение Белого дома».

Выходит, что бросок этот получился как бы спонтанным, и бойцы вошли в здание Верховного совета, дабы отомстить за кровь товарища. Нет, они никому не мстили. Неизвестно, кому мстить. Вместе с известием о тяжелом ранении Геннадия Сергеева пришло и другое предупреждение — пуля прилетела не из Белого дома.

«8 октября. Пятница. Похороны.

К одиннадцати часам поехали на панихиду. Рядом со мной сестра и Марина Окунькова. Входим в «шестигранник» (зал на Пехотной улице, в котором происходит прощание с офицерами госбезопасности. — Здесь и далее примеч. авт.). Глаз стараюсь не поднимать, боюсь, что не выдержу.

Смотрю в гроб, вижу мужа, совсем еще молодого. Обескровленное, бледное лицо, волосы ежиком, ресницы плотно закрыты, нос прямой, тонкий, застывшие губы. Лицо спокойное, волевое, не искаженное болью. Гена в своем любимом костюме — «двойке» в полоску и в белой рубашке. Кладу руку на лоб. Лицо очень холодное, застывшее. Провожу рукой по пушистым Гениным волосам, вспоминаю все самое хорошее, что связывало меня с любимым мужем. Вспоминаю его добрую улыбку, упрямый взгляд, характер.

После его смерти во мне что-то перевернулось. Я стала смотреть на мир совсем другими глазами. Я горжусь тобой, мой муж.

Цветов было море. Нежные цветы, положенные в гроб, вянут прямо на глазах. Сашок смотрит на папу, не отрываясь, тяжело вздыхает. После прощания поехали к дому, народу очень много, человек сто пятьдесят. Пришли сослуживцы. Друзья, одноклассники, директор школы, где Гена учился.

На кладбище гроб несли под музыку, очень медленно. Подходим к могиле. А погода стоит прекрасная, светит солнце, еще так недавно мы гуляли в парке вместе... Говорили очень много хороших слов, сказал несколько ритуальных слов и священник. В руке у каждого горит

поминальная свеча.

Стали прощаться. Я поцеловала последний раз своего мужа в холодный лоб и запомнила навсегда дорогие черты, все морщинки на застывшем лице. Гроб опустили в могилу, троекратный салют из автоматов дал особый караул Кремлевского полка. Так закончилась церемония погребения. Солдаты маршем, под оркестр, прошли около могилы.

18 октября. Понедельник.

Ездил с родителями мужа в Кремль. Геннадия наградили Золотой Звездой Российской Федерации. Посмертно. Награду вручал М. И. Барсуков. Церемония прошла в очень торжественной обстановке.

Я никогда тебя не забуду, буду помнить тебя вечно. Ты всегда со мной и в моей памяти. Прощай навсегда, мой единственный, милый и любимый муж. Сашкин отец, своих родителей сын. Для меня ты был защитой и надежной опорой. Для сына станешь примером. А для остальных — народным героем, героем своего времени».

Со дня гибели младшего лейтенанта Геннадия Сергеева прошло 15 лет. Вырос пятилетний сын Александр. Учится в автомобильном колледже, любит машины. Кстати говоря, очень похож на своего отца.

В беседе с Леной я еще поинтересовался, отчего, мол, не пошел по отцовским стопам. Она вздохнула. «Знаете, он бы пошел, да вот после гибели Геннадия у него развилась вегетососудистая дистония. То голова болит, то давление подскакивает. Смерть отца вот так подействовала... Так что, видать, не судьба».

Да уж, судьба накрыла своим черным крылом не только Геннадия Сергеева, его жену, но и сына. Однако очень хочется верить, что у Александра Сергеева все будет хорошо. Ведь он сын Героя.

Глава 5

«Последний из могикан» группы «А»

20 декабря 1997 года погиб Анатолий Савельев. Сейчас в Москве гибнут многие. От пуль бандитов, в мафиозных разборках. Полковник Савельев погиб не «на стрелке», не спасая награбленное. Он отдал жизнь за Человека.

Начальник штаба легендарной «Альфы» спас не только живую душу, ни в чем не повинного торгового советника посольства Швеции Яна-Улофа Нюстрема, он спас нечто большее... Хотя — что может быть ценнее человеческой жизни? И все же.

Из служебного отчета группы «А».

«19 декабря 1997 года в 20.02 в управление от начальника штаба Департамента по борьбе с терроризмом генерал— лейтенанта Д. Герасимова поступила первичная информация о том, что в 1850 на автостоянке около здания посольства Швеции в Москве, улица Мосфильмовская, дом 60, неизвестным лицом в маске под угрозой применения оружия в автомашине «Вольво— 340» были захвачены торговый представитель посольства Швеции с супругой, которая была отпущена террористом для сообщения его требований (3 млн долларов США и самолет для вылета в неизвестном направлении).

Террорист — мужчина 28–30 лет, представился Андреем.

В 20.10 в соответствии с указаниями директора ФСБ России управление «А» было поднято по боевой тревоге.

В 20.20 находившийся на боевом дежурстве 2-й отдел управления выехал из подразделения и в 20.40 прибыл к месту захвата заложника, где находились начальник управления А. Гусев, первый заместитель начальника управления А. Мирошниченко и заместитель начальника управления А. Савельев».

В те декабрьские дни наша пресса захлебывалась версиями: от чего умер Савельев — от сердечного приступа или от пули своих товарищей.

«Уже на следующий день, 20 декабря, — напишет в своей книге «Альфа» — моя судьба» командир группы «А» Герой Советского Союза

генерал Геннадий Зайцев, — некоторые журналисты позволили себе оскорбительные утверждения: «Полковник Савельев погиб от рук своих же подчиненных».

Неудивительно, что эта версия, соблазнительная в своей скандальной «прямоте», получила широкое распространение, и многие россияне до сих пор убеждены, что так оно и было на самом деле.

Не внесла ясности и телевизионная передача «Независимое расследование» на канале НТВ, которая, как было обещано, должна была расставить все точки над «i» в этом искусственно запутанном деле. Однако вместо ясности она породила еще больше вопросов.

У меня сложилось стойкое впечатление, что авторам этой претенциозной передачи очень хотелось доказать: полковник ФСБ погиб не от сердечного приступа, а был застрелен сотрудниками «Альфы». Без тени смущения ведущий «пытал» вдову нашего погибшего товарища, Наталью Михайловну Савельеву. Он очень надеялся услышать от нее обвинения и, быть может, резкие и горькие слова в адрес сотрудников «Альфы».

Чего стоит такой эпизод, оставшийся за рамками вышедшей в эфир передачи. Ведущий этого «независимого расследования» г-н Николаев предложил Наталье Михайловне «занять место мужа» на переднем сиденье автомобиля «Вольво», стоявшего тут же в студии Мужественная женщина отказалась участвовать в этой постыдной инсценировке.

— Ну, хотя бы станьте рядом, — настаивал Николаев.

— Я сейчас встану и уйду вообще, — последовал твердый ответ.

Заказ есть заказ. Что до таких понятий, как мораль, нравственность и порядочность, то они, видимо, у многих телевизионных журналистов не в чести».

Думается, генерал Зайцев очень верно охарактеризовал облик некоторых служителей пера и видеокамеры. Но речь ныне не о них. А о нашем герое и его подвиге. Кстати, высокое это слово, почти исчезнувшее со страниц газет и телеэкранов в годы так называемой «перестройки», с большим трудом возвращается в нашу жизнь. И вернется ли окончательно — большой вопрос. Подвиг по-прежнему не в чести. По-прежнему не в моде... Не в моде служение Родине, Отечеству. Престижно служение карману. Сегодня всяк, кто служит, — дурак. Кто «зашибает бабки» — голова, герой.

Кто теперь герой нашего времени?

Только не скажите — Матросов или Космодемьянская. Засмеют.

Теперь и фамилий таких выговаривать не умеют. Отдать жизнь за Родину? Ну что вы, вот ежели за сотню тысяч долларов. Тоже не хочется, но приходится.

Да, так оно и есть — нахальное, бесстыдное «мурло» нового хозяина жизни, который может сделать с вами все, — купить, продать, убить, выгнать из дома, — оно «герой нашего времени». Оно доминирует сегодня над всеми. Оно навязывает обществу бандитские законы, свою систему координат, где человек — ноль, жизнь — копейка, а служение признается лишь одному божеству — доллару.

И вдруг приходит человек и ставит на кон жизнь. Свою собственную, единственную жизнь. Не ради денег, не ради славы, но, как поют «альфовцы», «чтобы спасти людей от пули озверевших террористов».

Он спас не только заложника. Спас престиж и авторитет страны. Ведь у нас и так имидж одного из самых криминальных, мафиозных государств в мире. А тут еще шведский дипломат в лапах террориста в центре Москвы. Кто теперь возьмется доказывать, что мы — не рассадник преступности?

Полковник Савельев совершил еще один подвиг. О нем не сказано в Указе Президента, не написано в газетах. Он спас душу России. Истоптанную, оклеветанную, но все же живую и гордую такими людьми, как Савельев. Стало быть, среди лжи и мракобесия, продажности и насилия, попрания закона и морали есть нечто, чего не купишь и не продашь даже за самую «твердую валюту».

В маленьком городке на Смоленщине, где я родился, затаив дыхание, следили по телевизору за трагическими событиями на Мосфильмовской улице в Москве. Как хотели они, чтобы случилось чудо и воскрес Толя Савельев. Как верили в его бессмертие! Тот далекий, незнакомый полковник в далекой столице, закрывший собой иностранного дипломата, стал символом веры и надежды для моих земляков. Почему? Я и сам сначала не мог понять.

Все предельно ясно и трагично. Болит у русского человека душа. Неужто погибла Россия в криминале и лжи? Нет, жива. Пока есть еще такие мужики, как Савельев.

Из служебного отчета группы «А».

«По указанию начальника управления снайперы заняли исходные позиции. Автомашина, в которой находились террорист и заложник, с зажженными фарами располагалась во дворе посольства Швеции, слева от входной двери, на расстоянии 10 метров, багажником к стене. В

данный момент у преступника находился телефон мобильной связи, переданный ему сотрудником посольства Швеции.

В ходе переговоров с террористом было установлено, что он вооружен гранатой Ф-1 и пистолетом типа ПМ (пистолет Макарова. — прим).

В 2250 под видом сотрудника МВД в контакт с террористом вступил по радиотелефону генерал-лейтенант Д. Герасимов. Полковник А. Савельев, представившись работником МИДа, несколько раз подходил к автомашине и непосредственно вел переговоры с террористом.

В 23.00 полковник А. Савельев убедил террориста произвести обмен шведского дипломата на другое лицо и самостоятельно предложил себя в качестве заложника.

В 23.10 обмен состоялся».

Когда узнали, что я был знаком с Анатолием Николаевичем не один год, попросили — расскажи. Что ж вам поведать о полковнике Савельеве? Каким он был человеком, воином, другом? Как случилось, что пошел под пули сам, а не послал подчиненных? Почему предложил себя взамен дипломата, хотя предварительно обговаривался иной план действий?

Чтобы ответить на эти вопросы, надо многое знать о Герое России, начальнике штаба управления «А» («Альфа») полковнике ФСБ Анатолии Николаевиче Савельеве — как жил, как служил, что любил и ненавидел, во что верил. Нельзя сказать, что дед и бабуля не любили внука, но рос Толя без отца. Николая Васильевича Сысоева арестовали в 1947 году, из лагеря он уже не вернулся. Правда, в Москве жила мать Толи, но у нее была другая семья. После рождения ребенка взяли к себе родители отца — Сысоевы. Поэтому маленький Толя бабушку звал мамой.

Он окончил школу, авиационный техникум, пришел в Центральное конструкторское бюро машиностроения, потом была армия, работа в НИИ электронно-вычислительной техники. И все— таки он мечтал о другом. Толя знал: до ареста отец служил в Комитете государственной безопасности. Он хотел идти отцовской дорогой. Что же касалось ареста, о причинах его Анатолий ничего не ведал. Так и написал потом в своей первой автобиографии. Добавил, что занимался боксом, брал призовые места на первенстве Москвы и Советского Союза, выполнил норматив мастера спорта СССР. Вот, собственно, и вся биография.

Первым, кто рекомендовал его в органы госбезопасности, был командир войсковой части 35480 майор Сазонов. О сержанте Савельеве он написал много добрых слов. О том, что выдержан и спокоен,

добросовестен и честен, физически развит, в строевом отношении подтянут. И надо признаться: сержант того был достоин.

И еще Савельеву майор вписал в характеристику одну необычную для служебных характеристик фразу: «Обладает чувством романтики». И попал в самую точку.

«Подглядел» эту черту в Савельеве и старый, еще с фронтовой поры, кадровик Владимир Иванович Химучин, когда Анатолий Николаевич уже служил в одном из подразделений КГБ. Он и подсказал однажды:

— Толя, набор идет в новую группу. Как раз для тебя.

Савельев пришел, объяснили ему в общих чертах, а он первым делом спрашивает:

— А что там интересного? Все, что рассказали, у меня есть. Я в спецотделении, работаю с оружием, на задержании...

И тогда командир группы «А» майор Бубенин ответил:

— У нас еще интереснее.

— Ну, если интереснее, я согласен.

Так он оказался в первой тридцатке, ставшей родоначальницей известной теперь во всем мире группы антитеррора «Альфа».

Но это случилось в 1975 году. А до этого было три года службы в должности младшего разведчика в 7-м управлении, еще раньше — учеба в спецшколе КГБ, которую он, кстати, закончил на «отлично». Тут все шло исключительно на «пять»: и история КПСС, и контрразведывательная деятельность, и дорожное наблюдение, и оперативная техника.

Верно написал в той первой характеристике командир войсковой части майор Сазонов: «Сержант Савельев устойчиво доводит до конца начатое дело».

Эту привычку «устойчиво доводить до конца начатое дело» Анатолий Николаевич пронесет через всю жизнь.

Интересно, что не только общечеловеческие качества, но и черты весьма способного сотрудника спецслужб у Савельева проявятся еще в годы ранней молодости. В его личном деле сохранилась интересная характеристика, подписанная начальником 10-го отдела 7-го управления КГБ полковником Шевяковым. Толя Савельев был тогда еще нештатным сотрудником, но выполнял свои обязанности очень умело.

«В процессе занятий, — пишет Шевяков, — проявлял наблюдательность, хорошую устойчивость, зрительную память. Легко запоминает названия улиц, переулков, различных учреждений. Свободно воспроизводит в памяти увиденное по истечении продолжительного времени.

Правильно делает опознание личности по приметам и по фотокарточке.

Место для наблюдения выбирает удачное, ведет себя естественно, спокойно, может маскироваться, используя окружающую обстановку.

На поисковой работе действует уверенно и целенаправленно».

Подметил начальник 10-го отдела у нештатного сотрудника и еще одно качество, которое будет очень необходимо для Савельева как сотрудника подразделения антитеррора, — смелость.

А вот аттестация на прапорщика Савельева Анатолия Николаевича, разведчика группы «А» 5-го отдела 7-го управления КГБ при Совете министров СССР.

«Товарищ Савельев успешно овладевает программой обучения группы «А». Оперативную и боевую технику, имеющуюся на вооружении в отделе, знает и правильно ее эксплуатирует. Имеет права водителя 3-го класса и допуск «А» к вождению оперативного автотранспорта».

Подписана аттестация начальником группы «А» майором Бубениным.

Заметим, это 1975 год. Прошло меньше года со дня создания группы.

Через два года, в 1977-м, Савельев — уже лейтенант, старший разведчик. В 1978 году Савельев назначен на должность старшего оперуполномоченного. Начальник группы «А» подполковник Зайцев указывает: «Имеет хороший уровень профессиональной подготовки, постоянно его совершенствует.

С отличием окончил курсы обучения по воздушно-десантной подготовке. Умело владеет всеми видами вооружения и техники подразделения, знает их материальную часть».

В следующем году, 1979-м, Савельев «сдал экзамен по программе обучения водителя 1-го класса».

Как свидетельствует аттестация из 1981 года, «...старший лейтенант Савельев Анатолий Николаевич, имея высшее образование — педагогический институт, учится на 7-м факультете Высшей школы КГБ СССР имени Ф. Дзержинского.

За конкретные результаты в работе имеет ряд поощрений, награжден орденом Красной Звезды».

Вообще перечень наград и поощрений Савельева сам по себе о многом говорит. Так, в 1980 году он получил благодарность «за добросовестное исполнение служебного долга по обеспечению безопасности проведения Олимпийских игр», ценный подарок за «смелые и решительные действия по пресечению в районе посольства США антиобщественной акции, носившей провокационный характер» — это

1983 год.

Потом был Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве. И его безопасность тоже следовало обеспечивать. Судя по всему, Анатолий делал свою работу неплохо. За что и получил поощрение.

Далее следуют благодарности, премии и ценные подарки уже за выполнение ответственных оперативных задач, боевых заданий по освобождению заложников, за смелые и решительные действия при выполнении служебных задач на территории Чеченской Республики.

В 1996 году, к своему пятидесятилетию, полковник Савельев был награжден очень редким, дорогим, потому и желанным подарком для каждого, кто носит погоны, — именным огнестрельным оружием, пистолетом Макарова с комплектом боеприпасов в количестве 32 штук.

В приказе директора ФСБ России от 25 апреля сказано, что именным оружием полковник Савельев награжден «за личные заслуги, мужество и профессионализм при выполнении специальных заданий».

Следующей его наградой станет Золотая Звезда Героя России. Это звание будет присвоено Савельеву посмертно.

Из служебного отчета группы «А».

«После обмена террорист вынудил полковника А. Савельева сесть на водительское сиденье, пристегнуться ремнем безопасности, после чего привязал его веревкой за горло к подголовнику сиденья машины.

В это время продолжалась разработка вариантов плана освобождения Савельева и обезвреживания преступника на месте либо на вероятных маршрутах движения, а также в двух аэропортах города Москвы. Все возможные действия согласовывались с послом Швеции.

В 24.00 террорист вышел на связь по радиотелефону с генерал-лейтенантом Д. Герасимовым и потребовал немедленного удовлетворения своих требований. Террористу было сообщено, что ввиду позднего времени подготовить запрашиваемую сумму затруднительно, но все же возможно. Для этого предпринимаются меры. Террорист согласился ждать.

20 декабря 1997 года в 00.10 автомашина подъехала к воротам посольства. В 00.13 полковник А. Савельев, связанный веревкой, вышел из машины и в течение четырех минут находился возле передней левой двери.

В 00.17 машина вернулась на старое место».

Он пришел первым и ушел последним. На момент его гибели, в декабре 1997 года, в подразделении не осталось никого из первого «бубенинского» набора. Кто уволился в запас по возрасту, кто после

событий девяносто первого — девяносто третьего годов. Савельев оставался на своем посту до конца.

Его звали на вполне обеспеченную работу за хорошие деньги, а он все думал о группе, которой посвятил жизнь, о молодых ребятах, которых надо успеть многому научить.

А опыт у полковника Савельева был богатый. По существу, это весь опыт «Альфы». Участие в перевороте в Кабуле в декабре 1979 года и последующие боевые стажировки в Афганистане, командировка в Эфиопию, работа в антитеррористических операциях, вылеты в «горячие точки».

За десять дней до своей гибели полковник Савельев обезвредил террориста, захватившего самолет «Ил-62» в аэропорту «Шереметьево-1».

...Помнится, сидели мы с Савельевым, и я все просил рассказать о лучших его операциях. Был девяносто второй год, и за плечами полковника остался Афганистан, за который получил орден Красной Звезды, «горячие точки» — Баку, Тбилиси, Ереван, а он говорил, что больше всего ему запомнилась маленькая операция у посольства США.

Вот как он рассказывал об этом сам.

«Из всех операций, в которых мне приходилось участвовать, — и с агентурой, и против бандитов, террористов, с оружием и без него, — запомнилась эта. Кажется, был год восемьдесят второй.

Нас вызвали к американскому посольству. Там, напротив, есть десятиэтажный дом. На крыше дома — мужчина, раздевшийся до плавок. Он требовал выезда из СССР и грозил броситься вниз.

Рванули мы наверх, а крыша опасная, крутой скат, в конце — низенькое, хлипкое ограждение. Он сидит на краю крыши, вдалеке стоят милиционеры. Как только мы показались, он сразу пополз вниз и повис на руках. Мол, подойдете — брошусь.

А внизу уже из посольства выбежали американцы, пальцами тычут, фотографируют.

Надо что-то делать.

Подожел я к краю, посмотрел. Впечатление неприятное — высоко. Стал с ним осторожно разговаривать, потихоньку подхожу. Ребята мои в отдалении наготове.

Сотрудники группы «А» Анатолий Савельев (слева) и Григорий Золотовский в командировке в Ереване.

Сел с ним рядом, примерно на вытянутую руку. А тут пожарная машина подъехала, на лестнице — кто-то из наших. Как только показалась машина, он снова напрягся. Я говорю, мол, уезжайте, а сам еще ближе подошел. У края с этой стороны ограждения нет, только жестяной сток, упереться не во что. А он, чувствую, устал, весь потный, дышит тяжело. Пора действовать.

Наша группа тем и отличается от обычного боевого подразделения, что надо самому мгновенно принимать решение. Обстановка быстро меняется, и никто за тебя не решит, не подскажет, не скамандует. Только сам.

Я его хватаю за руку, он разжимает ладони — и вниз. Рука скользит, ползет из ладони. Крикнуть не могу, сигнал подать тоже. Тут уже ребята почувствовали обстановку, прыжком оказались рядом, рванули так, что мужик на конек крыши улетел. Сдали его милиции — и к себе, в подразделение.

Вроде и подвигов не совершали, не стреляли, не воевали, а в памяти этот случай застрял. Сам себе командир, скомандовал — и взял на себя ответственность. Ведь в нашем деле самое негодное, когда много начальников. Правильно Карпухин говорил: мы выезжаем, мы работаем — мы отвечаем. Потому что там, на операции, всегда найдется генерал, который будет командовать. Но отвечать будем мы».

Думаю, что в этом монологе весь Савельев. И неспроста ему запомнилась та, вроде бы несложная, ничем не примечательная операция. Жизнь — тому подтверждение.

Из служебного отчета группы «А».

«В 00.19 террорист набросил на шею Савельева веревочную петлю, между ними возникла борьба, которая продолжилась в течение трех минут. Через некоторое время после этого полковник Савельев почувствовал себя плохо и стал жаловаться на боли в сердце.

Об этом он подал знак поддерживающему контакт сотруднику подразделения.

Учитывая возрастающую агрессивность террориста и ухудшение самочувствия полковника Савельева, оперативный штаб принял решение о возможном силовом завершении операции. Снайперы получили команду в случае отрыва заложника от террориста произвести огонь на поражение преступника, что явилось бы сигналом к началу действий группы захвата.

В 00.30 по требованию террориста с целью снижения агрессивности ему была передана бутылка коньяка. После этого террорист согласился подпустить врача для оказания медицинской помощи Савельеву.

В 00.38 врач 26-й подстанции Скорой неотложной медицинской помощи констатировал сердечный приступ и сделал Савельеву инъекцию.

В 00.50 в связи со сложившейся ситуацией террорист потребовал обменять полковника Савельева на сотрудника ФСБ и корреспондента».

Все, кто служил в «Альфе» с Анатолием Савельевым, знали — он страсть как не любил... стрелять. Странно звучит, не правда ли? Ведь Савельев не библиотекарем и не садовником работал. Он служил в подразделении специального назначения.

Тем не менее утверждаю: сотрудник группы «А» стрелял только в

исключительных случаях. Даже в ходе боевых операций. Он как-то сказал мне об этом, и диктофонная запись точно воспроизводит его слова. Привожу их в точности.

«И вот самая главная мысль: не следует посылать спецподразделения туда, где надо стрелять. Для этого мы и готовим людей, чтобы они не стреляли, а действовали без выстрелов.

Если нужно палить, бери роту солдат, и они накрошат из автоматов похлеще нашего...»

Он не только так говорил. Он так делал.

Это подтвердил Афганистан. Там Савельев был, как он считал, три раза, на самом деле — четыре. В декабре 1979 года — дважды. Хотя, видимо, эти вылеты в Афганистан и прилеты обратно он счел за одну командировку.

«Для меня Афганистан, — рассказывал Савельев, — начался 11 декабря 1979 года. В нашу группу входили: Шергин, Гречишников, Тарасенко и я.

В свою очередь Изотов, Картофельников, Головатов выехали примерно в то же время, но не напрямую в Афганистан. Они приняли под охрану Бабрака Кармаля и все время были с ним.

Встретились мы с группой Изотова на даче Первого секретаря ЦК компартии Узбекистана Рашидова под Ташкентом. Они еще там оставались, а наш путь лежал в Баграм. Там мы охраняли Сарвари, Ватанджара, Гуляку, Гулябзоя и Нур-Мухаммада-Нура, жили в капонирах, вместе готовили операцию по захвату власти.

Где-то числа 14 декабря должна была начаться операция. Мы уже посмотрели объекты, которые нам предстояло штурмовать. На каждый объект должен был идти один сотрудник группы «А», да еще человек по пять «зенитовцев» давали.

Но 14-го штурм отменили, сказали, ночью 16-го начинаем действовать. Опять отбой.

А на следующий день самолет, не выключая двигателей, заходит между капонирами, и нам говорят: «Срочная посадка на борт». Вокруг — дикая пыль.

Мы своих подопечных афганцев посадили, вещи их забросили, загрузили свои пожитки. Тут впервые увидели Бабрака. Он находился с нашими ребятами в соседнем капонире. Мы знали, что там кто-то есть, но кто — не спрашивали. Понимали, что какой-то деятель, только рангом повыше.

В общем, сели и улетели.

Потом узнали, что нашелся-таки в верхах головастый мужик, который сказал: этими силами операцию проводить нельзя. А тут еще Амин серьезно повысил зарплату своим офицерам.

Как сказали нам потом Бесчастнов и Ивон, если бы стало известно, что мы прилетели, расстреляли бы на выходе из самолета. И вообще они признались, что боялись за нас, думали, не вернемся.

А мы возвратились сначала в Ташкент, потом в Москву. Заново общей группой улетели в Афганистан уже 23 декабря.

Поначалу я тоже был в команде, которая шла на штурм дворца Амина. Но накануне штурма Изотов подошел к Романову и говорит: «Ты мне Савельева отдай, а я тебе предлагаю трех снайперов». На том и порешили. Так попал на штаб ВВС».

На многих объектах афганской столицы штурмующие бойцы «Зенита» и «Альфы» шли, по существу, в лоб. Но сотрудники группы «А» Анатолий Савельев и Виктор Блинов поступили иначе. Им вместе с двумя взводами десантников было поручено захватить штаб ВВС. Памятуя о том, что в штабе — вооруженные люди, «альфовцы» не пошли напролом. Применили хитрую тактику: наш советник, которого хорошо знали штабные офицеры и не обращали на него внимания, по одному — по два человека проводил штурмующих внутрь, прятал в кабинетах.

Так внутри штаба был сосредоточен почти взвод десантников. Остальные на ближних подходах ждали сигнала.

Когда прозвучал взрыв, который и служил сигналом к штурму, охрана без единого выстрела была разоружена. Все произошло так неожиданно и быстро, что часовые, увидев направленные на них стволы автоматов, в растерянности сдали оружие. Часовых заменили своими бойцами. Внешняя охрана тоже не оказала сопротивления.

«Где-то около 19.30, — вспоминал Анатолий Николаевич, — мы разоружили внутреннюю охрану. Забрали автоматы, выставили свои посты. Советник предупредил, что у начальника штаба всегда у стола стоит гранатомет, ну, конечно же, есть и личное оружие. Что касается гранатомета, то он не представлял опасности. Кто будет стрелять из гранатомета внутри помещения? Ну, а пистолет — тут уж надежда на себя.

В общем, вошли мы в кабинет начальника штаба. Советник говорит: «вы арестованы». Он сдал оружие. Были также разоружены все офицеры, которых посадили в комнату и взяли под охрану».

Операция прошла бескровно, без единого выстрела. И только вечером, когда курсанты военного училища пошли в атаку на штаб, погиб водитель БМД. Ударили из гранатомета, и граната пробила броню.

Что и говорить, верную, грамотную тактику выбрали штурмующие штаб ВВС.

Однако Анатолию Савельеву приходилось участвовать в передрягах и посерьезнее. Хотя, казалось бы, куда серьезнее — Афганистан, государственный переворот, война. Случалось, что и на своей территории в мирное время можно было получить пулю в лоб.

Горбачевская «перестройка» перевернула не только страну, она ослабила власть. Некогда сильную, могущественную. И сразу же голову поднял криминал. У «Альфы» неожиданно появились задачи, которые прежде ей не приходилось решать. И круг этих задач все ширился и ширился. О таких заданиях сотрудники КГБ вспоминают ныне не очень охотно. Что уж говорить, они — люди военные, а приходилось выполнять и щекотливые, совсем вроде как не героические поручения.

Достаточно широко известно (об этом немало писали, в том числе и автор), как бойцы группы «А» летали в Цюрих менять диссидента Владимира Буковского на генерального секретаря компартии Чили Луиса Корвалана. А вот что за командировка была у Анатолия Савельева и еще нескольких сотрудников КГБ в Эфиопию, читатели узнают впервые.

О ней мне рассказал в марте 1992 года сам полковник Савельев.

«Командировка в Аддис-Абебу, столицу Эфиопии, на первый взгляд была самой рутинной.

1983 год. Одного из армянских диссидентов, который давил на руководство СССР, чтобы оно воевало с Турцией за возвращение части Армении, лишили советского гражданства.

Нам приказали: доставить его в Эфиопию и передать нашей разведке в этой стране, то есть сотрудникам Первого главного управления.

Прилетели в столицу Эфиопии, нас вместе с диссидентом поместили в прекрасную гостиницу «Хилтон». Денег, насколько я понимаю, наше правительство отпустило достаточно для удовлетворения его нужд. Ну, а мы, куда деться, при нем. Думали, быстренько передадим и назад, домой. Но поездка затянулась на десять дней. И вольно или не вольно нас втянули в оперативную игру.

Оказалось, имела место какая-то нестыковка, эфиопы не хотят его принимать, говорят, мол, отпустите — пристрелим.

А диссидент рвется к американцам. Мы жили с ним в одном номере, и вот он говорит: «Толя, я лишен советского гражданства, так? Да, так. Но здесь я — свободный человек. Здесь не Советский Союз».

Что тут ответишь?? Он прав с его точки зрения. А как насчет угрозы эфиопов? Представьте себе, Верховный совет СССР лишил его гражданства, сотрудники КГБ вывезли в Эфиопию, и тут он погибает. Крик на весь мир, кэзэбешники убрали диссидента. Кто конкретно? Сотрудник группы «А» Анатолий Савельев с подручными. Вот такая ситуация.

В общем, диссидент ищет встречи с американцами и с армянами (там достаточно большая армянская диаспора), пишет записки и оставляет их во всех туалетах в отеле, в ресторане. В них он сообщает, дескать, я такой-то, живу в таком-то номере под надзором КГБ. Мы эти записки изымаем.

Удержать его силой невозможно. Не будешь же крутить руки на глазах у всех и тащить в номер. Как-то идем с ним по отелю, навстречу — молодая девчонка-шведка. Он подбегает к ней, начинает что-то говорить. Не хватать же его.

Она смотрит на меня, показываю глазами — уходите.

На следующий день он опять, увидев ее, бросается навстречу. Тут она на русском языке ему говорит:

— Уходите, я с вами не хочу говорить...

Словом, за эти десять дней, пока пэгэушники думали, куда его деть, было немало оперативных мероприятий. И всюду надо было думать, убеждать диссидента, переигрывать. И главное относиться по-человечески. Враг он — не враг...»

А тем временем прошел день, два, три, четыре... Диссидент начинает волноваться, теряет самообладание. Все больше наступает на Савельева, мол, я в другой стране, свободен, почему вы меня держите?

А тут еще раздается звонок из посольства, от сотрудника местной резидентуры:

— Анатолий, твоего подопечного надо срочно увезти из гостиницы. Сегодня армянская диаспора устраивает в ресторане отеля «Хилтон» банкет. Ты уверен в безопасности, если его армяне к себе заберут?..

Станный вопрос. Какая уверенность — чужая страна, а их всего четыре человека. Но с другой стороны, как его увезти из отеля — не связывать же.

Ладно, собрался с духом, стал уговаривать диссидента. А пэгэушники

организовали поездку в прекрасное местечко километрах в двухстах от Аддис-Абебы, сняли маленькую гостиницу, заказали там ресторан. Словом, райскую жизнь на денек.

Поездка и вправду оказалась замечательной. Анатолий Николаевич потом часто вспоминал живописный уголок в горах, с маленькой комфортабельной гостиницей, с радоновым бассейном, рестораном. Искупались, пообедали, пообщались, отдохнули. Подопечный тоже был доволен. А когда возвратились в столицу, в отель, армяне уже уехали. Оперативная задача была успешно решена...

После того как Савельев закончил рассказ, я поинтересовался, какова же судьба его подопечного, неизвестно?

Анатолий Николаевич усмехнулся:

— Почему же неизвестно. Он сейчас в Армении, в Верховном совете республики заседает.

Вот такое оперативное задание. Как говорят, слов из песни не выкинешь. Судьба проверяла его в разных жизненных ситуациях. И всюду он был выдержан, дипломатичен, умен.

Иному этих качеств хватило бы за глаза, а Савельев обладал еще одним, крайне важным для сотрудника подразделения специального назначения качеством — смелостью.

Только смелость помогла Савельеву со своими ребятами, рискуя собой, спасти жизни наших солдат. Это уже был второй выезд в Афганистан, так называемая стажировка в составе десантно-штурмовой маневренной группы погранвойск.

А случилось следующее: крупную банду моджахедов загнали в ущелье. Маневренную группу поделили на заставы, и они закрыли ущелье сверху. Снизу банду гнал известный в ту пору офицер — пограничник Юрий Лопушко. Это за его голову моджахеды давали награду в тысячу афганей.

И вдруг в бою на одной из застав гибнет офицер. Второй, молодой офицер струсил, отказывается командовать. Подразделение остается без управления.

Лопушко приказывает штабу поднять взвод и во главе с командиром бросить в помощь заставе. А в штабе из офицеров всего двое — «зеленые» лейтенанты. Один так и заявил Савельеву: мол, куда идти, не знаю, без компаса, без карты, ночью в горах... Вот рассветет — пойдем.

Но до рассвета погибли люди.

Пограничники не знали, что за бойцы приехали к ним на стажировку, но оберегали, вперед не пускали. Однако тут положение безвыходное, да и

Савельев настаивал. В конце концов, Лопушко сдался.

«Мы пойдем, сказал я тогда, — вспоминал Анатолий Николаевич. — Единственное попросил — передать ребятам, чтобы трассирующими пулями направление указывали.

Когда есть карта — все ясно. А когда ее нет, да еще ночь, да все время оказываются две дороги! Идем — развилка. Прошу дать трассер. Дают в направлении левой дороги. Поворачиваем туда. Оказывается, это просто тропа, которая вела к сельхозучастку. Смотрим, дорога пошла вверх и сразу обрыв...

Ноги начинают скользить в темноте, чувствую — падаю в пропасть. Внизу, где-то далеко, на нашей границе, мелькают огоньки в бездонном черном мраке.

Лезу вверх, попадаю на отрицательный склон и чувствую — ползу вниз. Схватиться не за что. Только успел крикнуть ребятам: «За мной не ходить!» Иначе сам упаду и их потащу за собой.

Скользил в пропасть, и состояние какое-то странное было, словно не в реальном времени: надо мной звезды громадные, внизу — огоньки далекие. А земля уходит из-под ног.

Посмотрел на далекую Родину, попрощался мысленно. Схватился за один камень — отходит, за другой — то же самое. Ну, думаю, все, конец.

Кстати, интересно, никогда этот случай жене не рассказывал. А она однажды поведала мне, что в одну ночь, когда я находился в Афгане, ей было очень плохо.

— Что это за ночь, вспомни? Событие какое-то, по телевизору что-то показывали?

И она вспомнила. По телевизору шел отборочный матч чемпионата мира СССР — Дания.

Оказалось, это была та ночь, когда я падал в пропасть.

В общем, не крикнул даже тогда. А что кричать, никто не поможет, тем более сам командир.

В последний момент посмотрел вверх и на фоне неба увидел колючку. А она вся в шипах, схватишь — насквозь руку прошивает. Но выбирать не приходилось. Схватился и затормозил падение. Чудом потихонечку вылез, отлежался, побрел на дорогу, нашел своих. К заставе, не смотря ни на что, мы вышли. Смотрю, а в ущелье — горячий бой, банда движется на нас, а солдаты сбились к костру как овцы. И лейтенант вместе с ними, подавлен, испуган.

Говорю, вы что сидите, орлы? Я — ваш командир, бегом занимать

позиции.

Вместе заняли позиции, укрепились, приняли бой. Бандиты почувствовали, что заперты, и сдались».

Из той командировки в Афганистан Анатолий Николаевич привез не только боевой орден, но и веру. Именно в ту, едва не ставшую роковой ночь он обрел Бога в душе. Когда сползал в пропасть, в самый отчаянный момент прошептал: «Господи, помоги!» После возвращения из командировки уже осознанно пришел в церковь, стал православным христианином.

Свою веру он не выставлял на показ. Он уверовал в Бога, в тяжелые минуты обращался к нему. Случалось, и сам помогал служителям церкви. В «Альфе» известен случай, когда Анатолий Савельев сумел вернуть церкви Ново-Иерусалимский монастырь. Местные власти хотели на его территории устроить зону отдыха. Анатолий Николаевич от имени православной общины обратился к своим хорошим знакомым — высоким чиновникам в Кремле. Те пошли навстречу.

Так уж вышло, вся жизнь Анатолия Савельева — вечный бой. Наверное, это о таких людях сложил Александр Блок свои гениальные строки: «И вечный бой! Покой нам только снится сквозь кровь и пыль...»

Последним боем для полковника Савельева стала операция у шведского посольства. Первоначально планировалось доставить террориста в аэропорт — для этого во Внуково и Шереметьево выехали две группы. Предусматривалась и его возможная ликвидация на маршруте следования.

Полковник Савельев принял иное решение. Свое.

Почему? Это самый сложный вопрос. Он знал о группах захвата в аэропортах и на маршруте, он не сомневался в выучке своих подчиненных, тем более такой прием, как штурм автобуса отрабатывался неоднократно и применялся успешно. Примером тому действия «Альфы» в октябре 1995 года, когда террорист захватил автобус с корейскими туристами на Васильевском спуске. Все тогда закончилось более чем удачно.

И тем не менее он отказался идти проверенным путем. Значит, было нечто такое, что заставило его, опытного специалиста по антитеррору, выбрать другой ход.

Полковник А. Савельев.

Да, Савельев, несомненно, знал все то, что знаем мы сегодня, пытаюсь анализировать ход операции. Но обладаем ли мы тем чутьем, владеем ли тем уровнем информации, которым владел сотрудник группы «А»? Разумеется, нет. Им мог обладать только один человек — сам полковник Савельев. И тогда он принимает решение — остаться в заложниках.

Остальное известно. Подвело сердце.

Бойцы группы «А» — тоже люди.

Из служебного отчета группы «А».

«Учитывая критическое состояние Савельева, штабом по руководству операцией было принято решение о его эвакуации и проведении операции.

В 01.04, во время оказания экстренной помощи, снайпер по команде произвел выстрел по террористу. Террорист упал.

После выстрела снайпера к машине выдвинулась группа, получившая задачу по эвакуации Савельева и задержанию террориста. Однако террорист произвел три выстрела из пистолета по группе захвата, на что был открыт ответный огонь.

Одновременно снайпером с позиции № 2 был произведен выстрел. В результате огня группы захвата и снайпера террорист был убит. Полковник Савельев был немедленно доставлен на автомашине «Скорой помощи» в городскую больницу № 64 в состоянии клинической смерти».

Да, в ходе уничтожения террориста Савельев был ранен рикошетом в

голень, в бедро. Но от таких ранений не умирают. Тем более что в больнице он был еще жив. Останавливалось сердце. Врачи заводили его заново, боролись, сколько могли...

...22 декабря 1997 года Президент подписал Указ «За мужество и героизм, проявленные при пресечении террористического акта и спасении жизни человека, присвоить звание Героя Российской Федерации.»

Ушел «последний из могикан» легендарной группы «А».

Глава 6

Владимир Ульянов по прозвищу «Ленин»

Мы вспоминали о майоре Владимире Ульянове. Он погиб в Чечне в сентябре 2003 года.

Сотрудники группы «А» по большей части люди не сентиментальные, но тут что-то в них сломалось. Рассказ о Володе давался трудно. Чем дальше вспоминали, тем тяжелее становилось осознание истины — какого человека потеряли.

— Приказ есть приказ, — горько признался один из друзей Ульянова. — Его не обсуждают, а выполняют. Только не стоят эти «духи» Володиной жизни...

...Приказ действительно был сложным. Если не сказать больше — практически невыполнимым. Нельзя утверждать, что приказ «взять живым» — такой уж новый и редкий для бойцов группы антитеррора. Разумеется, начальник, отдавая подобную команду, осознает всю меру опасности, которой подвергает собственных подчиненных. Ведь этот приказ сразу обезоруживает спецназовцев. Взять живым — напасть и голыми руками скрутить врага.

А если враг вооружен? У него, как говорят «альфовцы», «длинные стволы», то есть автоматы, и, конечно же, неотъемлемые спутники человека на войне — гранаты. А его союзница — темная, хоть глаз выколи, южная кавказская ночь? А если тот, кого надо «взять живым», — не простой бандит, а высокопоставленный эмир? И у него всегда есть боевое прикрытие. А если эмиров двое? И повязать их надо не遠деке от базы террористов? Да не в сельском доме, не в городской квартире, а в чистом поле.

Тут любому ясно, на сколь архисложное дело посылали бойцов группы «А».

Откровенно говоря, командировка в Чечню осенью 2003 года была крайне напряженная. Выезжать по «адресам» (то есть туда, где по оперативным данным находились террористы) приходилось почти каждый день. Всем было понятно: этот «график» диктует война. Но применение такого подразделения в «горячем режиме» не есть хорошо. Может наступить привыкание к обстановке. «Альфе» в те дни нужен был отдых. Но отдыха не было. Радовало одно — «адресные» выезды давали свои

результаты.

В этой командировке подразделение группы «А», в составе которого находился майор Ульянов, успешно работало в горах. Несмотря на яростное сопротивление бандитов, без потерь взяли их базу.

После разгрома горной базы боевиков группа продолжила работу на равнине. Вскоре пошла оперативная наводка по горному району. Известно было мало. Вся информация уместалась в нескольких рубленых фразах. «Два эмира. Вооружены. Рядом база боевиков. Ночь. Взять живыми. Остро необходима информация».

«Все верно, — скажет потом один из сотрудников, — информация нужна. Но где агентура?» С агентурой, судя по всему, было туго. Отсюда и приказ: взять живыми.

С рассветом, 8 сентября, группа бойцов выдвинулась в близлежащий населенный пункт. Условия, что и говорить, самые комфортные. Далеко от места дислокации «Альфы», зато близко к базе террористов.

Чтобы не «засветиться», «альфовцы» превратились на время в чеченцев: одежда, бороды... И даже передвигались на любимом транспортном средстве боевиков.

«Нас было мало, — рассказывает сотрудник группы Павел Б., — шесть человек. Работу начали засветло. Выехали на рекогносцировку, осмотрели поляну, где предстояло брать бандитов.

Откровенно говоря, там и смотреть-то нечего: небольшая поляна, направление, откуда должны двигаться эмиры. Вот и все.

В общем, думали, ломали голову, как лучше провести операцию. Никак ее лучше не провести. Вариантов вообще не было. Если бежать из леса на полянку, будь хоть спринтером-олимпийцем, не успеешь. Из тебя решето сделают».

Было понятно и до этого, а теперь стало яснее ясного — работать придется «без брони». В бронежилете по такой местности с такой задачей — никак. А тут ведь не только бандюг этих надо взять, но и вытащить их из-под носа у базирующихся рядом подельников.

Закончили рекогносцировку, обсудили все «за» и «против», доложили руководству свои соображения. И... получили подтверждение прежнего приказа: брать живыми. Что ж, на войне как на войне. Переоделись в военную форму, приготовили бесшумное оружие.

Работать предстояло двумя группами по три человека.

«Мы выжали из этой ситуации все, что могли, — считает боец «Альфы» Андрей В. — Наступила темнота. Группа захвата замаскировалась в кронах деревьев на опушке поляны. Террористы

появились через 12 минут после того, как мы заняли позиции.

Вышла луна, но видимость была плохая. Правда, фигуры боевиков просматривались на фоне неба.

Владимир работал в первой группе, я — во второй. Они смогли взять бандита живым, но Ульянов был тяжело ранен. То ли бандит успел выстрелить, то ли его прикрытие...

Наша группа выходила на второго террориста. Он начал стрелять, и мы его уничтожили.

После этого, понятно, из района надо уходить. Мы до конца надеялись, что Володя выживет, он дышал, хрипел. Но ранения оказались не совместимыми с жизнью.

Считаю, нам удалось выполнить сложную задачу: взяли вооруженного бандита, ночью, в лесу. У бандюг были автоматы с подствольными гранатометами, гранаты.

В то же время я убежден — ни одна ценная информация не стоит жизни, особенно жизни такого человека, как Володя Ульянов.

В свои 38 лет он горел на службе. Потеря такого сотрудника очень ощущается в коллективе. Это не просто звено из цепочки вылетело, целый пролет. Найти замену Володе трудно, а может и невозможно».

По спецоперации остается добавить, что потом был трудный отход, эвакуация. Двигались по ночному лесу около часа. Навстречу с базы «Альфы» выдвинулась бронетехника.

За жизнь Владимира боролся врач группы «А», замечательный медик, но шансов спасти боевого товарища у него не оставалось.

Так погиб майор Владимир Ульянов. Помните, товарищ сказал, что с его смертью не звено в цепочке, а целый пролет вылетел. И замену найти трудно, а может и невозможно.

Что ж, такие слова говорят не о каждом. Кем же он был, Володя Ульянов? Каким он был?

Мама, Светлана Петровна, рассказывает о том, что в детстве Володя был тихим, стеснительным мальчиком. Случалось, его обижали. Хорошо, что рядом всегда оказывался старший брат Андрей. Он и старше-то всего на год и три месяца, но рос бойким, шустрым, умел защитить младшего брата.

«Я его все время учила, — вспоминает мать, — давай сдачи, не бойся. Вот и выучила на свою голову».

С годами характер Володи стал меняться, крепнуть. В юности это был уже не тот маменькин сынок, которого мог обидеть всякий. Мечтал стать

летчиком.

Чтобы быть ближе к небу, увлекся парашютным спортом. Правда, пилотом так и не стал, но окончил авиационный приборостроительный техникум.

Мать все больше улавливала в нем свои черты. Она сама в юности то в аэроклуб записалась, то в военкомате напросилась на курсы радистов.

Срочную службу Владимир проходил в десанте, в Прибалтике. Там впервые в его солдатской учетной карточке появится запись: специальность — войсковой разведчик. После армии десантник Ульянов вернется в родную Москву, пойдет на завод «Мосприбор» слесарем-сборщиком радиоаппаратуры. Работал он хорошо, начальство не могло нарадоваться на передового сборщика. Так прошел год, второй... Его хвалили, ставили в пример, а Владимир начинал чувствовать, что тихий, чистенький цех, размеренная жизнь, спокойная работа — это не его завод. От тишины, чистоты, спокойствия, о которых иной только и мечтает, Ульянова начинало воротить с души.

В. Ульянов (в центре) в юности с друзьями.

Ему снились армейские соленые марш-броски, десантирование в тыл противника, рейды их взвода глубинной разведки. Он не выдержал, написал в свою десантную часть, мол, желаю вернуться кем угодно, прапорщиком, к примеру. Только бы окунуться в эту мужскую, настоящую, кипучую жизнь.

Его еще помнили, согласились принять. Пришел вызов. И он уже готов был бросить завод, а вместе с ним и вечерний авиационный институт, в котором проучился год. Но тут встретился Владимиру старый товарищ по техникуму Игорь Солдатенко. Краем уха Ульянов слышал прежде, что Игорь служил где-то в КГБ. Но где, не говорил. А тут почему-то рассказал. То ли настроение Володино почувствовал, то ли услышав, что он собирается в свою часть вернуться, пожалел. Ведь в «Вымпеле» настоящие мужики нужны.

Тогда еще Володя не знал и знать не мог, что такое «Вымпел», но небольшого, намеками, рассказа товарища хватило, дабы понять — это то настоящее, о чем он мечтал всю жизнь. Разошлись, договорившись, что Игорь порекомендует руководству подразделения Владимира Ульянова, которого он знал уже не один год.

Порекомендовал. Володю пригласили, побеседовали, он успешно прошел все «вымпеловские» тесты, сдал нормативы по физподготовке и был зачислен в подразделение в 1989 году. Получил звание прапорщика.

Кстати, прапорщиком, прежде чем получить первое офицерское звание — младший лейтенант, он отходил пять лет. Тот, кто служил, знает — срок немалый. Раньше офицером не стал не потому, что плохо работал. Как раз работал отлично, быстро набирался опыта, а вот за званиями никогда не гнался. Хотел в первую очередь настоящим спецом стать, матерым. Пять лет, которые он прослужил в «Вымпеле», были годами не простыми.

Еще не успела закончиться афганская война, а уже вспыхнул Нагорный Карабах. И начались бесконечные командировки в районы межнациональных конфликтов — Степанакерт, Ереван, Баку, Тбилиси, Кишинев, Душанбе, Вильнюс.

В своей книге «Альфа» — моя судьба» Герой Советского Союза генерал-майор Геннадий Зайцев, который к тому времени уже был назначен на вышестоящую должность, скажет так: «Я знал, что группой «А» затыкают дырки в «горячих точках» страны».

То же было и с «Вымпелом» и его бойцом прапорщиком Ульяновым. В качестве примера, чтобы понять обстановку тех лет и накал событий, обратимся к тому же Зайцеву.

«В Баку мне довелось лично руководить бойцами «Альфы», «Вымпела» и «Витязя», выполняя поставленные руководством КГБ задачи», — напишет он.

Какие это были задачи, что происходило в Баку в январе 1990 года?

Откровенно говоря, через полтора десятка лет многое из тех событий забыто, а надо бы помнить. Хорошо помнить. Тогда станет более понятно, через какие огни и воды, опасности и страдания прошли сотрудники наших спецподразделений.

В одной из газет было опубликовано письмо беженки из Баку Н. Таржимановой. Его, кстати, в своей книге приводит генерал Зайцев.

«Там творилось что-то невообразимое. С 13 января начались погромы, и мой ребенок, вцепившись в меня, кричал: «Мама, нас сейчас убьют!»

А после ввода войск директор школы, где я работала (это вам не на базаре), азербайджанка, интеллигентная женщина, сказала: «Ничего, войска уйдут — и здесь на каждом дереве будет по русскому висеть».

Мы бежали, оставив квартиры, имущество, мебель. А я родилась в Азербайджане, да и не только я: там еще бабушка моя родилась!..»

Улицы Баку были увешаны плакатами: «Русские, не уезжайте: нам нужны рабы и проститутки». Всюду пылали костры погромов, русскоязычных, армян убивали и жгли прямо на привокзальной площади. Начались обстрелы колонн бронетехники, входящих в город, нападения на воинские части, склады.

Вот в такой по-настоящему боевой обстановке набирался опыта Владимир.

Все закончилось в октябре 1993 года событиями у Белого дома. Прапорщик Ульянов, как и большинство его товарищей, после передачи «Вымпела» в МВД — в милицию уходить не пожелал.

Ему предложили место в весьма уважаемом в те годы подразделении — в Главном управлении охраны. Он согласился, служил, в так называемом, выездном отделении, в личной охране.

Служба, как и в свое время работа на заводе, шла своим чередом. Жена Светлана, едва успокоившаяся от его боевых командировок, с тревогой следила за настроением мужа. Как могла, уговаривала, находила веские на ее взгляд аргументы, мол, и безопаснее здесь, и денежнее, и времени свободного для семьи, для сыновей больше.

Владимир слушал жену и умом понимал: права его Светка, все так — и денег больше, и времени, и душа у супруги на месте. Но в том-то и дело, что его душа не находила места. Не любил он, ненавидел однообразие и

размеренность.

Всего год с небольшим продержался Ульянов в Главном управлении охраны и запросился в «Альфу». В группе «А» многие его знали, вместе ездили по «горячим точкам». Словом, зачислили в подразделение.

Как скажет о нем потом сослуживец: *«Володя пришел к нам такой веселый, с шевелюрой волос. Глаза горят, жизнерадостный! Это подкупало.*

Обычно люди, когда приходят к нам в подразделение, немного робеют, смущаются, взвешивают каждое слово. А он вел себя естественно. Да это и понятно, за плечами уже немалый опыт — служба в «Вымпеле», в управлении охраны.

Он очень быстро и органично вошел в коллектив».

Однажды, когда разговаривали о нем в «Альфе», кто-то из сотрудников спросил меня:

— А вы знаете, какое прозвище у него было?

Я лишь пожал плечами.

— «Ленин». Кстати, у него и позывной был такой же...

— Это потому что Владимир Ульянов?..

— Да, но не только.

— А еще почему?

Сотрудник задумался:

— Как бы вам объяснить? Он был очень любознательным, много знал, умел и готов был общаться на любую тему.

— Например?

— Например, компьютеры. Классно в них разбирался, в последнее время увлекся фотографией. Я уж не говорю о боевых специальностях.

Да, осваивая боевые специальности, он старался дойти до самой сути, стать мастером. Был классным специалистом в парашютной подготовке, которой, кстати, начал заниматься еще в юности.

В армии, потом в «Вымпеле», позже в «Альфе» в тонкостях познал минно-взрывное дело.

«Он был настолько хорошим специалистом-подрывником, — сказал о нем сослуживец Сергей Е., — что все взрывные дела во время работы на Северном Кавказе всегда возлагалась на него.

В Чечне главная наша задача — задержание главарей бандформирований. На счету Владимира Ульянова их много. Даже трудно перечислить. Как правило, он был на острие, учитывая его подготовку и большой опыт.

Трудно выделить какой-нибудь особый случай. В любой операции перед

сотрудником нашего подразделения стоят индивидуальные цели. Не бывает одинаковых задержаний. Однако не было ни одного случая, чтобы он не выполнил поставленной задачи».

Боец группы «А» В. Ульянов во время тренировки

Володя Ульянов, без сомнения, был талантливым спецназовцем. Он умел найти нетрадиционные, оригинальные подходы к делу.

Летом 2003 года группа бойцов «Альфы» работала по определенному «адресу». У чеченского села их высадили «вертушки», и сотрудники вышли к одному из домов. Огляделись. На первый взгляд дом был безлюден, засовы закрыты с внешней стороны, все заперто.

Обычно, не теряя время, пользуясь щитами, прикладами, а то и просто

ногами, вышибается дверь, и спецназ врывается в помещение. Так пытались поступить и на этот раз. Но дверь оказалась крепкой, не поддавалась.

Прозвучало обычное, привычное для всех предложение: взорвать дверь накладным зарядом.

— Стоп, — остановил товарищей Ульянов, — пока готовим заряд, подрыв, уйдет время, шум. Через минуту я открою дверь. Засекайте...

Он вытащил складной нож, отвертку, раскрутил замок, и бойцы проникли внутрь.

В доме никого не было.

— А печка-то теплая, — сказал Ульянов. — И во дворе армейский дизель. Откуда он здесь?

И сделал заключение:

— Мне кажется, в доме есть схрон с оружием.

Догадку Владимира подтвердили и приборы, которые он развернул.

Ульянов стал копать. Выкопал большую яму, но ничего не нашел. Начинало темнеть, следовало покинуть эту опасную зону, а Владимир досадовал:

— Не мог я ошибиться. Тут есть оружие.

Действительно, через несколько дней сообщили, что майор Ульянов оказался прав, наши войсковые подразделения обнаружили в доме склад с оружием. Он был зарыт еще глубже. Владимир не успел добраться до него, не хватило времени.

Таким он был в деле, на службе. Однако не одной службой жив человек. Хотя порой казалось, что у Владимира Ульянова служба и есть вся его жизнь. Даже когда родился сын, он был на службе, в командировке в одной из «горячих точек». Когда я спросил у матери, чем он занимался в свободное время, Светлана Петровна ответила, что у него и свободного времени не было. Не припомнит сына с газетой на диване.

Да, диван был не в чести у майора Ульянова. Вот спорт — другое дело. Или повозиться с сыновьями, что-нибудь смастерить для них своими руками — турник или детские кровати.

Несмотря на свою разговорчивость, общительность, про работу в семье говорить не любил. О том, что он служил в «Вымпеле», в семье не знал никто. Жена все это время была уверена, что муж служит прапорщиком в воинской части. Работа у него тихая, непыльная, поскольку занимается он связью. Правда, когда уходил из «Вымпела» в управление охраны, пришлось кое-что рассказать.

О его переходе в «Альфу» жена и мать узнали всего за день до выхода

Владимира на новое место службы. И только потому что по традиции в семью для беседы должен был прийти его непосредственный начальник.

Примерно то же было и с наградами. Переезжая на новую квартиру, которую получил Владимир с семьей, жена случайно в тумбочке, в ящике, наткнулась на сверток. Развернула и ахнула — медали! Одна из них была «За отвагу».

Теперь в семье хранится и Золотая Звезда Героя России.

...У Володи Ульянова были два друга — Пашка и Олег. Они дружили с детства. В июле 2003-го, перед последней командировкой Володи, встретились. Посидели. Выпили. Посмеялись. Вспомнили детство.

Вдруг Володя, глядя на друга, сказал:

— Ты что-то постарел, Паша.

— А ты, Володя, как?

— Я еще как огурчик. Хочу, Паша, чтобы вы меня запомнили молодым.

И засмеялся.

Эту историю мне рассказала мать Владимира, Светлана Петровна.

— Тогда за столом мы приняли эти слова за шутку. А вспомнили о них после гибели Володи, — вздохнула она. — Теперь часто думаю, может, это предчувствие было у него?

Кто знает, может и предчувствие. Но слова его трагические сбылись: его запомнили молодым. Как сказал один из сослуживцев — веселым, жизнерадостным, с шевелюрой волос. И глаза горят!

Глава 7

«Данила-Мастер»

«Кто сыт, тот гибнет», — любил повторять сотрудник «Альфы» майор Юрий Данилин. Он так и жил, как говорил. Вряд ли его можно было представить сытым и сонным. У него всегда хватало дел и забот.

В первую чеченскую компанию его, старшего опера, назначили нештатным начальником продслужбы. То есть, выполнив задачу вместе со всеми, он обязан был накормить своих голодных товарищей. Известно, что на сухом пайке долго не протянешь, а чеченский рынок в ту пору был место опасное, да и купить там особенно нечего. Выехать — тоже целая проблема: бронетехника нужна, сопровождение. Тем не менее в группе еда была всегда. И для своих, и для гостей. Юрий Николаевич ударить лицом в грязь не мог. Какая бы трудная задача не стояла, как бы не устали бойцы, «поляна» для гостей — прежде всего. Накормить, обогреть...

«Как правило, — вспоминает сослуживец Данилина Олег П., — нас сопровождают солдаты: порою десантники, иногда из внутренних войск. Словом, приезжаем на базу, все устали, хочется поскорее помыться, переодеться, перекусить. Но Юра в первую очередь бежит солдатам ужин организовать, их накормить.

Кто бы к нам не заглядывал — спецназовцы-ГРУшники, летчики, десантники, стол всегда накрыт, Данилин с улыбкой встречает гостей. Все по-доброму, по-человечески.

Он умел работать с деньгами. Мог собрать продукты. Я бы сказал, ювелирно собрать продукты, когда их попросту не было».

Блиские друзья и подчиненные между собой звали его «Данилой». В том не было ничего панибратского, скорее, это прозвище, производное от фамилии, несло в себе нечто домашнее, семейное. И хоть до 37 лет ходил он в заядлых холостяках, но в родном подразделении прослыл человеком, который дорожит своей воинской семьей.

Он был прост в общении. «Мягких» слов не подбирал. «Из человеческих отношений, — как сказал один сотрудник, знавший его многие годы, — выгоды не делал». Говорил, что думал. Если был уверен в своей правоте, мог отстоять ее перед любым начальником. Даже если знал, что она заведомо не понравится старшему по должности и званию.

Со временем всякий, кто общался с Данилиным, понимал, что прямота

и порою резкость в словах не от желания обидеть, а от искренности и открытости, я бы сказал, от «распахнутости» души.

Юре можно было позвонить в три часа ночи и попросить о помощи.

«Помню поздно вечером, — рассказывал мне один из сотрудников группы «А», — я подвозил знакомых за кольцевую дорогу. Не довез, автомобиль сломался. Стоим на «Рязанке», три часа ночи. А завтра утром на службу, заступать на дежурство.

Ну, кому я нужен со своими проблемами среди ночи? Звоню Юре, ввожу в ситуацию. Следует неперебиваемая игра слов, потом, когда пар выпущен, спрашивает: «Михалыч, ты где находишься?» Объясняю. Слышу в телефоне уверенный Юрин голос: «Держись, сейчас прыгаю в машину — и к тебе».

В четыре часа он подъехал. Подцепили мою машину, отбуксировали, а в восемь, как положено, заступили на дежурство.

Вот тогда я и подумал, как важно, когда есть человек, которому можно позвонить в три часа ночи».

Юрий был всегда внимателен к людям.

Так случилось, что один из его друзей оказался в подразделении на дежурстве, когда другие сотрудники группы действовали в «Норд-Осте». Разумеется, кто не попал на операцию, были расстроены, в чем-то даже обижены, вроде как не доверяют им. Хотя каждый понимает: боец группы находится там, где ему прикажут. И на дежурстве кому-то надо быть. И тем не менее...

Возвратились после «Норд-Оста» сотрудники, Юрий разыскал друга:

— Ты чего скис, нос повесил? — спрашивает.

— Не знаешь, что ли. Вы — там, а мы.

В общем, поговорили и разошлись. Казалось бы, ничего особенного не произошло. Но Данилин думал иначе.

Через несколько дней бойцы, принимавшие участие в штурме театрального центра на Дубровке, решили собраться своим кругом, посидеть, обсудить тонкости прошедшей операции. И Юра решил взять на эти посиделки друга. Тот отказывался, мол, не место мне там, я не участвовал, буду сидеть, хлопать глазами.

Однако Данилин не послушался. Взял такси и приехал на квартиру к другу. Как тот ни упирался, настоял на своем, забрал его с собой. Друг посидел с участниками штурма, пообщался, а потом они поехали к Юрию домой. Сели на кухне, раскрыли бутылочку коньячку и опять поговорили о «Норд-Осте».

«В общем, раскачал он меня, и на душе как-то легче стало, —

признался потом друг. — А знаете, жена у него была тогда на девятом месяце беременности. И ничего, понимание полное».

Но бывали случаи, когда Данилин напрочь отказывался понимать даже близких друзей, не говоря уже о сослуживцах или подчиненных. Он, к примеру, не допускал мысли, что по каким-то причинам можно не приехать на могилу погибшего товарища.

— Почему ты не приехал? — напористо наступал Юрий.

И когда тот пытался объяснить, мол, были уважительные причины, Данилин отказывался принимать объяснения. Он считал, что память о павших сослуживцах — свята.

Что поделаешь, сегодня бойцы группы «А» постоянно на войне. И потому, видимо, время от времени заходят между ними разговоры о гибели. Как рассказали мне товарищи Юрия перед его последней командировкой, зашел у них на дежурстве такой разговор. Даже спор разгорелся. Кто-то сказал, что, видимо, не стоит приходить всей толпой на похороны, мешать родственникам прощаться. Данилин не согласился.

— Как это так, вместе служили, они тебя уважали, пришли проводить в последний путь и вроде помешали.

А вскоре в последний путь провожали Юрия. И тогда все пришли, как он и хотел. Их было много в тот скорбный день, бойцов группы «А», у гроба своего товарища. Не хватало в их крепкой шеренге только его — Героя России, майора Юрия Данилина.

Братья

...20 октября 1965 года в московской семье Данилиных родилась двойня, мальчики. Старшего назвали Юрием, а появившегося на две минуты позже — Анатолием.

Однако уже в школе Анатолий обогнал в росте брата и стал вроде как за главного. Его всюду принимали без проблем: в спортивные секции по легкой атлетике, по гимнастике... А позже он туда приводил Юрку. Толя, позанимавшись каким-то видом спорта, вскоре терял интерес к занятиям, а Юра, наоборот, оказался терпеливым, упорным, настойчивым. Практически всюду он обходил брата, добивался лучших результатов.

После окончания школы братья пошли учиться в училище связи, которое располагалось на Таганке. Окончили его вполне успешно, а тут и время подошло в армии служить. В те годы не принято было бегать от армии, считалось позором, если парень увильнул от службы. Да и в мыслях такого не держали — увиливать.

Юрия и Анатолия Данилиных как братьев-двойняшек в армию забрали вместе, в одну часть. Сначала в «учебку» в Актюбинск, а потом на Крайний Север, на мыс Шмидта. Тогда и увидели братья, какой он на самом деле — край света.

Их воинская часть официально именовалась Центром дальней связи «Рубин», а на солдатском языке просто «точкой». Народу на «точке» — всего тридцать человек. Десять офицеров да двадцать солдат. Несколько щитовых домиков, накрытых общей крышей, кунги по четыре кровати в каждом и... антенны. Огромные, взметнувшиеся ввысь на сорок метров красавицы антенны. И на них — огоньки спартаковские, вперемешку, красные с белым.

Две зимы со снегом под крышу и морозом в -50 °С пролетели быстро. И вот он, радостный дембель. А за ним — неизбежные размышления: что делать дальше? Куда податься?

Юра решил вернуться в Москву, а Анатолий — уйти в «загранку», устроиться на торговое судно и... прощай, столица! Однако с заграничьем не вышло, и он, приехав домой, устроился в булочную грузчиком. Решил подумать, осмотреться.

Юрий пошел работать по специальности на телефонный узел. Однажды он признался брату:

— Ты помнишь, когда мы демобилизовались и пришли в военкомат,

там офицер из КГБ с нами беседовал.

— Помню.

— Я позвонил ему. Завтра иду на собеседование.

— Ну, удачи тебе, Юрок.

Так определился в жизни Юрий. А Анатолий все еще размышлял. В связь его не тянуло, хотя и училище, и армейский опыт за плечами был. Но не хотел, не лежала душа.

А Юрий тем временем прошел строгие кэбэшные проверки и был принят в Комитет государственной безопасности. Как позже он расскажет брату, в 15-е управление, в оперативно-постовую службу.

Что там была за служба, Юрка особо не распространялся. С другой стороны, и Анатолий с расспросами не лез, понимал, секретность, безопасность. Словом, считал, о чем можно сказать, брат и сам расскажет.

Но вот однажды и Анатолий разыскал телефон, который дал офицер госбезопасности в военкомате. Позвонил. Ему предложили приехать. Поначалу подумал, что будет, как у Юры, 15-е управление, потом оказалось — 7-е.

Анатолия выслушали, долго беседовали с ним, расспрашивали, а потом сообщили, что пригласят вновь.

Настоящая, боевая работа

Прошли долгие месяцы, и 9 мая 1988 года стал его первым рабочим днем в 7-м управлении КГБ. Начался он необычно. Во всяком случае, не так представлял начало своей службы прапорщик Анатолий Данилин. Ждал каких-то инструктажей, изучения обязанностей или чего-нибудь в этом роде. Но заместитель начальника отдела по политчасти Олег Балашов сказал совсем иное:

— Сегодня едем на кладбище, где похоронены погибшие сотрудники группы «А».

Прапорщику Данилину стало как-то не по себе. Он старался не глядеть в глаза замполиту. Ему казалось, что только он один, к стыду своему, не знает, что это за группа «А».

У входа на кладбище их встретил подтянутый, худощавый человек, вместо руки — протез. Оказалось, это полковник Валерий Емышев, участник штурма дворца Амина в Афганистане. Там он был тяжело ранен в руку.

«Наша БМП остановилась на углу дворца, — рассказал Емышев. — Мы выскочили. Перед нами освещенный прожекторами дворец. Боевые машины газуют. И под прикрытием брони двигаемся вперед.

Бежим. Темно, ничего не видно, только пули свистят вокруг.

Над входом во дворец козырек, коллонада по кругу. Вбежали внутрь...»

Емышев говорил о том, как они шли на штурм, как его ранило, как погибли бойцы «Альфы» Дмитрий Волков и Геннадий Зудин, у могилы которых и стояли молодые сотрудники КГБ.

Так вот, оказывается, какое героическое подразделение входит в их 7-е управление. Рассказ полковника Валерия Емышева поразил молодого прапорщика. Вот где настоящая, боевая работа!

Позже он узнает, что их замполит, полковник Балашов, тоже в прошлом «альфовец», а потом откроется вся удивительная история группы «А»: контртеррористическая операция в городе Сарапул в 1981 году, освобождение заложников в захваченном самолете в Тбилиси в 1983-м.

Теперь он знал твердо — его место там, в легендарной группе «Альфа». И он попадет туда, чего бы это ему ни стоило.

Постепенно узнавая, как живут, служат, тренируются бойцы антитеррористического подразделения, Анатолий Данилин только утверждался в своем желании.

Однако он прекрасно понимал — просто так в «Альфу» не придешь, не скажешь: «Возьмите меня». А кто ты, парень? Что знаешь, что умеешь?

И Анатолий тренировался. Служил в 6-м отделе, хорошо служил. Нравится — не нравится, это в душе, на качество службы душевные переживания не должны влиять.

Серьезно занялся плаванием, подводным спортом. Делал это с прицелом на будущее, знал — водолазы в «Альфе» нужны.

И только через два года упорных тренировок пришел к полковнику Балашову. Тот выслушал. Жаль было ему терять хорошего сотрудника, но понял парня замполит.

— Добро, — сказал тогда Балашов, — я порекомендую тебя.

А когда Анатолия уже вызвали в кадры, там он случайно познакомился с опытным сотрудником группы «А» Владимиром Тарасенко.

Тот задал вопрос, к которому уже был готов Данилин:

— А что ты можешь?

— Плаванием занимаюсь...

— Водолаз?

— Да, водолаз.

— Это хорошо, есть у нас такое подразделение, — сказал Тарасенко и хитро сощурился: — А с парашютом прыгаешь?

— Да я и без парашюта прыгну...

Так Анатолий Данилин попал в подразделение своей мечты.

А как же Юрий? Мы все о брате, да о брате, а о нем что же — забыли? Нет, не забыли. Специально сделали отступление, чтобы было понятно, как Юрий оказался в «Альфе».

Теперь, надеюсь, ты уже догадываешься, дорогой читатель, как дальше развивались события. Помнишь детство, юность двух братьев? Анатолий попал в секцию легкой атлетики и привел туда Юрия, потом, придя в гимнастику, предложил тренеру кандидатуру брата. Так было и с русскими народными танцами.

Анатолий и сейчас не мог бросить брата.

Вот как об этом вспоминает он сам.

«Прошел год моей службы в «Альфе», и я понял, Юрку надо вытаскивать из 15-го управления. Иначе он захиреет. Там же обычная постовая работа. Сидишь и сидишь. Я прошел это в «семерке». Начинаешь медленно тупеть.

Словом, рассказал Юрке об «Альфе», обратился к руководству. Проверили его, решили взять. И он пришел в первый отдел группы в начале 1993 года».

Через одиннадцать лет на похоронах брата Анатолий скажет: «Несмотря ни на что, ни на минуту не пожалел и уверен, не пожалею, что привел Юру в подразделение. Это была его судьба. Это была истинно его работа».

Его судьба, его дело

По службе, по жизни, по духу братья Данилины были близки. Но по характеру — разные. Им даже нравились разные виды спорта. Юра любил футбол, хоккей, а Толя — бег на длинные дистанции, плавание.

Когда Юрий пришел в «Альфу», Анатолий попробовал его в подводном плавании и понял — не его дело. Там, под водой, в полной темноте и безмолвии надо долго терпеть, работать не торопясь, размеренно. А у Юрия взрывной характер. Он живой, шустрый, усидеть на месте не может.

Не получилось из него и снайпера. Там тоже надо другой характер иметь.

«Ему, — как сказал Анатолий Данилин, — лучше автомат, а с автоматом — вперед. Юру посылали на опасные, сложные операции, потому что он отчаянный, смелый. У него кураж был. Мог пойти на любое дело. Всегда на взводе, в готовности. Вспыхивал как спичка. Ребята его любили».

Братья, хоть и служили в одном подразделении, но были в разных отделах. А потому и командировки в Чечню у них шли, как правило, порознь. Один улетал, другой прилетал.

Юрий вылетал в Буденновск, когда там захватил больницу Басаев, а Анатолий в это время работал в Чечне. Обстановка там была сложная, бойцы находились в Грозном, в аэропорту, и сообщения о захвате слушали по радио. Хотя рвались помочь своим, как говорили, «нам до Буденновска рукой подать, гору перемахнуть — и там». Однако руководство посчитало, что их место здесь. И возможно было право.

В «Норд-Осте» они оказались вдвоем, правда, работали на разных направлениях и встретились только в зале. Юра тогда вынес много заложников. Как сказал кто-то о нем, вспоминая «Норд-Ост», «он жилистый и целеустремленный».

Весной, в апреле 2004 года, предстояла очередная командировка в Чечню. Должен был лететь второй отдел и вместе с ним Юра.

Ничего не предвещало беды. И даже дурной знак, птицу, бьющуюся в стекло, Анатолий никак не связывал с командировкой брата. А случилось это утром, когда он выезжал на своей машине на службу. Ворона, казалось бы, до этого спокойно сидящая на дереве, сорвалась с ветки и ударилась в лобовое стекло. Тогда он подумал о старых, больных родственниках и

вспомнил маму. И точно такую же ворону.

Было это за год до смерти мамы. Прилетела ворона и села на форточку их окна, стала клювом стучать в стекло.

Мама, войдя в комнату и увидев птицу, побледнела и сказала, что это плохая примета.

Анатолий нарезал колбасы и протянул на ладони вороне. Она пощипала ладонь, но к колбасе не притронулась, улетела.

А вскоре заболела мама, и через год ее не стало.

Вот с такими тяжелыми мыслями приехал он на службу. А там, как обычно, заботы, хлопоты, закрутило, завертело, забылась ворона, а вместе с ней и плохая примета.

«Юра погиб...»

8 апреля 2004 года бойцы группы «Альфа» и «Вымпел» работали по одному из «адресов» в городе Грозном. Но квартира оказалась пустой. Значит, террорист находится в другом месте — на равнинной части в станице Шелковской, в Наурском районе.

Ехали около двух часов. Перед станицей старший группы получил уточнение задачи. Теперь известен был дом, где находится бандит.

А бандит-то не простой. Абу Бакар Висимбаев, по кличке «одноглазый Бакар», был ближайшим подручным Басаева. Он отвечал за подготовку террористок-«шахидок», лично подбирал их для акции в театральном центре на Дубровке. В свое время он прошел обучение диверсионному делу в одном из лагерей Хаттаба.

После того как Абу Бакар доказал свою преданность кровавыми делами, его к себе в охранники взял Басаев. Через год «одноглазый» уже руководил собственной бандой. В знак особого доверия Басаев поручил ему вербовку и подготовку «черных вдов» для совершения теракта в «Норд-Осте». Абу Бакар причастен к организации двух терактов с использованием смертниц — взрыву на религиозном празднике в селении Илисхан-Юрт, когда целью «шахидок» был Ахмад Кадыров, а также в селе Знаменское. «Одноглазый», по оперативным данным, оказался причастным и к взрыву автобуса с персоналом базы ВВС, а также к взрыву на территории военного госпиталя.

Уничтожить его — было делом чести бойцов спецподразделений «Альфы» и «Вымпела».

Таким образом, сотрудники спецназа знали адрес, где находился террорист, однако на этом, собственно, и заканчивались все сведения. Каков был дом, в котором предстояло взять «одноглазого», расположение комнат, подходы к нему — это оставалось неизвестным.

Но делать нечего, приказ надо выполнять. Когда подъехали, оказалось, что дом выходит окнами на проезжую дорогу. Одна часть не достроена, здесь лишь возвышался фундамент, примерно полметра высотой, и одна стена, сложенная из белой, саманной глины. Окна фасадной части застеклены, остальные закрыты полиэтиленовой пленкой.

По боевому расчету первым в дом входил Дмитрий Е. со щитом. Потом еще несколько сотрудников. Юрий Данилин шел четвертым.

Бойцы «Вымпела» блокировали двор и контролировали двери и окна

дома.

«Вход осуществляли в том порядке, как нам было доведено по боевому расчету, — рассказывает сотрудник группы «А» Алексей О. — Я непосредственно шел за Юрием Николаевичем Данилиным. Войдя, остановились. Оказались в кухне. Там никого не было.

Мы с Максимом Ш. остались здесь. Следовало провести досмотр и контролировать помещение.

«Щит» Дмитрий Е. двинулся дальше. В следующей комнате находились две женщины, ребенок и молодой мужчина. Осмотрели, они оказались без оружия.

Данилин в это время оглядел помещение. Большая комната заканчивалась дверью-распашонкой. Когда Дмитрий Е. подошел к двери, она распахнулась, и террорист открыл стрельбу. Бойцы ответили огнем.

В этот момент Юра Данилин повернулся ко мне и тихо так, спокойно сказал: «Я ранен».

«Юра, — ответил я, — ты быстро уходи». Он пошел, пошел и стал медленно падать.

Мне удалось крикнуть ребятам: «Данила ранен, примите его». Макс сразу же сделал ему укол, перетащил Юрия к выходу. Здесь я поднял его, а он уже без сознания, кровь изо рта. Опустили его на землю, стали раздевать, чтобы найти рану.

Когда раздели, нашел пулю. Она из тела выпала мне на ладонь. В горячке сначала даже не понял, что пуля вышла наконечником в мою сторону. То есть она прошла через все тело.

Получилось так, что Юрий стоял боком, здесь же люди, их надо было контролировать. Единственная пуля ударила в бок и прошла через сердце. Вторая попала в голень, но там даже кость не была задета».

Практически в это же время в Москве, в расположении группы «А» стало известно, что ранен Юра Данилин. Кто-то из штурмовой группы накануне говорил с подразделением и не выключил трубку телефона.

Ребята слышали шум боя, выстрелы и крик Алексея: «Данила ранен...»

Эту весть передали брату Анатолию Данилину. А позже к нему в кабинет пришел начальник отдела. Анатолий поднялся ему навстречу, чувствуя, как холодеет все внутри.

— Юра погиб, — произнес начальник.

На этой Земле они всегда были вдвоем. Теперь он остался один.

Глава 8

Майор Перов из рода Стрельцовых

У начальника оперативной группы спецподразделения «Альфа» майора Александра Перова родословная самая что ни на есть военная. И фамилия военная. Потому как вовсе он не Перов, а Стрельцов.

Нет, Александр не менял фамилию, с такой он родился. Но виновата во всем его прабабушка — Анна Афанасьевна. Боевая была прабабка. Захотела себя увековечить и настояла, чтобы в семье несколько детей взяли ее девичью фамилию — Перова. С тех пор некоторые Стрельцовы стали Перовыми. А вообще, по преданию, деревню Михаленино, прежде Колпаково, основал еще в семнадцатом веке неизвестный стрелец. Отсюда и род Стрельцовых пошел.

Оба деда Александра воевали в Первую мировую, побывали в германском плену.

Дед Антон получил тяжелое ранение и стал инвалидом. Деду Федору повезло больше. Перед революцией он окончил школу прапорщиков, получил погоны и выходное пособие 500 золотых рублей. Сумма по тем временам немалая.

Федор, уважавший родителей, приехал в деревню, и первым делом со своего выходного, прапорщического пособия накрыл крышу отцовского дома. Кстати, крыша та цела по сей день. Под этой счастливой крышей вырастут дети и внуки рода Стрельцовых-Перовых.

Дед Федор после революции добровольно вступил в Красную армию. В Великую Отечественную защищал Москву. После войны дед Антон умер и в семье «главным дедом», по праву, считался Федор.

Сын Антона, Валентин, пошел по военной стезе. С одной стороны, видимо, сказался пример дяди, с другой — жизненные обстоятельства. В семье кроме Валентина было еще несколько детей. Жили трудно, конечно, одна мать тянула большую семью.

Отслужив срочную службу, Валентин подал документы в военное училище. Как ни крути, а здесь кормили, одевали, обували, учили. Да и хорошо, крепко учили, ведь Валентин стал курсантом Московского высшего общевойскового военного училища. Их в ту пору иначе их и не называли, как курсанты-кремлевцы. Это известное на всю страну училище выросло из кремлевских курсов.

После окончания Московского ВОКУ лейтенант Валентин Перов попадет служить во вновь создаваемые войска специального назначения Главного разведывательного управления.

В те годы, спецназ, по сути, начинал с нуля. Не было отработанной методики боевой и специальной подготовки, тактики, отсутствовало спецоборудование, оружие, техника.

Валентин Антонович как истинный офицер-спецназовец порядком помотался с семьей по гарнизонам. Служил в Рязани, в Череповце, в Группе советских войск в Германии, учился в академии имени М. В. Фрунзе в Москве. После выпуска был назначен на должность начальника штаба 4-й отдельной бригады специального назначения, которая дислоцировалась в г. Вильянди, в Эстонии. Позже ушел на преподавательскую работу в академию имени М. В. Фрунзе, вел там группу офицеров-спецназовцев.

По примеру отца, после окончания школы в Ленинградское высшее общевойсковое военное училище поступил старший сын Перовых — Алексей.

В это время младшему, Александру Перову, было всего пять лет.

Александр с раннего детства был парнем с характером. С годами он становился все более серьезным. Рано увлекся спортом, особенно любил лыжи. С четвертого класса, с одиннадцати лет, участвовал в лыжных соревнованиях. Уже в пятом классе выполнил норму первого взрослого разряда по лыжным гонкам.

В школе учился хорошо, без троек. Любил точные науки.

И всегда стремился быть впереди. Но это уж фамильная черта.

К окончанию школы и сомнений не было никаких — Александр станет военным, офицером, как дед Федор, как отец и старший брат. Впрочем, в семье никто и не возражал.

В училище, в соответствии с семейной традицией, он тоже был в числе лучших: в спорте, в учебе, в дисциплине. По-прежнему любил лыжи, участвовал в соревнованиях. Увлёкся каратэ.

А примерно за год до выпуска «заболел» «Альфой». Его товарищ—старшекурсник попал в группу «А», и теперь при каждой встрече с восторгом рассказывал об этом легендарном подразделении. Этим восторгом «заразился» и Александр. И попросил товарища порекомендовать его руководству подразделения.

Как известно, в группе «А» к таким рекомендациям относятся серьезно. В общем, изучили, проверили, протестировали Александра Перова, и по выпуску из училища молодой лейтенант получил

распределение в группу «А».

Теперь со старшим братом они чаще встречались в командировках в Чечне, чем в отпусках. Алексей служил в оперативном управлении штаба Северо-Кавказского военного округа, хорошо знал обстановку и помогал брату и его сослуживцам. Он вводил их боевую ситуацию, высказывал свои соображения о перспективах развития оперативной обстановки.

Так Александр начинал постигать основы антитерроризма.

Его первый командир группы — Игорь В., под крылом которого молодой лейтенант начинал набираться опыта, отмечал, что у Перова было важное для бойца качество — наблюдательность. Он грамотно и точно подмечал тонкости, нюансы обстановки.

Во время спецоперации в Комсомольском, когда бои с бандой Гелаева шли почти две недели, а первые десять дней были особенно тяжелыми, поскольку огневой контакт осуществлялся в непосредственной близости с противником, роль наблюдателя многократно возрастала. Этим наблюдателем в группе снайперов и был Александр Перов. Он умел определить по второстепенным, косвенным признакам — где, на каком из объектов находится противник.

«Разумеется, я ему подсказывал, — признается Игорь В. — Обрати на это внимание, обрати на то внимание... И он быстро совершенствовался. Дополнял своим пониманием обстановки.

Была зима, холодно. И вдруг идет дымок не из трубы дома, не из окна, а совсем из другого, неожиданного места. Заметил. Молодец.

Менее разрушенные здания, двор, расположенный так, что противник имеет возможность скрытого передвижения. Углядел. Доложил. Да, верно. Это дает нам возможность занять более выгодную позицию для нанесения огневого поражения, позволяет контролировать территорию».

Во время службы в группе «А» Александр Перов заинтересовался и освоил минно-подрывное дело. В Чечню выезжал уже в качестве подрывника.

Каждое утро там у него начиналось одинаково. Собирался, брал с собой людей, и они выходили, проверяли минные заграждения. Ползли в гору метров на пятьсот и обратно. Когда бойцы работали ночью, он всегда шел впереди, разгораживал проходы, искал мины.

В «Норд-Осте» Александр Перов действовал в своей группе, но с «подрывной» задачей. Он должен был сделать пролом в металлической двери, которая выходила в смотровую яму в зале театрального центра на Дубровке. Однако обстановка в ходе боя изменилась, и командир принял решение: дверь не взрывать, поскольку штурмовые группы уже прорвались

в зал, была вероятность поражения своих. Бойцы изменили направление движения и иным путем прорвались в зал.

В Беслане, где террористы захватили школу, все оказалось намного сложнее. Вот как об этом рассказывает командир штурмовой группы Игорь В.

«С майором Александром Перовым в тот день мы были на рекогносцировке. Изучили объект, направление движения нашей группы при действии по команде «Штурм». Вообще к делу подходили с особой тщательностью. Изучали схему здания, особенно ту часть, куда должны были проникнуть, выбить террористов и закрепиться.

Путь наш проходил через столовую, где мы в последующем и встретили ожесточенное сопротивление бандитов.

Александра хоть и назначили не задолго до этих событий начальником группы, но он должен был исполнять обязанности подрывника. Лучшие него с этим делом вряд ли бы кто справился.

Его задача — проделывать проходы минно-взрывным способом.

Словом, мы возвратились с рекогносцировки, я доложил руководству о результатах, переоделся, потому что был в пыли и грязи, и тут прозвучал взрыв.

Сразу же понеслись доклады наших наблюдателей, снайперов.

Машинально глянул на часы, было где-то 13.08 или 13.09. Дал команду своей группе быстро экипироваться, вооружиться.

В 13.20 моя группа уже находилась у пятиэтажек, где располагались снайперы. Они вступили в огневой контакт с противником. Мы выдвинулись на исходный рубеж.

Перов заранее получил необходимое количество взрывчатых веществ для проделывания проходов.

Дальше действовали так: проделали проход в возможных минных заграждениях, и вышли к зданию столовой. Здесь была металлическая дверь, ею и занимался Александр».

А дальше начался жестокий бой. Террористы постоянно перемещались и вели плотный огонь. Бойцы «Альфы» и «Вымпела» уничтожили одного «духа», другого, в туалете прикончили третьего. Но тут же был убит и боец «Вымпела».

Иногда спецназовцам везло. Сразили террориста, а у него в руке граната с выдернутой чекой. Обычно рука разжимается, и тогда взрыв, жертвы. Но тут бандит упал и к счастью, не разжал руку.

Однако так везло не всегда.

«Олег Лоськов, — вспоминает начальник отдела Валерий К., — погиб сразу. Схватил ребенка, начал его вытаскивать. Здесь боевики открыли яростный огонь. Он стал разворачиваться, закрывая ребенка, и его сразили. Я посмотрел, у него глаза сразу остыли. Ребятам сказал: «Тяжело ранен, вытаскиваем быстро». Хотя понимал, он уже «двухсотый». Пули попали в грудь, в сердце.

Что же касается гибели Перова, то там сложилась следующая ситуация. Он спас своих товарищей от смерти.

Александр прикрывал нас, а террорист неожиданно «выкатился» с противоположной стороны. Соседи не дошли до своей зоны зачистки, и бандит открыл огонь в спину сотрудникам. Тут уже некогда искать укрытие, по сути, это была огневая дуэль. Саша развернулся и сколько мог, стоя, вел огонь по террористу. Уничтожил его и сам получил тяжелые ранения».

Таков был последний бой майора Александра Перова, за который ему присвоят звание Героя России посмертно.

А. Перов. Первая командировка в Чечню

А закончить свое повествование о потомственном военном, о потомственном спецназовце Саше Перове хотелось бы рассказом об одном происшествии.

Случилось это в Москве, вечером, на улице Марии Ульяновой. Александр ехал на машине со службы домой. Устал, желание было одно — скорее переступить порог родного дома, обнять жену, взять на руки крохотного сына.

Движение было достаточно интенсивное, и вдруг из крайнего правого ряда иномарка сделала резкий разворот, промчалась перед его машиной. Александр дал по тормозам, столкновения удалось избежать. «Ну что за идиот», — выругался про себя Перов. Каково же было его удивление, когда

он увидел, что эта же «сумасшедшая» иномарка догоняет его сзади.

Когда на этот раз иномарка подрезала его машину, он затормозил, остановился у обочины, вылез из кабины. Из иномарки вышли трое. В руках у одного из них Перов увидел бейсбольную битую. «Ребята основательно подготовились», — подумал он.

Поговору и самоуверенному гоготанью стало ясно — перед ним кавказцы. Нахальные и самоуверенные. Словом, хозяева жизни. Они видели, что Перов один, безоружный, и втроем смело двинулись навстречу.

Кавказцы, правда, успели разок зацепить Перова битой, на большее им не хватило времени. Удары Александра валили их наземь, и нападавшие быстро ретировались. Однако он успел запомнить номер их машины.

Наутро обратились в милицию, «пробили» номер, машина оказалась в угоне. Теперь оставалось выяснить, кто эти трое. «Альфовцы» «отработали» район, где произошло нападение, и вышли на одного из троих нападавших. У него рука была в гипсе. Оказывается, в драке Александр сломал ему руку.

С помощью найденного бандита удалось разыскать оставшихся двух. Они работали в автосервисе на Коровинском шоссе. Один из них находился в розыске за разбой.

Так бандиты угодили за решетку. Что ж, туда им и дорога. Примечательно другое, все трое нападавших оказались... осетинами.

Вот она трагическая гримаса судьбы — настанет час, и майор Александр Перов отдаст свою жизнь, спасая осетинских детей.

Когда один из командиров группы «А» рассказывал мне этот случай, я обратил внимание на странное совпадение. Он лишь горько улыбнулся: «Мы никогда не проводим таких параллелей». И это правда. Тем и сильна легендарная группа «Альфа» и ее мужественные бойцы.